

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA VI

ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ НА ЮГОСЛАВСКОМ И ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Москва
2025

УДК 94(47:497.4)
ББК 63.3(2)-6+63.3(4Сло)
С 48

Главный редактор:
д. и. н. *К. В. Никифоров*

Редколлегия выпуска:
к. и. н. *Н. С. Пилько* (отв. редактор)
к. и. н. *Ю. В. Лобачева* (отв. редактор)

Рецензенты:
д. и. н., профессор *Я. В. Вишняков*
к. и. н., ст. н. с. *Е. Б. Лопатина*

С 48 **SLOVENICA VI. Женщина в политике, культуре и истории на югославском и постъюгославском пространстве** / главн. ред. К. В. Никифоров; редкол. выпуска: Ю. В. Лобачева (отв. ред.), Н. С. Пилько (отв. ред.). — М.: Институт славяноведения РАН, 2025. — 285 с.

ISSN 2618-8562

DOI: 10.31168/2618-8562.2025.6

Шестой выпуск альманаха *Slovenica* (издается с 2011 г.) составили в основном материалы международной научной конференции «Женщина в политике, культуре и истории на югославском и постъюгославском пространстве», состоявшейся в Институте славяноведения РАН в сентябре 2024 г. Авторами статей выступили ученые из России, Словении и Сербии. Статьи посвящены различным аспектам жизни и деятельности женщин на югославянском пространстве в XIX–XXI вв. Данный выпуск представляет интерес как для специалистов, так и для более широкого круга читателей.

SLOVENICA VI. Women in Politics, Culture, and History in Yugoslavia and the Post-Yugoslav World / ed.-in-chief K. Nikiforov. Editorial board of the issue: Yu. Lobacheva (chief ed.), N. Pilko (chief ed.). — М.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. — 285 p.

The sixth issue of the *Slovenica* almanac (published since 2011) contains mainly materials from the international scientific conference “Women in Politics, Culture, and History in the Yugoslav and Post-Yugoslav World”, which was held at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences in September 2024. The authors of the articles are scholars from Russia, Slovenia, and Serbia. The articles are devoted to the various aspects of women’s lives and activities in the South Slavic region from the 19th to the 21st century. This issue is addressed both for specialists and for a wide audience of readers.

УДК 94(47:497.4)
ББК 63.3(2)-6+63.3(4Сло)

ISSN 2618-8562

DOI: 10.31168/2618-8562.2025.6

© Институт славяноведения РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

Содержание

Предисловие	5
Грдина И. Три создательницы либретто: Луиза Песьяк, Люба Преннер и Светлана Макарович	9
Мельчакова К. В. Из истории православной школы для девочек в Мостаре в 1850–1870-е годы (по материалам российских архивов)	27
Кирилина Л. А. О создании высшей женской школы в Любляне	50
Секулович Е. Надежда Петрович (1873–1915) — «хранитель» музейных фондов на службе нации	70
Керимова М. М. Балканское путешествие первой женщины- профессора этнографии в России (1901 г.)	98
Лобачева Ю. В. Катарина Богданович и женское движение в межвоенной Югославии	123
Чепелевская Т. И. Зофка Кведер (1878–1926): страницы жизни и творчества	148
Пилько Н. С. Женские словенские периодические издания в межвоенный период (1920–1930-е годы)	168
Бондарев Н. В. Женские образы в югославском кино межвоенного периода	189

Осет Ж.

Словенские учёные и постдокторантская подготовка — Ана Майер-Кански, Алма Содник, Людмила Долар-Мантуани и Бибиана Чуйец..... 203

Созина Ю. А.

Тютчевский образ женщины в словенских поэтических переводах..... 229

Старикова Н. Н.

Женщина и эпоха: история СФРЮ сквозь призму личного нарратива в романе М. Кресе «Страшно ли мне?» 247

Сорокин Д. А.

Первая женщина-президент Республики Северная Македония: позиционирование в медиа 263

Сведения об авторах 282

Предисловие

Альманах Slovenica издается Институтом славяноведения Российской академии наук с 2011 г. Предложенный вашему вниманию шестой выпуск содержит в себе материалы международной междисциплинарной научной конференции «Женщина в политике, культуре и истории на югославском и постъюгославском пространстве», состоявшейся в Институте славяноведения 17 сентября 2024 г. В конференции приняли участие историки, культурологи, филологи, литературоведы из России, Словении и Сербии. Альманах собрал в себя разнообразные исследования, объединенные общей целью — проанализировать вклад женщин в развитие региона. Хронологически сборник охватывает период с XIX в. по XXI в. Представленные работы органично сочетают исторический, литературоведческий, культурологический и гендерный подходы. Опираясь на широкую источниковую базу: архивные материалы, мемуары, периодику и малоизученные документы, исследователи вводят в академический оборот новые ценные данные. Авторы затрагивают такие темы, как конструирование женской идентичности, борьба за эмансипацию, осмысление памяти, путь женщины в науке, политике и искусстве.

Некоторые темы затрагиваются в отечественной историографии впервые, как, например, статья словенского историка и культуролога И. Грдины, посвященная словенской либреттистке и ее видным представительницам Луизе Песьяк (1828–1898), Любе Преннер (1906–1977) и Светлане Макарович (1939 г.р.), или статья российского историка Н. С. Пилько, посвященная словенским периодическим изданиям для женщин в 1920–1930 годы. Автор рассматривает

основные темы этих изданий, создавая картину интересов и устремлений словенских читательниц того времени.

Далее следует работа российской исследовательницы К. В. Мельчаковой о православных школах для девочек в Боснии и Герцеговине, в частности в главном городе Герцеговинского санджака — Мостаре, в середине XIX в. Опираясь на фонды Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), автор установила, что в 1859 г. русская императрица Мария Александровна пожаловала значительную сумму денег на строительство этого учебного заведения, которое функционировало вплоть до австро-венгерской оккупации Боснийского вилайета. В статье российского историка Л. А. Кирилиной рассматривается история создания высшей женской школы в Любляне во второй половине XIX в., которая позднее была преобразована в Городской женский лицей, где у словенских девочек впервые появилась возможность получить полное среднее образование.

Работа исследовательницы из Сербии Е. Секулович посвящена жизни и творчеству сербской художницы и коллекционера Надежды Петрович (1873–1915). Коллекционное наследие Н. Петрович, которое в настоящее время хранится в Этнографическом музее в Белграде, отражает интересы художницы, стремившейся внести вклад в создание национального стиля в искусстве и борющейся за национальную самобытность. Будучи представителем поколения патриотически настроенной молодежи, расцвет которого пришелся на смену столетий, Н. Петрович, создавая свою коллекцию, стремилась подчеркнуть ценность и красоту народного творчества. Статья российского этнографа М. М. Керимовой о жизни и научной деятельности Веры Николаевны Харузиной (1866–1931), внесшей вклад в становление и развитие российской этнографии в последние десятилетия XIX – первой трети XX в. Ее труды, в частности, были посвящены югославянскому региону. Многогранная популяризаторская и просветительская деятельность В. Н. Харузиной до сих пор

вызывает интерес ученых разных областей гуманитарного знания.

Статья российского историка Ю. В. Лобачевой позволяет составить некоторое представление о жизни и деятельности феминистки и борца за равенство женщин Катарины Богданович (1885–1969), которая, без сомнения, является видной личностью — известна как философ, педагог, писатель, литературный критик, редактор, как одна из первых женщин-директоров средних женских школ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и общественный деятель. О жизни словенской писательницы, переводчицы и журналистки, участницы феминистического движения в Словении и Хорватии Зофки Кведер (1878–1926) идет речь в работе российского литературоведа Т. И. Чепелевской.

Очерк словенского историка Ж. Осета затрагивает тему постдокторантской подготовки, которая является ключевым этапом в академическом развитии каждого ученого. Стремление женщины стать ученым в межвоенный период на словенских землях было редким явлением, как правило, сопряженным со множеством трудностей и непониманием общества. Рассматривая судьбы исследовательниц, автор показывает их нелегкий путь в науку и их дальнейшую академическую карьеру.

Далее следуют интересные с точки зрения культурологии статьи российских исследователей Н. В. Бондарева и Ю. А. Созиной. Статья Н. В. Бондарева посвящена женским образам и их интерпретации в сербском кинематографе в 1920–1930-е годы. А работа Ю. А. Созиной знакомит нас со словенскими переводами романтической лирики Ф. И. Тютчева и образами женщины в них.

Статья Н. Н. Стариковой посвящена роману М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012 г.), действие которого охватывает семь десятилетий словенской истории XX века. В нем рассматривается одна из актуальных тенденций репрезентации прошлого через воплощение индивидуального переживания

реальных событий: в частной судьбе отдельно взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи.

Статья российского исследователя Д. А. Сорокина посвящена первой женщине-президенту Республики Северная Македония Гордане Силяновской-Давковой. Автор прослеживает процесс формирования ее имиджа посредством масс-медиа и их влияние на ее политическую карьеру, венцом которой стала должность президента.

Шестой выпуск альманаха *Slovenica* является уникальным, поскольку впервые на его страницах затронута тема роли женщины в различных профессиональных сферах — в науке, культуре, политике, искусстве — на югославском и постъюгославском пространстве. Несомненно, сборник будет интересен не только специалистам по истории данного региона, но и широкому кругу читателей.

DOI: 10.31168/2618-8562.2025.6.14

DOI: 10.31168/2618-8562.2025.6.02

И. Грдина

Три создательницы либретто: Луиза Песьяк, Люба Преннер и Светлана Макарович

I. Grdina

Three creators of the libretto: Louisa Pesyak, Luba Prenner, and Svetlana Makarovich

Аннотация: Статья посвящена словенской либреттистике и ее видным представительницам — Луизе Песьяк (1828–1898), Любе Преннер (1906–1977) и Светлане Макарович (1939 г.р.). Читатель узнает не только о творчестве этих либреттисток, но и об их пути в искусство, их жизни. Благодаря историческому контексту автор показывает, с какими трудностями сталкивались авторы текстов опер, в каких исторических условиях формировалась словенская национальная оперная культура.

Ключевые слова: Словения, опера, либретто, театр, Луиза Песьяк, Люба Преннер, Светлана Макарович.

Annotation: The article is devoted to the Slovenian librettist and her prominent representatives — Luisa Pesyak (1828–1898), Luba Prenner (1906–1977) and Svetlana Makarovich (born in 1939). The reader learns not only about the work of these librettists, but also about their path to art and about their lives. Thanks to the historical context, the author shows the difficulties faced by the authors of the opera texts, in what historical conditions the Slovenian national opera culture was formed.

Keywords: Slovenia, opera, libretto, theater, Luisa Pesyak, Luba Prenner, Svetlana Makarovich.

Как жанр либретто является маргинальным с точки зрения художественной литературы. Его относят к «обслуживающим» типам произведений. О его успешности с конца XVIII в. судят по тому, как текст ложится на музыку. Опера получает признание или проваливается только как нечто целостное. Но есть и исключения: когда музыкальная сценическая работа пользуется успехом несмотря на то, что ее либретто при всем желании нельзя считать ни хорошим, ни приемлемым. Наиболее известные примеры таких опер — это «Трубадур» (1853 г.) и «Сила судьбы» (1862 г.) Джузеппе Верди, которые являются просто набором ярких сцен. Мэтр итальянской оперы сумел оба либретто превратить в эффектные музыкально-драматические произведения, создающие особую логику музыкальной сцены. Нечто подобное ранее удалось и Моцарту в «Волшебной флейте» (1791 г.), хотя у зальцбургского гения была более легкая задача, поскольку текст, к которому он писал ноты, был сказкой, а это значит, что в его произведении переживания и представления, выходящие за рамки повседневной жизни, были ожидаемы. «Трубадур» и «Сила судьбы» могли найти оправдание своим фабулативным путаницам только при погружении в историю происходящего и в далекое, даже экзотическое окружение, но это могло бы оправдать только отдельные элементы при отклонении от общепринятой событийной вероятности.

Ранее с либретто все обстояло иначе: его «король» Пьетро Метастазιο (1698–1782) фактически был последним итальянским литератором, который в свое время входил в число самых влиятельных фигур литературной жизни на европейском культурном пространстве. В то же время он был первым (по крайней мере, в течение некоторого времени) автором континентального значения, живущим в Вене. Спустя много-много лет, когда реальность эпох Марии Терезии и Иосифа II уже стала историей, мы можем сказать, что он стал первым предвестником той значительной роли в литературной жизни, которую в дальнейшем сыграл город на

прекрасном голубом Дунае. Грильпарцер Франц (1791–1872) в какой-то мере стал его наследником. Он написал либретто для второй, так и не увидевшей свет, оперы Бетховена «Мелузина»¹.

Гуго фон Гофмансталь (1874–1929), вскоре ставший одним из главных основателей «молодой Вень», был известен не только как поэт, рассказчик, драматург и вдохновенный переводчик-аранжировщик старинных произведений, но и как автор оперных текстов. Во многих уголках мира его тексты, положенные на музыку Рихарда Штрауса, являются самыми известными произведениями поэта. «Электра», «Кавалер розы», «Ариадна на Наксосе», «Женщина без тени», «Елена Египетская» и «Арабелла», вероятно, и по сей день остаются самыми известными литературными достижениями либретто. Ни Уистен Хью Оден (1907–1973), который вместе с Честером Каллманом (1921–1875) писал для Игоря Стравинского, ни Ханс Вернер Хенце (1926–2012) и Николай Набоков (1903–1978), ни другие выдающиеся поэты XX в. не могли похвастаться более тонким чутьем сложного сочетания музыкальной и театральной драматургии. Музыкальная драматургия требовала деликатной перемены голосов в ариях или сольных выступлениях, массовых и хоровых сценах, в то время как театральная драматургия нуждалась в сценическом взаимодействии и эффектности. В опере слова поются, а не произносятся, и это не дает возможности передать второстепенный смысл в той степени, как в драме, также меньше возможностей для ретроспективного раскрытия в сценическом действии важных предшествовавших ситуаций и мизансцен. Начало «Трубадура», его первая сцена, отличный пример не особенно впечатляющего разъяснения

¹ Грильпарцер рассматривался в качестве либреттиста и для других оперных проектов Бетховена — «Афинских руин», «Макбета» и «Драгомира». Бетховен завершил только оперу «Фиделию». См. подробнее: *Peřman R. Beethovens Opernpläne. Brno, 1981. S. 128, 129.*

прошлого². Продолжение, для понимания которого это важно (что объясняется в самом начале), представляет собой серию сцен из основных моментов сюжета и развязки, подобных тем, которые представлены в драматическом варианте романтической трагедии Антонио Гутьерреса (1813–1884).

Метастасио внес значительный вклад и в историю словенской литературы: из-за своей репутации в Европе он казался просветителям из Любляны эталоном, по которому они мерили свои достижения. Когда будущий епископ Янез Риччи, являвшийся заметной фигурой не только благодаря своей приверженности словенскому Возрождению и словенской музыке, но и потому что был масоном и награжден наполеоновским орденом почетного легиона, в начале весны 1782 г. (или чуть раньше) спел песню на стихи Антона Томажа Линхарта (1756–1795)³ придворному поэту, жившему в то время в Вене, напротив Хофбурга, мастер высоко оценил благозвучие неизвестного ему прежде языка⁴. В XVIII в. поэтика уделяла большое внимание звуковому размеру текста. Стихотворные формы ценились очень высоко; рифма была,

² Первая картина — творение либреттиста Сальваторе Каммарана; изначально композитор считал, что оперу лучше всего начать со следующей сцены. См. подробнее: *Budden J. The Operas of Verdi 2. From Il trovatore to la Forza del destino*. London, 1978. S. 72.

³ *S. [Jakob Zupan]. Vorzug des Krainischen von dem Russischen und Serbischen, von Russen und Serben selbst anerkannt // Illyrisches Blatt. XIV. № 10. 5.03.1831. S. 40.* Заманчиво думать, что Риччи Метастасио исполнил арию из оперы Джованни Паизелло *La franscatana* в словенском переводе Линхарта. Все либретто ревностный просветитель перевел на немецкий язык для театра; его работа также была напечатана люблянским издательством Eger. См. в кн.: *Cigoj Krstulović N. Odkritje Linhartovega prevoda italijanskega opernega besedila La franscatana (1782) // Slavistična revija. LXIV. Št. 4. S. 475–487.* Однако Линхарт также перевел или написал несколько других песен, но, скорее всего, не все дошли до нас. См. в кн.: *Gspan A. Cvetnik slovenskega umetnega pesništva do srede XIX. stoletja. Knjiga I. Ljubljana, 1978.* Иллюстрации между страницами 256, 257.

⁴ *Legiša L., Gspan A. Zgodovina slovenskega slovstva. Do začetkov romantike. Ljubljana, 1956. S. 392.*

так сказать, синонимом поэзии, а когда в романтизме Центральной Европы утвердились испанские формы, также стал цениться и ассонанс. Позднее Рихард Вагнер в текстах своей музыкальной драмы из тетралогии «Кольцо Нибелунга» работал над амбициозным возрождением аллитерационного стиха, однако, из-за его привязанности к германской мифологии, не имел большого успеха.

Словенская либреттистика во второй половине XVIII в. пыталась идти в ногу с мировыми тенденциями. Юрий Япель (1744–1807), принадлежавший к католическому крылу «реформаторов мира», перевел многократно переложенное либретто Метастазियो «Артаксеркс»⁵, а А. Т. Линхарт под названием *Das öde Eiland* подготовил немецкую версию своего текста *L'isola disabitata*, который также использовался в произведениях ряда композиторов. Текст он задумал как зингшпиль⁶. Время стремительных перемен в мире, когда элиты начали различными способами коммуницировать с людьми более низкого происхождения, было плодотворным для сцены: неграмотных или плохо умеющих читать людей было еще очень много, поскольку только в эпоху Марии Терезии были открыты школы для всех и результат от их работы следовало ожидать нескоро, поэтому только в театре простые люди могли познакомиться с выдающимися произведениями литературы или искусства.

Не следует также забывать, что первое словенское светское театральное произведение — оперетта Янеза Дамаскена «Дева» — было создано чуть раньше. Речь шла о творении, вдохновленном не самыми известными произведениями Метастазियो — великолепными историческими мелодрамами, и

⁵ Ibid. S. 372.

⁶ Эта немецкая версия либретто Линхарта, вероятно, не была предназначена для конкретной музыкальной постановки или спектакля в Любляне, как его перевод текста Филиппо Ливиньи для *Fraskatijčanko*. См. *Linhart A. T. Blumen aus Krain*. Ljubljana, 1781. S. [9]–36.

тем более не о тех частях в их составе, которые раскрывают свое послание с помощью аллегорий⁷. Речь идет о парадигме, которая была разработана еще в XVII в., несмотря на это, он в долгу перед Трапасси за несколько успешных произведений, в числе которых и работа о бесплодном острове, которая так вдохновила Линхарта.

Таким образом, можно сказать, что либретто в отдельные периоды в определенных кругах было важным литературным жанром. Можно утверждать, что кое-где этот жанр стал престижным в какой-то момент: если бы было иначе, Пушкин, конечно же, не пообещал Михаилу Ивановичу Глинке, что напишет текст для оперы «Руслан и Людмила»⁸. Опера, в которой сочетались слово, интонация и сценическая игра, привлекла — хотя и по разным причинам — многих творческих личностей. Богатые люди эпохи барокко видели в ней, прежде всего, зрелищность, а люди просвещенные — наводящий на размышления вид искусства, в котором спетое слово расширяло пространство восприятия отдельных популярных отрывков (особенно арий), но нередко одновременно ограничивало их понятность. Для романтиков, которые оказали большое воздействие на творчество первой половины XIX в., музыкальная сцена была захватывающей из-за связи мысли с потенциальной выразительностью типичных проявлений нескольких направлений искусства. С одной стороны, Эрнст Теодор Гофман (1776–1822) своей разнообразной деятельностью доказал, что человек может существенно влиять на различные сферы, а с другой — была влиятельна идея о целостности творения, которое объединяло бы слово, тон, движение и художественно-архитектурные нюансы сцены. Предполагалось, что художественное произведение будущего станет их сплавом.

Наиболее весомой попыткой объединить разные типы выражения в рамках одного произведения стала музыкаль-

⁷ *Legiša L., Gspan A. Zgodovina slovenskega slovstva...* S. 363.

⁸ *Sivec J. Opera skozi stoletja. Ljubljana, 1976. S. 270.*

ная драма Вагнера. Проблема, однако, заключалась в том, что она была синонимом дорогостоящего театра. В крупных культурных центрах Европы идеи великого реформатора музыкальной сцены были, пусть и с трудом, но осуществимы, из-за того, что больших сцен было мало, он построил собственный театр в Байройте, в небольших же городах приходилось довольствоваться приблизительными вариантами постановок и вынужденными решениями. Таким образом, оперный мир по уровню постановок разделялся на две части. К первой относились элитные театры с высочайшими стандартами постановок, которые определяли континентальные или региональные художественные тенденции, их успех в основном был вызван доступностью новых творений именитых композиторов и опытных либреттистов; а ко второй относились храмы Талии, чья деятельность была направлена на легкие жанры или на удовлетворение национальных или более узких амбиций. В любом случае, оперное искусство одной ногой стояло в зоне элитарной культуры, а другой — в зоне массовой культуры, ее сводной сестры.

Исключительная роль музыкальной сцены в объединении выразительных возможностей различных направлений искусства привела к тому, что развитие национальные культуры во второй половине XIX в. невозможно представить без нее. Это была одновременно и проверка возможностей, и доказательство способностей определенной среды. Понимание этого на свой лад в 1870 г. продемонстрировал и Крайнский провинциальный комитет (в то время словенские депутаты имели большинство в парламенте Любляны, поэтому его исполнительный орган прислушивался к пожеланиям их национальных деятелей), который объявил конкурс и премию за создание трагедии или оперетты на родном языке. Аполлон в тот раз не был благосклонен к драме, но благоволил музыке. 27 апреля 1872 г. в Люблянском Провинциальном театре

состоялась премьера оперетты Антона Фёрстера (1837–1926) «Гореньский соловей», получившей первую премию⁹.

Особое внимание было тогда уделено автору либретто Луизе Песьяк (1828–1898), которая получила достойное признание за свои творческие заслуги. Скорее всего, это было первым предзнаменованием огромной роли женщин в словенской культурной жизни. Награды за достижения в области искусства, в значительной степени отданные на откуп частной инициативе, были весьма редки в XIX в. Но было больше меценатства, позже появились другие виды поддержки, однако распределение средств определялось не только качеством работы, но и имущественным положением.

Луиза Песьяк, которую в юном возрасте сам Франце Прешерн (1800–1849) побудил заняться литературным творчеством, сначала писала на немецком, но со временем начала творить на словенском. Ее отец Блаж Кробат был юристом, у которого поэт проходил стажировку. Однако на самом деле он часто подменял его в конторе, поскольку в последние годы жизни его начальник частенько не мог работать из-за пьянства. Благодаря своим знаниям и способностям Прешерн сохранил профессиональную репутацию Кробата и позволил его семье вести достойный образ жизни. Луиза, которая через несколько месяцев после смерти отца, скончавшегося в середине июля 1848 г., вышла замуж за люблянского торговца Симона Песьяка, очень ценила поэта и старалась показать это различными способами. С одной стороны, она использовала те же поэтические формы, что и Прешерн, а с другой — продолжила его работу по распространению словенского языка в самых разных формах. Более того, она оказала честь своему вдохновителю, используя его образ в сценическом произведении. От трагедии о Прешерне осталась только основная часть, причем непонятно, то ли она не была закончена, то ли пятый акт был утерян.

⁹ Novice gospodarske, obrtniške in narodne. XXX. Št. 18. 1.05.1872. S. 345, 346.

Либретто для оперетты Фёрстера не имеет прямого отношения к поэту, но путь Луизы Песьяк к написанию произведений для музыкальной сцены связан с ним. Сочинительница впервые обратилась к этому театральному направлению с мыслью переложить поэму Прешерна «Крещение при Савице» на музыку, но переход на оперную сцену не состоялся. Однако, когда ее дочь Хелена вступила на путь профессиональной певицы, она, очевидно, много размышляла о музыкальной сцене. Ария Шансонетта¹⁰ из «Гореньского соловья» доказывает, что она неплохо разбиралась в этой области. Партии для сопрано, в которых француз представляет себе Минку (героиня оперы. — *прим. пер.*), важны: все они заметны и значимы в различных операх. Но среди них нет выражено драматичных. Вероятно, это был своеобразный подарок автора своей дочери, которая дебютировала на сцене Дрезденской придворной оперы в роли Агаты в «Вольном стрелке» в год первого представления «Гореньского соловья». Среди ряда других героинь, в которых воображение Шансонетта уже видит Минку, на первом месте центральный женский персонаж в самой известной опере Карла Марии фон Вебера (1786–1826)¹¹. Луиза Песьяк, которая в середине мая 1877 г. в десятом номере журнала Йосипа Стритара (1836–1923) *Zvon* опубликовала воспоминания о своем втором путешествии в Дрезден¹², после описания триумфального дебюта дочери дала дополнительное пояснение своему видению и чувствам, возникшим в ее воображении относительно созданного персонажа учителя пения.

Луиза Песьяк написала текст для лирической оперетты. По-видимому, она хотела подчеркнуть, что суть сюжета

¹⁰ Ария Шансонетта была опущена в более поздних вариантах «Гореньского соловья». Я нашел его партию (в сопровождении фортепиано) при изучении материалов для написания данной работы в неполной версии его оперы, которая хранится в Национальной и университетской библиотеке в Любляне.

¹¹ *Pesjak L. Gorenjski slavček. Ljubljana, 1872. S. 21.*

¹² *Pesjak L. V Draždanih // Zvon. III. Št. 10. 1877. S. 146–150.*

в «Гореньском соловье» не комична. Речь идет о том, что добросердечный богатый француз, поселившийся в словенском Приморье (на самом деле он беженец), хочет помочь талантливой девушке, обучив ее и отправив петь на великие сцены мира, но зов Родины сильнее. И Шансонетт понимает, что не может сделать людей счастливыми против их воли; Минка остается верной любви к своему парню, учитель музыки дает ей деньги, необходимые для покрытия долгов, а затем прощается.

Позже Фёрстер переделал «Гореньского соловья» в оперу: поскольку перо Луизы Песьяк не было достаточно искусным для такого произведения, он обратился за помощью к Эмануэлю Франтишеку Цунгелю (1840–1894), который также работал с Бедржихом Сметаной (1824–1884). Опытный театральный деятель, который перевел ряд текстов для чешской (музыкальной) сцены, а также выступал на них в составе хора и как актер небольших ролей, внес значительные изменения. Прежде всего, он добавил комических черт персонажам, которые хотели бы помочь Минке, ошибочно полагая, что Шансонетт просто пытается увести ее из дома. Но, в конце концов, все проясняется, и в сюжете оперы, которая не допускает на сцену ни одного злого типажа, закручивают интригу недалекие, но здравомыслящие герои, все завершается веселым настроением и полным взаимопониманием. С этой версией Фёрстер получил большое признание: после люблянской премьеры оперы «Гореньский соловей» в 1896 г.¹³ она была опубликована в виде фортепианного отрывка¹⁴, а также поставлена на словенских и зарубежных сценах.

Цунгель написал текст для оперной версии первой оперы Фёрстера на чешском (и, возможно, на немецком) языке, а некоторые части — на французском. Редакция словенского текста была подготовлена разносторонним литератором

¹³ *Foerster A. Gorenjski slavček. Krainer Nachtigal. Ljubljana, 1901.*

¹⁴ «Гореньский соловей» исполнялся в операх Любляны и Марибора, а также в Чехии и Австрии.

Энгельбертом Ганглем (1873–1950). Свою задачу Цунгель выполнил к 1876 г.¹⁵, до премьеры оперы он не дожид, скончавшись в 1894 г. Оперную версию «Гореньского соловья» смотрела Луиза Песьяк, которая скончалась 1 марта 1898 г. Вероятно, она согласилась с расширением и переработкой своего произведения, потому что в противном случае новая версия ее текста не появилась бы.

Идея основательной переработки «Гореньского соловья» в оперу, вероятно, появилась у сочинителя в связи с похожей судьбой первого варианта «Проданной невесты» Бедржиха Сметаны. Фёрстер оттачивал свое музыкальное мастерство у чешского мастера, который к тому же был самым выдающимся членом жюри, присудившим его работе приз на конкурсе Драматического общества. Позже опера Фёрстера, премьера которой после постановок в Любляне состоялась и в Брно, еще несколько раз перерабатывалась. В качестве ее классической версии был выбран вариант, который — по-видимому, по согласованию с еще живым композитором — был подготовлен Карелом Ераем и Осипом Шестом для постановки после Первой мировой войны¹⁶. Самым заметным изменением, которое сразу можно было услышать, было добавление народных песен, которые подчеркивали принадлежность «Гореньского соловья» именно словенской национальной опере. Партитура Фёрстера ранее настолько полно соответствовала музыкальным парадигмам, доминировавшим в габсбургской Центральной Европе во

¹⁵ Партитура с его версией текста, хранящаяся в Люблянской национальной и университетской библиотеке, датируется этим годом.

¹⁶ Премьера состоялась 30 ноября 1922 г., накануне национального праздника — Дня объединения, и «Театральная газета» также отметила 85-летие композитора. Сам Фёрстер, который вместе с женой приехал из г. Ново Место, присутствовал на премьере оперы. Композитор пережил настоящий триумф, а критика сразу же объявила его оперу «репрезентативной». См. Slovenec. Št. 265. 30.11.1922. S. 4; Slovenec. Št. 266. 1.12.1922. S. 6.

второй половине XIX в.¹⁷, что ее национальная основа больше просматривалась в либретто. Однако не следует думать, что текст Луизы Песьяк был переполнен патриотизмом. В ее либретто противоречия между родным краем и остальным миром разрешаются после нескольких комических сюжетов, и в конце мир становится таким же идиллическим, гармонично-лирическим, как и в начале.

Люба Преннер (1906–1977) принадлежала к другому времени, чем Луиза Песьяк. Она родилась «в пору осени» монархии Габсбургов, в 1906 г. Ее поколение пережило две мировые войны. В королевской Югославии Люба Преннер была в оппозиции к властям из-за своих левых взглядов, а после прихода к власти коммунистов в 1945 г. даже оказалась в тюрьме из-за критики режима; она была возмущена несправедливостью безжалостного вмешательства власти в жизни отдельных людей. В 1947 г. ей запретили заниматься своей основной профессией, она была высококвалифицированным юристом, а в период с 1949 по 1951 г. ее интернировали в рабочий лагерь в Кочевье. При этом никто не принял во внимание, что в начале оккупации она сотрудничала с Освободительным фронтом. На свободе, спустя некоторое время, она снова получила разрешение работать по профессии и была известна как бескомпромиссная защитница людей, попавших в немилость властей.

¹⁷ Возник даже вопрос о том, ощущал ли Ферстер себя словенским, славянским или универсальным (эклетичным) композитором. См. *Cigoj Krstulović N. Langague, Literature and Music in Slovenian Cultural and Political Aspirations before 1914 // De musica disse-randa. XII. 2016. Št. 1. S. 104.* Такие странные вопросы возникают из-за предположения, что принадлежность — это интегралистский феномен, в котором нет никакой необходимости. Словенцы или чехи, безусловно, не были национальными ренегатами, если они написали какой-либо текст на немецком языке. Это лучше всего подтверждается примерами Йосипа Стритара и Франтише-ка Палацкогo (1798–1876).

Люба Преннер вошла в историю литературы как автор повести «Неизвестный преступник», которая является одновременно и детективом, и пародией на его жанровые формы: следователей по уголовным делам в произведении так много, что они мешают друг другу, и в конце концов настигает преступника только судьба, от руки которой он и погибает.

После Второй мировой войны власти обвинили ее в том, что она нарушила культурное молчание, объявленное Освободительным фронтом (в 1943 г. в Люблянском театре была поставлена ее пьеса «Ее великий муж»), что также помешало ей публиковаться¹⁸. Единственным исключением было ее творчество в области написания либретто. По-видимому, этот жанр не казался настолько важным, чтобы контролировать его с той же строгостью, что и другие направления литературы¹⁹. Таким образом, Люба Преннер даже была указана как автор текста оперы Данилы Швары (1902–1981) «Прешперн» на торжественной премьере в марте 1954 г. В театральном листке, который был опубликован после премьеры, не было неловкости или чего-то подобного от публичного появления проблемного автора.

¹⁸ После войны власти упрекали лишь некоторых авторов в несоблюдении «культурного молчания»; Отон Жупанчич (1878–1949) или Лучиан Мария Шкерянец (1900–1973) за свои публикации или выступления во время оккупации не понесли наказания.

¹⁹ После Второй мировой войны коммунистические власти Словении закрыли ряд журналов; их действия были намного жестче, чем в Белграде или Загребе. Вероятно, это было связано с тем, что югославские власти с горечью осознали свое поражение в борьбе за руководство коммунистами в условиях конфликта между белградским и московским политбюро в 1948 г. по поводу территории зоны «А» Свободной территории Триест. Сторонники И.В. Сталина, даже среди словенских левых, слишком сильно преобладали над теми, кто считал, что маршал Тито был прав в споре между товарищами. Пересечь границу Свободной территории Триест было непросто, но важно, чтобы между людьми с одной стороны и с другой не было языковых барьеров.

Люба Преннер написала либретто, которое она назвала «Прощание с юностью», весной 1947 г.²⁰, не помышляя о сотрудничестве с конкретным композитором. Фактически, она отдала дань уважения Прешерну своим текстом: она представила на сцене его любовь к Юлии Примич (1816–1864) и судьбу проклятого поэта. В некотором смысле, она продолжила то, на чем остановилось перо Луизы Песьяк. Она использовала технику монтажа: слова поэта, от первого до последнего, использованные в его творчестве. Другие персонажи также время от времени используют его формулировки, причем отрицательные герои со всей серьезностью говорят то, что у Прешерна было задумано как сатира, что добавляет гротеска. Люба Преннер стремилась не к исторической реконструкции, а к максимально яркому отображению судьбы одинокого творца, который позволяет дать свободу своим чувствам в обывательском окружении.

В Вене и Франкфурте всесторонне образованный Данило Швара, у которого на тот момент уже были две успешно поставленные оперы — «Клеопатра» и «Вероника Десеницкая», адаптировал в «Прешерне» свою музыку к романтически интерпретированной истории словенского великого поэта. Видимо, он хотел написать оперу, которая была бы близка широким кругам зрителей, что соответствовало духу послевоенного времени. И до, и после композитор был ближе к модернистским течениям, но избегал экспериментальных крайностей. Его музыкальный радикализм, даже принимая во внимание его два самых ярких сочинения: одно относится к периоду перед Второй мировой войной (первая версия «Клеопатры») и второе — после 1960 г. («Океан»)²¹, весьма сдержан. Он использует средства, которые уже были опробованы другими авторами и доказали свою эффективность на сцене. Характерно, однако, что Швара не пытался продол-

²⁰ *Prenner L.* Moje opravičilo // Gledališki list. Opera. Slovensko narodno gledališče. Opera. 1953/1954. Št. 6. S. 110.

²¹ *Sivec J.* Opera skozi stoletja... S. 502, 503.

жать в направлении, намеченном в опере «Прешерн», хотя и добился немалого успеха с этим произведением. Более того: довольно долго он не брался за создание нового музыкального опуса. Люба Преннер, однако, совершенно не проявила себя как режиссер-постановщик, что довольно печально, учитывая ее способности либреттиста. Однако в условиях жесткой политической непримиримости смолкает даже опера, которая еще в XIX в., смогла донести до общественности некую политическую идею.

Светлана Макарович (1939 г.р.), без сомнения, среди всех словенских либреттистов является самым признанным поэтом. В опере «Стрекоза», для которой она написала слова, положенной на музыку Павле Мерку (1927–2014), есть кое-что особенное: ее произведение 19 ноября 1976 г. было представлено на итальянском языке в театре Верди в Триесте²². Заказ на самое грандиозное свое сочинение композитор получил от Джампаоло де Ферра (1929–2015), который был его спонсором. Его друг юности и одноклассник, он считал Мерку лучшим композитором Триеста²³.

Автор либретто — разносторонняя театральная личность: на момент написания либретто, то есть в 1974 г.²⁴, она уже завершила свою актерскую театральную карьеру, поэтому все чаще выступала на общественной сцене как автор кукольных пьес. Как свободный писатель, она смогла посвятить себя сочинительству, которое не было связано с

²² *Rijavec A.* Slovenska glasbena dela. Ljubljana, 1979. S. 187.

²³ *Šček J.* «Prava slovenščina je govorjena slovenščina, ne pa tista, ki jo pišejo teoretiki». Интервью с Павле Мерку в *Novi glas* можно найти на сайте издания. URL: <https://www.noviglas.eu/prava-slovenscina-je-govorjena-slovenscina-ne-pa-tista-ki-jo-pisejo-teoretiki/> (дата обращения: 15.02.2025). Джампаоло де Ферро был позднее также ректором музыкальной академии в Триесте.

²⁴ *Zupančič S.* Kačji pastir – La Libellula: Glasbena večjezičnost opere Pavla Merkuja // *Nova glasba v «novi» Evropi med obema svetovnima vojnama.* Ljubljana, Koper, 2018. S. 320.

ожиданиями других и не было вплетено в неприемлемый для нее контекст.

Павле Мерку еще до «Стрекозы» положил на музыку цикл стихов Светланы Макарович. Вокально-инструментальная композиция «Армейское время», впервые исполненная в январе 1975 г., до написания оперы была важнейшим творческим прочтением композитором ее стихов. В то же время это была и своего рода подготовка к опере, некое прокладывание к ней дороги. Мерку считал, что время этой музыкальной формы, как творческого вызова, уже завершилось. Он совершенно пренебрежительно относился к усилиям некоторых своих коллег: для него нацеленная на традиции опера Данилы Швары «Прешерн» была обычной «спекуляцией»²⁵. До написания оперы, Мерку, через перекладывание поэзии на музыку, усвоил стиль баллад. Форму, которую он считал уже отправленной на пыльную полку, он поставил на фундамент, никогда не использовавшийся до него. По сути, это была отдаленная связь с традиционной формой.

После нескольких мучительных неудач с созданием оперы Мерку тематически попал в непримиримо суровый сказочный мир Светланы Макарович, который, однако, хочет быть бескомпромиссно реалистичным в тематизации жизненных проблем. В нем есть место мечтам, но нет места иллюзиям. Луна и ее муж, который аллегорически изображен в виде мертвеца, сталкиваются с символами их взаимной отдаленности и встреч. Они переживают ряд различных чувств, которые приводят их к экзистенциальным крайно-

²⁵ В 1955 г. Мерку, который тогда безуспешно разрабатывал оперу по роману Ивана Прегеля (1883–1960) «Люди из Толомина», в письме к Приможу Рамовшу (1921–1999) также назвал спекуляцией оперу Мирко Полича (1890–1951) «Десятый брат». Информацию об этом можно найти в передаче радио Rai «На пути к стрекозе», текст для которой был написан пианисткой и музыковедом Саррой Зупанчич. Статья доступна в Интернете. URL: <http://www.sedezfk.rai.it/dl/portali/site/articolo/ContentItem-781c261b-1432-48a3-917d-12727a47288f.html> (дата обращения: 15.02.2025).

стям. К границе между жизнью и смертью. Но, наконец, наступает самое трудное, настойчивость в неменяющейся ситуации, то есть в бесконечности. Даже звук машины скорой помощи затихает. А вслед за ним и скрипка. Это можно рассматривать как своего рода параллель с неумолимо тяжелым циклом сонетов Прешерна о несчастье.

Мерку, который, как в силу своего жизненного опыта, так и в силу своей личной моральной и интеллектуальной чувствительности, был обеспокоен проблемами человеческой свободы и давления — вплоть до уровня наиболее интимных отношений друг с другом, создал в «Стрекозе» уникальный сплав сюрреализма и архетипической реальности. Слияние различных измерений существования он выразил через объединение мира грез и реального мира. Он также связал голос и движение (танец) и два варианта текста: словенская и итальянская версии либретто, вторая из которых была подготовлена самим композитором, идентичны, поэтому обе считаются оригинальными²⁶. Тем не менее, из-за изначальной неприязни части триестской публики к Мерку и его соотечественникам премьеры сопровождалась демонстративными выходками вплоть до последней сцены. Завершение, воплощенное в реальность, которое после череды ситуаций во сне, где, возможно, могло бы возникнуть то или иное решение, определяет судьбу каждого человека в уникальности и одиночестве существования, будучи выраженным сольным звуком скрипки, переходящим в тишину. Не помпезная, но чрезвычайно насыщенная, необычная концовка оперы, на которую композитор решился вопреки пожеланиям либреттиста²⁷, захватила дух даже у тех, кто был априори негативно расположен к премьере оперы в театре Верди в Триесте²⁸.

²⁶ *Zupančič S.* Kačji pastir – La Libellula... S. 319.

²⁷ Светлана Макарович выступала за то, чтобы убрать трамвай или отряд пожарных, которые поливали зрителей. Информацию об этом можно найти во второй части передачи радио Rai «Стрекоза», текст для которой написан С. Зупанчич. Статья доступна в Интернете (см. сноску 26).

²⁸ *Šček J.* «Prava slovenščina je govorjena slovenščina, ne pa tista, ki jo pišejo teoretiki» (см. сноску 23).

Луиза Песьяк, Люба Преннер и Светлана Макарович оставили глубокий и многогранный след в словенском мире как либреттисты. Жанр подобных текстов, который в теории литературы не считается чем-то особенным не только на всем просторе литературы, но и под небом драматургии, они наполнили новаторством. Луиза Песьяк в XIX в. с «Гореньским соловьем» после многолетнего застоя оживила его и сделала первый шаг на пути создания наиболее известной словенской оперы. Люба Преннер «Прощанием с юностью» или «Прешерном» в традиционном контексте широко использовала известный и для современных текстов прием монтажа и тем самым продолжила традицию текстов Стритара и Антона Фунтека (1862–1932) для некогда высоко ценимых кантат Бенямина Ипавца (1829–1908)²⁹. Светлана Макарович написала для Павла Мерку, пожалуй, самый сложный словенский оперный текст: ее стихи в «Стрекозе» убедительно захватывают сцену, наводя на размышления о фундаментальных проблемах сосуществования. Однако, она попала в явно мужскую сферу — опера была взята на вооружение композиторами-женщинами Словении только в XXI в., когда стала выражением женского творчества.

Перевод Н.С. Пилько

²⁹ Стритар в тексте кантаты «В доме Прешерна» (1872 г.) использовал стихи выдающихся словенских поэтов, Антон Фунтек также почтил Валентина Водника (1758–1819) в посвященных ему стихах (1889 г.).

К. В. Мельчакова

Из истории православной школы для девочек в Мостаре в 1850–1870-е годы (по материалам российских архивов)¹

К. V. Melchakova

From the history of the Orthodox school for girls in Mostar in the 1850s–1870s (based on materials from Russian archives)

Аннотация: В середине XIX столетия на территории Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака начинают появляться учебные заведения для девочек. Вплоть до австро-венгерской оккупации православному населению края в этом деле весомую помощь оказывала Россия. Если о сараевской школе боснийской просветительницы Стаки Скендеровой мы знаем достаточно, то история работы православной школы для девочек в главном городе Герцеговинского санджака (Мостаре) оставляет вопросы. Сохранилось не так много документов об этом учебном заведении, довольно скудные сведения встречаются и в историографии. В ходе работы с фондами Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) удалось выявить ряд документов, подтверждающих, что еще в 1859 г. русская императрица Мария Александровна пожаловала значительную сумму денег на строительство этого учебного

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИИПНО» в 2025 г.

заведения. Вероятно, школа начала работу только в 1864 г. С этого момента и до австро-венгерской оккупации Боснийского вилайета императрица ежегодно пересылала пособие на содержание учительниц, работавших в школе. Архивное наследие российского МИД позволило установить их имена и проблемы, с которыми они сталкивались во время работы в Мостаре.

Ключевые слова: женское образование, Герцеговинский санджак, российская императрица Мария Александровна, консульство в Мостаре, благотворительность, учительницы, В. В. Безобразов, Н. А. Иларионов, А. Н. Кудрявцев, Я. П. Славолубов.

Annotation: In the middle of 19th century educational institutions for girls began to appear in the Bosnian Pashalik and Herzegovina Sandzak. Up until the Austro-Hungarian occupation, the Orthodox population of the region was greatly assisted in this endeavor by Russia. While we know quite a lot about the Sarajevo school of Staka Skenderova, the history of the Orthodox school for girls in the centre of the Herzegovinian Sandzak (Mostar) leaves many questions. Not many documents about this educational institution have been preserved, and the historiography is also rather poor. Working with the funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire helped to identify a number of documents confirming that back in 1859 the Russian Empress Maria granted a significant amount of money for the construction of this educational institution. Probably only in 1864 the school started its work. From that time until the Austro-Hungarian occupation of the Bosnian Vilayet, the empress sent an annual allowance for the maintenance of the teachers who worked at the school. The archival heritage of the Russian Foreign Ministry has made it possible to identify their names and the problems they faced while working in Mostar.

Keywords: women's education, Herzegovina sanjak, Russian Empress Maria, consulate in Mostar, charity, teachers, V. V. Bezobrazov, N. A. Ilarionov, A. N. Kudryavtsev, Ya. P. Slavolubov.

Славянские провинции Босния и Герцеговина находились на самой окраине Османской империи. Для местных мусульман, православных и католиков проблема образования стояла довольно остро. Но если до середины XIX

столетия мужское население имело возможность получать знания в стенах немногочисленных учебных заведений, то женщины были лишены и этого. Ситуация начала меняться в конце 1850-х годов, что было связано с проведением реформ в империи. Долгое время османские власти не вмешивались в дела православных церковных общин, которые были самостоятельны в решении школьного вопроса своих единоверцев. С появлением иностранных дипломатических представительств в Боснийском пашалыке и Герцеговинском санджаке (с 1865 г. — Боснийском вилайете) на проблемы развития женского образования в крае обратили внимание и иностранные державы. Большое содействие в открытии школы для девочек в Сараеве боснийской просветительнице Стаке Скендеровой² оказала Россия (школа начала работу в 1858 г. — *К. М.*). Позже, в 1869 г., при поддержке английского и прусского агентов, в главном городе вилайета начала работу и частная школа для девочек под руководством англичанки Аделины Паулины Ирби³. В 1870-е годы при

² Стака Скендерова (1828/1830/1831(?)-1891) — автор сочинения «Летопись Боснии 1825–1856» (см.: Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 380–465), основательница школы для девочек в Сараеве. Двери школы были открыты для представительниц всех вероисповеданий. Подробнее см.: Поповић А. Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска вила. 1903. № 23–24. С. 393–395; Кршић Ј. Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932; Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017; Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 г. М., 2019. С. 253–265; Самарџић Б. Сарајево и Стака Скендерова // Улога и значај српског Сарајева у стварању Ребулике Српске: зборник радова са научног скупа одржаног 15. и 16. септембра 2022. године у Источном Сарајеву. Источно Сарајево, 2024. С. 63–77.

³ Аделина Паулина Ирби (1831–1911) — английская благотворительница, путешественница, автор путевых заметок (см., например: Mackenzie G. M., Irby A. P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London; New York, 1866),

помощи России реализовывался проект открытия православной гимназии для девочек в Сараеве. Поначалу сараевским просветительницам приходилось сталкиваться с недоверием местного населения, но со временем все же удалось убедить консервативные и патриархальные круги боснийцев в несомненной пользе женского образования.

Главный город Герцеговины — Мостар, старался не отставать от Сараева. Усилиями местной православной общины там была открыта школа для девочек. История этого учебного заведения окутана тайной. О нем сохранилось не так много документов, довольно скудные сведения встречаются и в историографии. Ряд югославских и боснийских исследователей кратко упоминают в своих работах о поддержке школы русской императрицей Марией Александровной⁴. Отечественный историк В. М. Хевролина отмечает, что школа была открыта в 1866 г. и называет имена несколь-

основательница и директриса школы для девочек в Сараеве. См. подробнее: *Мирковић П.* Мис Аделина Павлија Ирби — српска добротворка. Сарајево, 1921; *Лазаревић Ј.* Енглескиње у српском народу. Београд, 1929. С. 55–76; *Anderson D.* Miss Irby and her friends. London, 1966; *Чоловић Д., Чоловић С.* Племенита Мис Ирби добротворка српског народа. Београд, 2004; *Милошевић Б.* Мис Ирби (1833–1911) — један вијек од смрти српске добротворке // Гласник Удружења архивских радника Републике Српске. Год. III. 2011. № 3. С. 89–99; *Томашевић Д.* Мајка босанске сиротиње // Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи. Путовање у словенске привинције Турске Европи. Друго издање. Сарајево, 2016. С. 7–24; *Radušić E.* Bosanci u Miss Irbynoj djelatnosti u javnom prostoru — univerzalni ili partikularni humanizam? // *Radovi (Historija, Historija umjetnosti, Arheologija)*. Knjiga 5. Sarajevo, 2018. S. 239–256; *Мельчакова К. В.* Аделина Паулина Ирби и ее путь к сердцу Боснии // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 89–115.

⁴ *Панић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1978. С. 29; *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 533–534; *Перазич С.* Началне школе српско-православних общин у Босни и Герцеговини (1850–1875) // Боснија, Герцеговина и Русија в 1850–1875 годинах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991. С. 183.

ких учительниц, работавших там: М. Перович, М. Илич и М. Станоевич⁵.

В ходе работы с фондами Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) удалось выявить ряд ранее не введенных в научный оборот документов, которые позволили дополнить имеющиеся знания о православной школе для девочек в Мостаре. В фондах Славянский стол (№ 146), Главный архив (№ 161/1) и Посольство в Константинополе (№ 180) содержатся донесения российских консулов и вице-консулов в Боснии и Герцеговине в Азиатский департамент МИД и Посольство в Константинополе, внутренняя переписка и инструкции дипломатическим агентам МИД, а также переписка МИД с секретарем императрицы Марии Александровны Петром Алексеевичем Морицем.

Проект и первые шаги к его реализации

В 1858–1860 гг. иеромонах из Мостара Прокопий Чокорило находился в России с целью сбора средств для церквей и монастырей Герцеговины⁶. Он обратился в МИД с ходатайством о выдаче пособия для учреждения в Мостаре школы для девочек православного исповедания. МИД согласился выделить 1 200 рублей на обустройство, о чем Азиатский департамент поставил в известность консула в Сараеве Евграфа Романовича Шулепникова (1858–1868 гг.) 31 марта 1859 г.⁷ Об этом уведомили и императрицу. Мария Александровна, которая на тот момент уже поддерживала школу для девочек в Сараеве, соизволила назначить для учебного за-

⁵ *Хевролина В. М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. // *Međunarodni naučni skup Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875.* (Sarajevo, 13–15 maja 1986). Sarajevo, 1987. S. 107.

⁶ См.: *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России... С. 207–216.

⁷ Здесь и далее даты даются по старому стилю.

ведения в Мостаре ежегодное пособие в 300 рублей серебром (примерно 100 голландских червонцев)⁸ из своих сумм на срок в 5 лет. Мостарцам было поставлено одно условие — в доме школы должно было возвести часовню во имя св. мироносицы Марии Магдалины. МИД предлагал приступить к сооружению школы немедленно. По желанию Прокопия Чокорило издержки на это община должна была покрыть средствами от церковного сбора в России, присланными им в Мостар ранее. 1 200 рублей, полученные от МИД, позже должны были компенсировать эти расходы⁹. Российский консул в Сараеве Е. Р. Щулепников докладывал, что община не имеет возможности приступить к сооружению школы из-за напряженной обстановки в Герцеговине и опасаясь вызвать подозрения у турецких властей¹⁰. В это время в крае были очередные волнения христиан, недовольных османскими властями. Тем не менее, 25 апреля 1859 г. Чокорило получил 1 200 рублей от Азиатского департамента МИД. В фондах АВПРИ хранится расписка иеромонаха¹¹.

В июне 1859 г. из канцелярии императрицы поступили 300 рублей на срок с 1 мая 1859 г. по 1 мая 1860 г. Эти средства было решено оставить в Азиатском департаменте до открытия училища¹². В январе 1860 г. российский консул в Мостаре Валериан Владимирович Безобразов (1859–1866 гг.)

⁸ Голландский червонец (русской чеканки) — золотая монета, которая полулегально чеканилась в Российской империи с 1735/1768 по 1867 г. для поставки в российский посольства и выплат войскам во время заграничных походов. После прекращения чеканки бывшие в обороте монеты не были демонетизированы.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6677. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 340. Л. 13 об.; там же. Д. 801. Л. 63 об.–64.

¹¹ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6677. Л. 8.

¹² Там же. Л. 10–10 об. (см. помету).

сообщал в МИД о получении этих денег и их хранении в консульстве, однако на тот момент мостарцы так и не приступили к строительству школы¹³.

Доподлинно известно, что в российское консульство в Мостаре исправно доставлялось вспомоществование от императрицы за 1860–1864 гг. (с 1 мая 1860 г. по 1 мая 1861 г., с 1 мая 1862 г. по 1 мая 1863 г.¹⁴, а также в октябре 1863 г. через Вену за период с 1 мая 1863 г. по 1 мая 1864 г.¹⁵) по 100 голландских червонцев. Расписок о передаче означенных сумм мостарцам не обнаружено. Нет никаких сведений и о работе школы в это время.

Начало работы школы

Точную дату открытия учебного заведения установить так и не удалось. Известный историк школьного дела в Боснии Митар Папич в одном из своих трудов указывает, что здание было построено в 1861 г., но нет возможности установить, когда точно школа начала работу¹⁶. Уроженец Мостара историк Владимир Чорович оставил запись о том, что школу построили быстро, она была менее солидной, чем мужская, располагалась на территории, где ранее рос церковный виноград¹⁷,

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 11–12.

¹⁵ Там же. 16.

¹⁶ *Папич М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини... С. 29.

¹⁷ В записке Прокопия Чокорило, составленной для МИД России предположительно в 1858/1859 гг., он говорит, что эта земля носит название *Пейковина*. Али-паша Ризванбегович отнял ее у общины и разбил там виноградник, а в 1851 г. она была возвращена владельцам Омер Пашой Латасом (см.: АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3801. Л. 13 об.–15). Однако, судя по всему, мостарский иеромонах лукавил, надеясь преуспеть в получении пособия для строительства женской школы. В апреле 1860 г. община составила прошение на имя константинопольского патриарха Кирилла с просьбой о содействии в возврате этого земельного владения

в первый год работы ее посещало 65 учениц¹⁸. И. Тепич и В. М. Хевролина полагают, что школа была открыта в 1866 г.¹⁹ Однако в фондах АВПРИ удалось обнаружить дело учительницы Фильмы Терзич, которое указывает на то, что учебное заведение работало и ранее²⁰.

Фильма (Евфимия) Терзич

Итак, первой известной нам учительницей мостарской школы стала девушка с необычным именем — Фильма Терзич (в некоторых документах она фигурирует как Евфимия). Она прошла курс обучения в школе для девочек Стаки Скендеровой в Сараеве на стипендию российского МИД. Российский консул в Мостаре В. В. Безобразов направил ей приглашение занять место учительницы в новой школе, на которое она отозвалась. 31 октября 1864 г. в сараевском консульстве ей было выдано 12 дукатов на путевые расходы²¹. К

мостарской церкви. Российский консул В. В. Безобразов разъяснял начальству суть проблемы: в 1836 г. земля была приобретена епитропами мостарской церкви Рождества пресвятой Богородицы у одного мусульманина; через пять лет Али-паша Ризванбегович отнял ее без какой-либо компенсации и развел там виноградник; после смены власти община неоднократно обращалась к пашам и патриархам с просьбой о возвращении собственности, но безрезультатно; весной 1860 г. они вновь подали прошение властям, дело было передано в Порту. На донесении Безобразова стоит помета чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1859–1863 гг.) о содействии общине в решении этого вопроса (см.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2048. Л. 19–22).

¹⁸ *Радосављевић Н.* Српска православна црквено-школска општина у Мостару // Глас CDXXVIII Српске академије наука и уметности. Одељење историјских наука. 2018. Књ. 18. С. 342.

¹⁹ *Хевролина В. М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела... С. 107; *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 533.

²⁰ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6683.

²¹ Там же. Л. 1–2.

этому времени уже истекли пять лет оказания помощи школе от императрицы Марии. Возможно, расходы на содержание учительницы производились из присланных ранее средств.

Проработала в школе Фильма всего несколько месяцев. 28 сентября 1865 г. она вышла замуж за российского дипломата Николая Четверухина, который временно заменял консула в Мостаре (август – декабрь 1865 г.), и оставила должность учительницы.

В АВПРИ хранится дело с ходатайством о выплате Фильме жалования²². В марте 1866 г. Николай Четверухин обратился в МИД с этой просьбой. Из его письма следует, что учительница мостарской школы должна была получать по 400 пиастров в месяц от консула Безобразова. Однако вместо этого ей выдавали небольшие нерегулярные вспомоществования на продукты, ткани, хозяйственную утварь. За все время работы учительнице выплатили 976 пиастров. По версии Четверухина, Фильма работала в школе с 1 ноября 1864 г. по 1 октября 1865 г.²³ и должна была получить 4 400 турецких пиастров. К письму были приложены расписки и счета. В начале 1866 г. Четверухин обратился с просьбой о выплате недостающего жалования к Безобразову, но не получая ответа два месяца, был вынужден сообщить о ситуации в Азиатский департамент МИД²⁴. Сумму долга Четверухин оценил в 3 424 пиастра.

МИД неоднократно просил Безобразова разъяснить ситуацию, но тот не отвечал до 15 ноября 1866 г.²⁵ По его версии Фильма начала работу в конце декабря 1864 г., через две недели после приезда в Мостар, и завершила в середине августа 1865 г.²⁶, а попечители школы из мостарской общи-

²² Там же.

²³ Там же. Л. 3 об.

²⁴ Там же. Л. 3–4 об.

²⁵ Там же. Л. 8–8 об.

²⁶ Там же. Л. 8.

ны назначили ей ежемесячную плату в 300 пиастров, что исправно исполняли.

Дело затянулось. Весной 1867 г. МИД обратился за помощью к новому консулу в Мостаре Николаю Александровичу Иларионову (1866–1872 гг.) с просьбой разрешить спор. В мае Иларионов отвечал: 1) в архиве консульства не было найдено сведений о сумме назначенного учительнице жалования, но хорошо известно, что отпускалось в год на мостарскую женскую школу от императорского правительства по 300 рублей серебром; 2) Четверухин ошибочно полагал, что Терзич приехала в Мостар в октябре 1864 г., она не могла прибыть в город никак раньше первых чисел ноября. Время венчания г. Четверухина с Терзич записано в Мостарской церковной книге под 28 сентября 1865 г., следовательно, эту дату можно считать последним днем ее работы в школе; 3) касательно счета в 3 424 пиастра, представленного г. Четверухиным и подтвержденного его супругой, консульство не располагало сведениями; 4) в архивах консульства не сохранилось ни расписок Фильмы Терзич, никаких бы то ни было указаний о выплате или невыплате ей жалованья²⁷.

В деле хранится черновик письма товарища министра иностранных дел Безобразову, находящемуся в то время на службе в Тавризe (Тебризе), от 24 января 1868 г., в котором сообщается, что по итогам рассмотрения вопроса, МИД пришел к выводу, что Безобразов обязан выплатить бывшей учительнице 2 024 пиастра и предоставить счет расходам средств, направленных МИД для мостарской школы для девочек²⁸. Также имеется повторная просьба к Безобразову дать объяснение по сему предмету от 13 августа 1868 г.²⁹. О том, как разрешилось дело, ничего неизвестно.

Ясно одно, осенью 1865 г. школа на время осталась без учительницы.

²⁷ Там же. Л. 11–12 об.

²⁸ Там же. Л. 13–14.

²⁹ Там же. Л. 24.

Мария Иогансон (Перович)³⁰

Новая преподавательница была найдена в России. В 1864 г. игумен герцеговинского монастыря Житомыслич Серафим Перович (1827–1903) получил дозволение на совершение поездки по России с целью сбора средств на открытие семинарии при своем монастыре³¹. О. Серафим в глазах российского консула в Мостаре Безобразова являлся одним из выдающихся деятелей Герцеговины, его личность вызывала доверие, он получал помощь и поддержку со стороны России. Ему удалось устроить своего младшего брата Йово (Йована) на учебу в Киевскую духовную академию на казенный счет. В мае 1865 г. Серафим находился в Москве в сопровождении своего брата³². Там он познакомился с некой Марией Иогансон³³ и сосватал ее за Йово. Свадьба состоялась в России, Мария взяла фамилию мужа³⁴.

Судя по всему, брак был заключен по договоренности. О. Серафим обещал Марии «отличный дом, экипаж, рояль, имение, лавки с мехами и всевозможные удовольствия»³⁵. Йово же, по словам архимандрита Перовича, занимал в Герцеговине место профессора с жалованием в 400 рублей. В то же время о. Серафим просил Московский славянский

³⁰ В некоторых документах — Йогансон.

³¹ О поездке Серафима Перовича в Россию см.: *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России... С. 216–221.

³² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 17.

³³ О Марии Иогансон ранее автором статьи была подготовлена небольшая публикация: *Мельчакова К. В.* Мария Иогансон/Перович в Герцеговине (1866–1868 гг.). Из истории школы для девочек в Мостаре // *Славянский мир: общность и многообразие.* Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. М., 2023. С. 34–41. В данной статье ее текст дополнен и переработан.

³⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 58.

³⁵ Там же. Л. 59 об.

благотворительный комитет о годичном вспомоществовании для брата, которого назначил учителем в школу при монастыре Житомыслич³⁶.

31 января 1866 г. директор Азиатского департамента МИД Петр Николаевич Стремоухов направил российскому консулу в Мостаре В. В. Безобразову предписание, в котором говорилось о назначении Марии Йогансон на должность начальницы мостарского девичьего училища³⁷. В марте этого же года консул сообщил об этом вернувшемуся из России Серафиму Перовичу³⁸.

Безобразов докладывал Стремоухову, что на путевые расходы для Марии потребуется 150 рублей серебром. Секретарь императрицы Марии Александровны П. А. Мориц консультировался с МИД по вопросу о назначении жалования будущей директрисе. Безобразов по этому поводу писал следующее: «Долгом считаю представить на благоусмотрение Вашего превосходительства, что, незнакомый с характером и привычками этой особы, я не могу принять на себя определения жалования начальницы здешнего девичьего училища, принимая в соображение большую дороговизну на все предметы здесь, равно как и на наем квартир. Привыкши к более или менее удобной жизни, девица Йогансон при малом окладе жалования будет подвержена постоянным лишениям и недостаткам, которые не вознаградят ее за принимаемый ей на себя труд»³⁹.

14 июня 1866 г. из канцелярии императрицы было отправлено 180 рублей серебром (3 600 пиастров) на полугодовое содержание Марии Йогансон. Предполагалось отпущать ей по 600 пиастров в месяц⁴⁰. Императрица обещала

³⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия... С. 17.

³⁷ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 619. Л. 16.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 16–16 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6665. Л. 57.

выплачивать жалование в течение 6 лет⁴¹. В последующих документах указан размер вспомоществования в 480 рублей в год⁴².

Мария прибыла в Мостар со своей матерью в начале марта 1866 г. уже под фамилией Перович. Мостарский архимандрит Иоаникий Памучина объявил православным жителям города, что школа для девочек вновь открывается. О ее работе докладывал начальству российский консул в Мостаре Н. А. Иларионов 27 октября 1866 г.: в начале в школе было 10 учениц, спустя несколько недель их число увеличилось до 30. Он отмечал, что Мария продемонстрировала отличные знания в науках и хорошие организаторские способности, но ее владение сербским языком оставляло желать лучшего, что несколько затрудняло работу⁴³.

16 октября 1867 г. и.о. российского консула в Мостаре Алексей Николаевич Кудрявцев (1867–1868 гг.) также докладывал Стремоухову о делах учебного заведения и лестно отзывался о деятельности Марии Перович. Он писал следующее: «Прежняя система не знать азбуки, но выучивать наизусть целые страницы печатных историй, чтобы пленять и удивлять необразованных и безграмотных родителей, заменена новой, такой, какая употребляется в наших школах. Девочки не только читают свободно так, где вы им сами укажите, но и понимают, что читают. Они могут передать без особого напряжения прочитанное и, кроме того, изъяснять все в прекрасных выражениях и формах, без кривляний головы и уродливых движений тела, как это существует во всех герцеговинских школах. На императорское консульство возложена была всегда нравственная обязанность наблюдать за преуспеянием этого училища, и оно, ныне, чрез мой

⁴¹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 58.

⁴² Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 76; там же. Ф 161/1. Оп. 181/2. Д. 621. Л. 81.

⁴³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия... С. 69.

орган, свидетельствует об отличных успехах и прекрасном поведении девиц, а равно об усердном рвении и деятельности наставницы г-жи Марии Перович. <...> как русский, я тем более горжусь этим благоприятным состоянием мостарской женской школы, ибо разумное начало в преподавании впервые введено в образование несчастных наших единоверцев и введено русской женщиной»⁴⁴.

Если дела школы ладились, то семейная жизнь Марии не задалась. О сложных отношениях супругов Перовичей ходило множество слухов, дело приняло такой оборот, что потребовалось вмешательство и российского консульства.

Обещанные о. Серфимом блага оказались обманом. В реальности Йово Перович не имел ни работы, ни дома, зато за ним числились долги в несколько сотен рублей. По приезде в Мостар молодоженам отвели две маленькие комнаты в здании школы. «Всюду щели, чрез потолки льет дождь, мебели никакой, два месяца пришлось обедать на русском сундуке», — так описывал быт супругов Кудрявцев. Только в марте 1867 г. Йово получил место учителя в мостарской школе для мальчиков с жалованием в 3 червонца в месяц. Все заработанные Марией деньги супруг забирал у нее для уплаты своих долгов⁴⁵.

«И вот бедная русская женщина, с родной матерью при себе, попавшая вглубь неблагоприятной Герцеговины, видит ежедневно свои обычаи поруганными, свое воспитание — также, свое образование непонятым, свои чувства — также. Почти что без квартиры и часто без куска хлеба, всегда без денег, лишенная навсегда счастья, а может быть, и спокойствия, она потеряла от ужасного обращения мужа трехмесячного ребенка», — докладывал начальству Кудрявцев⁴⁶.

В отчаянии Мария написала письмо с просьбой о помощи в российское консульство. Кудрявцев попытался решить

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 58 об.—59.

⁴⁵ Там же. Л. 59 об.

⁴⁶ Там же. Л. 59 об.—60.

дело миром. Для начала он поговорил по отдельности с супругами. Оба заявили, что ненавидят друг друга и более не могут жить под одной крышей. Со слов Марии, Йово грозился лишить ее жизни, пускал в ход кулаки и обещал выгнать из дому при помощи турецких солдат⁴⁷. Тогда Кудрявцев созвал мостарскую православную общину и предложил расселить супругов, дав им время подумать о будущем своей семьи. Все согласились с таким планом. Однако вскоре Йово Перович запретил Марии посещать российское консульство и видеться с супругой А. Н. Кудрявцева Марией Николаевной. «На русские деньги содержимая русская наставница не может переступить порог русского консульства!», — сокрушался дипломат⁴⁸. После этого Кудрявцев обратился к ходжа-баши⁴⁹ с просьбой призвать общину к ответу за такие действия.

Братья Перовичи же распространяли по Мостару свою правду, говорили, что российское консульство не имеет права защищать бывшую русскую подданную, и уверяли, что никогда не отпустят Марию в Россию. Кудрявцев полагал, что Перовичи боялись потерять источник дохода в лице директрисы школы. Кроме того, о. Серафим утверждал, что он русский агент, лично состоит в сношениях с российскими министрами и ставил себя выше российского консула⁵⁰.

Кудрявцев обещал Марии и ее матери, что женщины будут отправлены в Россию и просил у Стремоухова помощи в этом деле⁵¹. В своем донесении к российскому послу в Константинополе Николаю Павловичу Игнатьеву от 11 ноября 1867 г. Кудрявцев вновь сообщал о проблемах Марии Перович. Судя по всему, дело не сдвинулось с мертвой точки⁵².

⁴⁷ Там же. Л. 60.

⁴⁸ Там же. Л. 60 об.

⁴⁹ Ходжа-баши — представитель немусульманского населения, избираемый православной, католической и еврейской общинами.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 60 об.

⁵¹ Там же. Л. 62.

⁵² Там же. Л. 78–79.

История супругов Перовичией стала объектом внимания прессы. Так, новисадское издание *Застава* зимой 1868 г. представило свою версию событий. В тексте не упоминаются имена героев, но понятно, что речь идет именно о Йоване и Марии: в Мостаре работает женская школа, основанная благодаря благодеяниям императрицы Марии Александровны, место учительницы в школе заняла русская девушка, вышедшая замуж за серба, выпускника Киевской духовной академии, он стал учителем в мужской школе... В статье говорится, что они успешно работали и заслужили уважение местной православной общины, но все испортил поступок одного русского чиновника, который служил при консульстве. Он устраивал вечера, на которые приглашал потурченцев поляков, французов и греков и никогда не звал сербов, но, так как ему приглянулась эта учительница, пригласил и ее с супругом. Это вызвало недовольство у общины, так как они не хотели видеть своих членов в обществе турок, а женщину — в обществе холостяков. Ситуация ухудшилась, когда женщина сама стала посещать эти вечера. Вскоре она потребовала развода с намерением выйти замуж за русского чиновника. Учитель пытался вразумить супругу, но русский чиновник недовольный скандалом, встретив оппонента на улице, обругал его и призвал турецкого каваза утихомирить незадачливого мужа. Это случилось днем, посреди улицы, а скандал стал известен во всей Герцеговине⁵³. Вероятно, заказчиками или авторами этой заметки были сами братья Перовичи. История семейных дразг Йована и Марии бросила тень на честь российского дипломатического представительства в Мостаре.

Весной 1868 г. Иларионов вернулся из отпуска в Мостар. Тогда удалось примирить супругов Перовичей. Однако дипломат не верил в успех этого дела. Летом 1868 г. Мария с

⁵³ Допис из броја 15 од 22 фебруара 1868 // «Застава» о Босни и Херцеговни. Прва књига. Сарајево, 1953. С. 110–111.

согласия супруга и общины выехала на время в Россию⁵⁴. В сентябре уже стало окончательно ясно, что, вырвавшись на родину, в Герцеговину она уже более не вернется. Мария оставила мужа и отказалась от должности начальницы мостарской школы.

Российское консульство и мостарская православная община положительно восприняли такое решение. О том, как сложилась судьба Марии далее, сведений нет. Йован остался в Мостаре, в 1869 г. он продолжал работать в школе для мальчиков. В 1870 г. братья Перовичи были схвачены османскими властями и отправлены в ссылку в Феццан (Северная Африка), где находились до 1876 г.⁵⁵ О дальнейшей жизни Йово история умалчивает. Серафим же сделал карьеру по церковной линии, в 1889–1903 гг. он занимал кафедру Захумско-Герцеговинского митрополита.

Мария Илич

С отъездом Марии Перович над школой для девочек вновь нависла угроза закрытия. Иларионов предложил обратиться к сербскому митрополиту Михаилу с просьбой подыскать учительницу для этого учебного заведения⁵⁶. 14 ноября 1868 г. в Мостар по рекомендации митрополита Михаила из Сербии прибыла Мария Илич. Иларионов просил разрешения у МИД выдать учительнице на обзаведение средства, положенные Марии Перович с 13 августа по ноябрь 1868 г.⁵⁷ Императрице было доложено о причинах отъезда из Мостара директрисы, к ситуации она отнеслась с пониманием, выразила желание и далее поддерживать преподаватель-

⁵⁴ АВПРИ. Ф 161/1. Оп. 181/2. Д. 621. Л. 80–80 об.

⁵⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия... С. 226–228.

⁵⁶ АВПРИ. Ф 161/1. Оп. 181/2. Д. 621. Л. 80 об.–81 об.

⁵⁷ Там же. Л. 84–84 об.

ниц школы⁵⁸. В апреле 1869 г. 240 рублей были переданы Иларионовым учительнице за период с 1 сентября 1868 г.⁵⁹ по 1 марта 1869 г.⁶⁰

В конце 1869 г. Н. А. Иларионов обращался в Московский славянский комитет с просьбой оказать помощь мостарской школе для девочек размером в 120 червонцев в год с целью найма второй учительницы и священника для обучения учениц Закону Божию. Вице-консул⁶¹ указывал также, что школе и расположенной при ней домовой церкви необходим ремонт на 300 червонцев. Вместе с тем он выразил мнение, что для Герцеговины достаточно одной женской школы в Мостаре⁶². В сентябре 1872 г. новый российский вице-консул Яков Петрович Славолубов (1872–1875 гг.) повторил это прошение, указывая на активизацию католической пропаганды. Это действительно имело место быть. Летом 1872 г. в Мостар для основания школы прибыли шесть католических сестер милосердия. На начальном этапе новое учебное заведение посещало около 30 девочек. Известно, что на 1872 г. количество учениц в школе для православных девочек достигло 100⁶³. Отвечая на запрос Одесского славянского благотворительного общества в мае 1873 г. Славолубов вновь повторил просьбу о выделении 120 червонцев православному училищу и указывал, что число учениц католической школы возросло до 80⁶⁴.

⁵⁸ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 2–2 об.

⁵⁹ При том, что она прибыла в Мостар лишь в ноябре 1868 г.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 6–7 об.

⁶¹ В 1868 г. российское консульство в Мостаре было преобразовано в вице-консульство.

⁶² АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 628. Л. 12–15 об.

⁶³ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 50 об.–51 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 628. Л. 7.

По словам вице-консула Славолюбова, дела в православной школе шли удовлетворительно. Работу учительницы он оценивал хорошо⁶⁵.

В мае 1873 г. Мария Илич вышла замуж за уроженца Мостара Йована Дреча⁶⁶. На пятый день после торжества девушка слегла с болезнью, от которой так и не оправилась. В октябре 1873 г. Мария Илич скончалась от чахотки⁶⁷.

Милица Илич и Милка Станоевич

Пока Мария Илич была больна, управление школой взяла на себя ее младшая сестра Милица. Ей было всего 16 лет. Я. П. Славолубов отзывался о девушке отрицательно, отмечая ее «ветреность и слабохарактерность», «недостаточность образования» и «неспособность к преподаванию»⁶⁸. Вице-консул докладывал начальству: «Сряду же замечена была перемена, возбуждавшая сетования матерей воспитанниц. Следствием неумелости преподавания и дурного обращения Милицы Илич было то, что пять православных учениц перешли в католическую школу»⁶⁹.

Финансирование учебного заведения императрицей продолжалось. Примечательно, что приходила помощь на имя

⁶⁵ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 748. Л. 19.

⁶⁶ В 1858 г. Йована Дреча взял на попечение и увез в Россию управляющий российским консульством в Сараеве, известный славист А. Ф. Гильфердинг. Дреч окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию, обучался в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и на медицинском факультете Московского университета, а в 1872 г. вернулся на родину. В 1873 г. поступил учителем в мужскую православную школу города, затем открыл в Мостаре аптеку. До августа 1876 г. Дреч принимал участие в герцеговинском восстании, затем перешел на работу в Российское общество попечения о раненых и больных воинах; с октября 1876 г. он заведовал госпиталем в черногорском Даниловграде. Позже обосновался в Цетине и открыл там аптеку.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 748. Л. 9, 19–19 об.

⁶⁸ Там же. Л. 9, 22.

⁶⁹ Там же. Л. 19 об.

Марии Илич, даже после ее кончины⁷⁰. Средства поступали в Азиатский департамент из канцелярии императрицы, затем МИД покупал на них векселя в иностранной валюте, векселя обналичивал вице-консул в Мостаре и выдавал учительнице под расписки. Чаще выплата осуществлялась раз в полугодие (по 240 рублей)⁷¹.

В канун 1874 г. из Белграда в Мостар прибыла вторая учительница — Милка Станоевич, в сопровождении своей матери⁷². Её появление в Герцеговине обернулось очередным скандалом и вылилось в разногласия между общиной и российским вице-консульством. Кандидатура Милки была предложена сербским митрополитом Михаилом. Члены мостарской православной общины отказались принять новую преподавательницу, ссылаясь на то, что ничего не знали о ее приезде. Славолубов же настаивал, что направлял просьбу сербскому митрополиту о присылке преподавательницы с ведома общины и по просьбе покойной Марии Илич. Конфликт затянулся. Российский вице-консул нанял Милку Станоевич в качестве гувернантки для своих детей. Славолубов видел в случившемся интриги и происки герцеговинского митрополита Прокопия и Йована Дреча. Дипломат даже выступил перед начальством с предложением прекратить финансовую поддержку мостарской школе для девочек, поскольку местная община не ценит благодеяний России⁷³. В инструкциях, направленных в вице-консульство из российского посольства

⁷⁰ Заминка с передачей оплаты за работу произошла как раз после болезни Марии Илич. Средства были высланы в Азиатский департамент МИД из канцелярии императрицы, но из-за определенных обстоятельств долго не поступали в Мостар. В конце мая 1873 г. Я. П. Славолубов выдал жалование учительнице из кассы вице-консульства за период с 1 сентября по 1 мая 1873 г. 17 октября 1873 г. Славолубов доложил, что получил вексель на 480 рублей и выдал их Марии Илич, приложив расписку. См.: АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 60–69.

⁷¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 1–69.

⁷² Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 748. Л. 19 об.

⁷³ Там же. Л. 19–22.

в Константинополе, рекомендовалось воздержаться от столь радикальных мер⁷⁴. Директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов запросил у посла в Константинополе Н. П. Игнатьева консультаций на счет сложившейся ситуации. В апреле 1874 г. Славолюбову было направлено предписание о невмешательстве вице-консульства во внутренние дела мостарской православной общины⁷⁵.

Наконец, во время пасхальных визитов 1874 г. в российское вице-консульство община сама изъявила желание принять вторую учительницу. Милка Станоевич начала работу в школе с 1 мая⁷⁶.

Назначенный императрицей срок оказания вспомоществования оканчивался 1 сентября 1874 г. В июне 1874 г. Н. П. Игнатьев обратился к П. Н. Стремоухову с просьбой ходатайствовать о продлении выдачи пособия мостарской школе и увеличении суммы на 24 червонца (175 рублей)⁷⁷.

Митрополит Михаил обещал Милке Станоевич годовую плату в 90 червонцев. Однако мостарская община имела возможность лишь разделить сумму, пожертвованную императрицей Марией, поровну между двумя преподавательницами. Вице-консул Славолюбов запрашивал у МИД разрешения на дополнительную выплату 2 червонцев в месяц Станоевич в счет чрезвычайных издержек консульства⁷⁸. Просьба о повышении вспомоществования на 24 червонца была удовлетворена в конце июня 1874 г., эти средства также были взяты из сумм императрицы⁷⁹. 9 сентября обе учительницы Милица Илич и Милка Станоевич получили по 1 268 пиастров каждая за работу с 1 мая по 1 сентября

⁷⁴ Там же. Д. 2060. Л. 73–75 об.

⁷⁵ Там же. Л. 76–79.

⁷⁶ Там же. Л. 25.

⁷⁷ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 70–70 об.

⁷⁸ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2060. Мостар. 1874 г. Л. 24–25 об.

⁷⁹ Там же. Л. 38, 41–41 об., 80.

1874 г.⁸⁰ В начале октября 1874 г. пришло известие о решении императрицы поддерживать школу еще два года, начиная с 1 сентября⁸¹.

О том, как школа пережила события Герцеговинского восстания и Великого восточного кризиса выявить информацию не удалось. Известно, что на 1877 г. Мария Александровна прекратила финансирование учебного заведения. В июне 1878 г. из Белграда в Азиатский департамент поступило прошение о финансовой помощи от Милки Станоевич, временно не имеющей возможности заниматься учительской деятельностью⁸². В августе из канцелярии императрицы поступило 150 рублей для бывшей мостарской учительницы. Осенью из Белграда была передана расписка в получении Милкой денег⁸³. В сентябре 1878 г. аналогичное прошение было передано консулом в Рагузе от имени Милицы Илич, ожидающей назначения в женскую школу в Подгорице. Примечательно, что письмо было составлено Йованом Дречем, представившимся ее братом. В октябре из канцелярии императрицы поступило 200 рублей. В марте 1879 г. из Подгорицы пришла расписка от Илич в получении этого вспомоществования⁸⁴.

После оккупации Герцеговины Австро-Венгрией помощь школе из России прекратилась. 30 мая 1880 г. в адрес российского правительства было направлено ходатайство о возобновлении денежного вспомоществования женскому училищу. В прошении указывалось, что учительницы получали помощь от императрицы Марии до 1877 г. Сведений об удовлетворении этой просьбы не выявлено. Известно, что в

⁸⁰ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338. Л. 77.

⁸¹ Там же. Л. 73–73 об.

⁸² Там же. Д. 4487. Л. 1.

⁸³ Там же. Л. 3–4.

⁸⁴ Там же. Л. 1–5.

1880 г. в школе служили две учительницы и действовало 4 класса⁸⁵, в 1889 г. школу посещало 107 учениц⁸⁶.

Православная мостарская школа для девочек была основана и долгое время существовала благодаря помощи императрицы Марии Александровны. К сожалению, не удалось обнаружить никаких сведений относительно того, как был устроен учебный процесс, сколько действовало классов, какие предметы изучались в османский период работы учебного заведения. Большой проблемой являлся кадровый вопрос. Расширение учительского штата и рост числа учениц говорят о популярности школы. История не сохранила свидетельств о неприятии православными мостарцами учебного заведения для девочек, как это было в Сараеве. Здесь наоборот сама община выступила инициатором его создания. Остается надеяться, что в будущем о становлении женского образования в Герцеговине, одним из флагманов которого стала мостарская школа для девочек, удастся узнать еще больше.

⁸⁵ Там же. Д. 6703. Л. 50–52 об.

⁸⁶ *Тепавчевивић Б.* Српске православне школе у Херцеговини по аустроугарском управом и отварање нових државних (комуналних) школа // Ђоровићеви сусрети Српска проза данас. Книжевно дјело Драгослава Михаиловића. Научни скуп Херцеговина под аустроугарском окупацијом од 1878. до 1918. године (22–25.09.2011). Билећа–Гацко, 2012. С. 185.

Л. А. Кирилина

О создании высшей женской школы в Любляне

L. A. Kirilina

On the establishment of a higher school for women in Ljubljana

Аннотация: В статье рассматривается история создания высшей женской школы в Любляне, позже преобразованной в Городской женский лицей, — первого словенского учреждения, предоставлявшего словенским девочкам возможность получить полное среднее образование. Словенское образование, по мнению национальных деятелей, должно было способствовать развитию национального самосознания словенок и активизации их участия в общественной жизни. Инициаторами и организаторами создания высшей женской школы стали либерал и банкир И. Хрибар и видный меценат Й. Горьюп. В работе подробно освещается деятельность словенских либералов, направленная на осуществление этого проекта. Анализируются проблемы, возникшие на пути открытия школы из-за противодействия сторонников политического католицизма их начинанию, а также сложности организации ее работы, вызвавшие у ряда словенских патриотов сомнения в перспективности этого учреждения. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все трудности, высшая женская школа выполнила свою задачу национального воспитания и более углубленного, чем прежде, образования словенок.

Ключевые слова: Словенская высшая женская школа в Любляне, Городской женский лицей в Любляне, словенские либералы и католики, И. Хрибар, Й. Горьюп, И. Шуштершич, Л. Пожар.

Annotation: The article examines the history of the creation of the Higher Girls' School in Ljubljana, later transformed into the City Girls' Lyceum, the first Slovenian institution that provided Slovenian girls with the opportunity to obtain a complete secondary education. According to national figures, Slovenian education was supposed to promote the development of national self-awareness of Slovenes and their increased participation in public life. The initiators and organizers of the creation of the Higher Girls' School were the liberal and banker I. Hribar and the prominent philanthropist J. Gorjup. The work provides a detailed account of the activities of Slovenian liberals aimed at implementing this project. It analyses the problems that arose on the way to opening the school due to the opposition of supporters of political Catholicism to their initiative, as well as the difficulties in organizing its work, which caused a number of Slovenian patriots to doubt the prospects of this institution. The author concludes that, despite all these difficulties, the Higher Girls' School fulfilled its task of national education and a more in-depth education of Slovenes than before.

Keywords: Slovenian Higher Girls' School in Ljubljana, City Girls' High School in Ljubljana, Slovenian liberals and Catholics, I. Hribar, J. Gorjup, I. Sušteršič, L. Požar.

В 1860-е – 1870-е годы в ряде государств Европы и Америки уже имелись женские гимназии, женщины получили право на обучение в ряде университетов, они основывали свои организации и выпускали женские газеты и журналы. Австро-Венгрия в плане женского образования отставала. Первая женская гимназия в австрийской части империи появилась лишь в 1887 г. в Праге, и только с 1896 г. женщинам было разрешено поступать на некоторые факультеты имперских университетов.

Как и большинство славянских народов империи Габсбургов, словенцы в те годы рассматривали вопрос о женском образовании преимущественно в национальном ключе. Проблема неразвитости национального самосознания словенок очень беспокоила словенских патриотов. Словенцы представляли низшие и средние слои населения (80 % были крестьянами).

Крестьянки мало интересовались национальным вопросом, а более образованные представительницы средних слоев зачастую плохо знали родной язык и не желали на нем говорить. С начала 1860-х годов, с наступлением конституционного периода в Австрийской империи, патриоты стали привлекать женщин к участию в национальных мероприятиях. В 1871 г. словенский либеральный политик Радослав Разлаг (1826–1880) впервые поднял вопрос о необходимости предоставления словенкам возможности получить среднее образование на родном языке¹. А некий словенский патриот, писавший под псевдонимом «Д-р Ахасцерус» (Ahascerus, Агасфер), в статье, напечатанной в литературно-научном журнале *Kres* («Костер») в 1881 г., утверждал, что «современная цивилизация безусловно требует образованных женщин; современная национальная идея — национально образованных женщин»². Словенцам нужны хорошие национальные начальные и средние школы для девочек, ориентирующиеся на лучшие учреждения других культурных народов. И поскольку помощи от государства им ждать не приходится, они могут открывать их сами, нужны лишь инициатива и дотации частных лиц³. Вообще проблемы женского образования достаточно активно обсуждались в словенской прессе 1880-х – начала 1890-х годов. Национальные деятели считали, что предоставление женщинам возможности получить словенское образование будет способствовать развитию их национального самосознания и активизации участия в национальной общественной жизни. Так постепенно формировался новый образ идеальной словенки: патриотки своего народа, соратницы и подруги мужа, матери, воспитывающей в детях любовь к родному языку и народу⁴.

¹ Kmetijske in rokodelske novice. Ljubljana, 12.04.1871. S. 116–118.

² Kres. Celovec, 1881. Št. 5. S. 269.

³ Ibid. S. 270–271.

⁴ Подробнее см.: *Kirilina L. A. The Woman Question in Slovene Opinion Journalism (from the 1870s to the first half of the 1890s)* // Tanulmányok. Novi Sad, 2023. № 2. P. 37–59.

К практическому воплощению в жизнь новых идей о роли среднего образования в национальном воспитании девочек приступили в центре Герцогства Крайны г. Любляне. В начале 1880-х годов благодаря реформам министерства Эдуарда Тааффе (1833–1895) в Крайне (более 90 % населения которой составляли словенцы) бурно развивался процесс словенизации, словенцы пришли к власти и в Крайном ландтаге, и в Совете общины Любляны — города, который возглавившие его либералы стремились утвердить как национальный и культурный центр словенских земель. Инициаторами открытия Высшей женской школы стали член Совета общины Любляны банкир, либерал и славянофил Иван Хрибар (1851–1941) и Йосип Горьюп (1834–1912), богатейший словенский предприниматель и меценат, живший в Риеке. Их сотрудничество развивалось в сфере словенской банковской деятельности, сошлись они и в стремлении улучшить национальное образование словенцев. Горьюп поддержал инициативу Хрибара создать общество поддержки учеников словенских средних школ «Радогой» (устав его написал Хрибар, финансовую основу во многом обеспечил Горьюп). Объединил двух патриотов и замысел создать словенскую высшую женскую школу. Хрибар писал в воспоминаниях, что считал открытие этой школы в Любляне «важнейшей задачей городской администрации». Его волновало, что женщины из образованных люблянских семей стыдятся говорить на улице по-словенски и «почти все без исключения онемечиваются», преодолеть эту ситуацию могло только «словенское воспитание девочек»⁵. Он был убежден, что женщины «имеют то же право на развитие своей духовности и то же право на образование, что и мужчины»⁶. Многодетный Горьюп, имев-

⁵ *Hribar I. Moji spomini. I. del. Od 1853. do 1910. leta. Ljubljana, 1928. S. 230, 283.*

⁶ *Slovenski narod. Ljubljana, 09.11.1896. S. 2.*

ший, помимо пяти сыновей, девять дочерей, придерживался тех же взглядов⁷.

В 1888 г., когда Горьюп в честь 40-летия правления императора Франца Иосифа изъявил желание подарить Любляне на национальные цели крупную сумму денег, Хрибар предложил ему купить выставленный на продажу участок бывшей люблянкой городской больницы и подарить его половину общине города для строительства здания высшей женской школы⁸. Горьюп сообщил крайнскому провинциальному собранию, что ради открытия высшей женской школы он готов выкупить здания и сад старой городской больницы, однако предложил использовать не подходившее для школы здание больницы для иных целей, а школу построить в другом месте. Провинциальное собрание приняло предложение Горьюпа на заседании 10 декабря 1888 г.

Хотя многие словенские депутаты Крайнского провинциального собрания выступали в 1888 г. за предложенную либералами идею открытия высшей женской школы, поддержку получила инициатива монахинь-урсулинок создать высшую словенскую школу для будущих домохозяек при Урсулинском монастыре в Любляне, за которую ратовали католики. Эта первая словенская высшая женская школа для домохозяек начала работу 15 сентября 1890 г. Согласно разработанной монахинями-урсулинками программе, в нее на трехлетнее обучение принимали девочек 14–16 лет, окончивших восьмилетнюю начальную школу. Пять монахинь-урсулинок преподавали в школе Закон Божий, словенский и немецкий, а по желанию и другие иностранные языки, географию, историю, естествознание, геометрию, бухгалтерский учет, рисование, пение, физкультуру, а также ведение домашнего хозяйства, рукоделие, садоводство и огородничество, кулинарию. Обучение проводилось на

⁷ *Hribar A.* Josip Gorup in njegova rodbina // *Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino* (далее – *Kronika*). 2010. L. 58. Št. 1. S. 113, 117.

⁸ *Hribar I.* Moji spomini... S. 182–183.

словенском языке и было бесплатным. Однако популярностью урсулинская школа не пользовалась. В 1890 г. в нее поступило всего пять девочек⁹. А уже в 1894 г. ее пришлось закрыть из-за недостаточного количества учениц. Вместо нее урсулинками была открыта женская учительская школа¹⁰.

18 ноября 1889 г. все словенские депутаты крайнского провинциального собрания (немцы были против) высказались за принятие предложения одного из лидеров либералов Ивана Тавчара (1851–1923) поручить провинциальному комитету как можно быстрее заключить договор с Советом общины Любляны о создании высшей женской школы. Тавчар также выступил и против заключения договора с урсулинками о курировании ими будущей школы, указывая, что в этом случае она не сможет соответствовать всем необходимым для подобного заведения требованиям¹¹.

Провинциальный комитет сформировал комиссию по вопросу о создании высшей женской школы, в которую вошли как некоторые его члены, так и представители школьных советов провинции и Любляны, а также Совета общины Любляны. Однако на совещании 28 августа 1890 г. комиссия приняла решение отказаться от создания высшей женской школы, «поскольку это учреждение в нынешних обстоятельствах ненужно и неуместно»¹², а вместо нее открыть трех-

⁹ Slovenec. Ljubljana, 29.10.1890. S. 2, 3.

¹⁰ *Kogoj M. J.* Uršulinke in njihovo vzgojno poslanstvo: uršulinski samostan v Ljubljani na prehodu iz avtonomije v Rimsko unijo, s posebnim poudarkom na šolstvu v letih 1868 in 1918. Ljubljana, 2006. S. 184, 188; *Slana L.* Josip Gorjup v Ljubljani // *Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino*. 2010. L. 58. Št. 1. S. 189.

¹¹ *Perovšek J.* Liberalni pogled na ideološko in politično razhajanje s katoliško stranjo od ustanovitve Katoliškega političnega društva leta 1890 do ustanovitve Slovenskega društva leta 1891 v Ljubljani // *Prispevki za novejšo zgodovino*. L. LXIII. Št. 3. S. 105.

¹² Slovenec. 29.10.1890. S. 2.

голичную женскую мешанскую школу, в которой были бы введены дополнительные занятия по домоводству¹³.

Вопрос об открытии высшей женской школы в Любляне стал камнем преткновения между либералами, в чьих руках был Совет общины города, и их главными конкурентами на словенской политической арене — сторонниками политического католицизма (далее — католиками). Назревавшие между ними с середины 1880-х годов противоречия привели к расколу в 1889 г., когда главный идеолог словенских католиков, профессор богословия в Горице Антон Махнич (1850–1920) сформулировал программу словенского католического движения и призвал католиков к «идейному отделению» от либералов.

Среди словенских католиков в то время были распространены патриархальные идеи: женщина должна быть богобоязненной, во всем подчиняться мужчине, быть хорошей хозяйкой и матерью. На воспитание этих качеств и должно быть направлено женское образование. Либеральный проект создания высшей женской школы в Любляне не вызвал у них энтузиазма. Один из лидеров католиков, с 1899 г. фактический глава Католической национальной партии, адвокат Иван Шуштершич (1863–1925) с 1890 г. развернул активную кампанию против ее открытия, проводившуюся им в религиозно-патриархальном стиле, «в духе Махнича»¹⁴. Так, на шестом собрании Католического политического общества (основано в январе 1890 г.) он выступил с обширным докладом по данной теме, напечатанным затем в нескольких номерах

¹³ *Perovšek J.* Liberalni pogled na ideološko in politično razhajanje... S. 106.

¹⁴ *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič, 1863–1925: pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana, 1998. S. 39. Подробнее о полемике католиков и либералов см.: *Bergant Z.* Kranjska med dvema Ivanoma: idejno-politično soočenje slovenskega političnega katolicizma in liberalizma na prehodu iz 19. v 20. stoletje. Ljubljana, 2004. S. 205–207; *Perovšek J.* Liberalni pogled na ideološko in politično razhajanje... S. 106–108.

печатного органа католиков газеты *Slovenec* («Словенец»). Признавая необходимость получения словенками среднего образования, он подчеркнул, что оно должно «опираться на религиозно-национальную основу». Шуштершич задался вопросом, а стоит ли вообще открывать женскую школу, которая является проектом либералов? Он рассмотрел этот вопрос по трем пунктам: 1) нужно ли это учреждение; 2) насколько его создание осуществимо с финансовой точки зрения; 3) насколько оно «уместно исходя из христианских педагогических принципов».

Шуштершич считал, что открывать предложенную либералами высшую женскую школу не следует, поскольку она уже есть. Это — урсулинская школа. Он подчеркнул, что, по мнению католиков, ее программа соответствует программе высшей женской школы в Загребе и полностью отвечает потребностям словенок в более углубленном среднем образовании, к тому же отправить туда на бесплатное обучение дочерей может даже «беднейший люблянский горожанин»¹⁵. Это учреждение «даст нам достойных, воспитанных и богобоязненных словенских жен, которые действительно станут для своих мужей теми, кем должны быть, равноправными товарищами и помощницами, а для своих детей воистину словенскими и христианскими матерями, которые привьют нежным сердцам своих детей как любовь к Богу и церкви, так и любовь к словенской родине, к милому народу нашему!»¹⁶.

Что касается вопроса финансов, Шуштершич полагал, что «было бы неразумно выделять огромные суммы на совершенно ненужное дело», которое «почти неосуществимо и совершенно неуместно»¹⁷. Ссылаясь на «плохое финансовое положение» Крайны и, особенно, Любляны, он призвал

¹⁵ *Slovenec*. 29.10.1890. S. 2.

¹⁶ *Ibid.* S. 3; *Perovšek J.* Liberalni pogled na ideološko in politično razhajanje... S. 106.

¹⁷ *Slovenec*. 29.10.1890. S. 3.

выделять деньги прежде всего на «нужды национальной экономики», а не на школу, которую будут посещать «едва ли двадцать девочек»¹⁸.

Касаясь пункта о христианских педагогических принципах, Шуштершич заявил, что либералы хотят, чтобы женщины обучались в светском учреждении, а не в монастыре, чтобы их воспитывали «в безверии и национальном духе». С созданием высшей женской школы они начнут либеральную «охоту за душами» и поставят под угрозу существование урсулинского заведения¹⁹. По его мнению, главной основой всякого нравственного воспитания является вера. В женских монастырях девочкам дается религиозное воспитание, а из светских учебных заведений выходят «эмансипированные» девушки, не имеющие «религиозного чувства». «Вместо того, чтобы готовить и быть заботливой матерью для своих детей, она пишет романы и бегаёт по балам и театрам!». Таких «дам» словенцам не надо. Им нужны образованные женщины, «но прежде всего верующие словенские жены и матери». Католическая церковь «спасла наш народ от гибели», она «мощнейшая защитница нашего народа», и он должен быть предан ей, полагал Шуштершич. Замысел либералов он охарактеризовал как «покушение на общественное имущество, покушение на религиозное чувство словенского народа»²⁰.

И позже, когда вопрос о создании высшей женской школы был уже решен, Шуштершич не оставлял попыток противодействовать этому начинанию. Так, например, выступая в Церкнице в январе 1895 г., он в пропагандистских целях постарался настроить местных крестьян против национально-образовательных и культурных начинаний либералов: они открывают в Любляне высшую женскую школу, где люблянские «госпожи» «будут учиться французскому и

¹⁸ Ibid. 30.10.1890. S. 1.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. 31.10.1890. S. 2; *Perovšek J.* Liberalni pogled na ideološko in politično razhajanje... S. 107.

итальянскому языкам, играть на пианино и неизвестно чему еще, а ты, крестьянин, которому от всего этого нет никакой пользы, плати и молчи!»²¹.

Публикация речи Шуштершича в газете *Slovenec* немедленно вызвала ответную реакцию либералов. В их партийном органе газете *Slovenski narod* («Словенский народ») в конце октября – начале ноября 1890 г. была напечатана статья некоего словенского учителя с опровержением утверждений католического политика. Отсутствие словенских учебных заведений для женщин «среднего сословия», приводящее к их онемечиванию, автор обозначил как «великий национальный грех». В монастыре дают слишком одностороннее образование, не в национальном духе, у монахинь недостаточно педагогического образования для преподавания в высшей женской школе. Эта школа не представляет опасности для веры, как утверждают католики²². Либералы тоже хотят, чтобы словенские девочки воспитывались в религиозном духе, но их образование не должно быть односторонним, отвергающим национальность. Его следует проводить в «христианско-либеральном духе». Автор призвал католиков не искать конфликтов с либералами, а объединиться с ними²³.

Финансовые выкладки, представленные Шуштершичем в его речи, автор статьи обозначил как «надувательство». По его мнению, Любляна в состоянии построить здание для женской школы и содержать ее. Также он отметил, что Шуштершич, говоря о принципах преподавания и педагогики, использовал фразы из журнала А. Махничча *Rimski katolik* («Римский католик»). «Что ему самому известно о педагогике и ее принципах?» — задается вопросом автор и приходит к выводу, что образование в монастыре полезно, но

²¹ Slovenec. 10.01.1895. S. 1.

²² Slovenski narod. 31.10.1890. S. 1.

²³ Ibid. 05.11.1890. S. 1.

у него есть много слабых сторон, поэтому создание высшей женской школы необходимо²⁴.

Прения между либералами и католиками по вопросу о создании высшей женской школы являлись лишь частью разделявших их глубоких разногласий, в основе которых лежала борьба за власть. Католики несправедливо обвиняли либералов в «безверии», хотя последние тоже были приверженцами католической веры, а либералы, в свою очередь, несправедливо обвиняли католиков в недостатке национальных чувств. Вместе с тем стремление либералов дать девочкам хорошее светское образование было вполне обоснованным, их утверждения, что в монастыре оно недостаточно и однобоко, соответствовали действительности. И хотя либералы, как и католики, полагали, что главным предназначением женщины являются дом и семья, они все же были готовы предоставить им больше свободы, чем католики. В целом же речь шла о воздействии на умы подрастающего поколения словенков, о том, чью сторону они займут в противостоянии двух главных словенских политических сил.

Возможно, обострение полемики в прессе между либералами и католиками побудило Горьюпа несколько изменить свое предложение. 24 ноября 1890 г. на заседании крайнского провинциального собрания он уточнил, что подарит здание старой больницы и часть сада напрямую городу с целью открыть высшую женскую школу, если же не получится осуществить этот замысел, то пусть этот дар используют для открытия ремесленной школы и других учебных целей. На следующий день лидер католиков Карел Клун (1841–1896) отметил, что, хотя по новому предложению Горьюпа здание перейдет городу, даже если высшую женскую школу не откроют, Совету общины нужно еще раз обсудить вопрос о необходимости ее создания. И. Тавчар в ответ выдвинул требование, чтобы общине города выделили дотацию (не более

²⁴ Ibid. 06.11.1890. S. 1, 2.

4000 гульденов ежегодно) на содержание Высшей женской школы. Либералы в свое время пошли навстречу католикам и проголосовали за открытие урсулинской школы, католики же выступили против школы Горьюпа, хотя их требования относительно ее «религиозно-нравственной основы» либералы учли. В том же духе выступил на заседании и И. Хрибар. Либералы проголосовали против предложения Клуна, католики и немцы, составлявшие большинство в собрании, — за него. В результате предложение Клуна было принято²⁵.

Горьюп купил участок и подарил его половину городу. Помимо этого, он выделил 100 000 гульденов²⁶ на стипендии будущим ученицам высшей женской школы. После такого щедрого дара в 1888 г. он получил звание почетного горожанина Любляны²⁷. Задержка решения по вопросу создания школы сильно беспокоила словенского мецената, как и неудачи с проведением в жизнь ряда других национальных проектов. Он обвинял многих депутатов провинциального собрания в некомпетентности и косности взглядов, а само собрание — в спекуляции деньгами провинции, в то время как оно должно было «как опекун малолетних детей хорошо и рачительно распоряжаться провинциальным имуществом»²⁸. В 1891 г. он отказался от полученного им в 1888 г. депутатского мандата и в дальнейшем не выставлял свою кандидатуру на выборах в крайнское провинциальное собрание. Хрибару он написал, что слишком стар и негибок, «чтобы кланяться и голосовать — вопреки своему убежде-

²⁵ Slovenec. 27.11.1890. S. 1–2; *Perovšek J.* Liberalni pogled na ideološko in politično razhajanje... S. 108.

²⁶ Lidия Слана приводит другую цифру: 50 000 гульденов. См.: *Slana L.* Josip Gorjup v Ljubljani... S. 188.

²⁷ *Hribar I.* Moji spomini... S. 182–183.

²⁸ Й. Горьюп — И. Хрибару. Риека, 29.09.1889. // *Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani* (далее – RZ NUK). Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

нию»²⁹. Однако, даже отстранившись от активного участия в политической жизни Крайны, он продолжал настаивать на открытии в Любляне высшей женской школы. В 1893 г. он писал Хрибару, что считает его самым необходимым для словенцев, ведь только тогда у них появятся «матери, получившие национальное образование»³⁰. Именно Горьюп впоследствии финансово обеспечил открытие высшей женской школы, затем строительство Городского женского лицея и стипендии их ученицам³¹.

Решение о создании высшей женской школы либеральный Совет общины Любляны принял только в 1894 г. Однако в 1895 г. в Любляне произошло сильное землетрясение, и осуществление этого проекта на время было отодвинуто на задний план. Когда Хрибар, развивший энергичную деятельность по ликвидации последствий землетрясения, в 1896 г. был избран на пост жупана города, Горьюп, поздравляя его с избранием, подчеркнул, что надеется, что ему удастся решить проблему высшей женской школы³². И в первом же выступлении в Совете общины Любляны в новой должности он поднимал вопросы о выборе места для строительства здания высшей женской школы и о ее открытии³³.

Благодаря стараниям жупана, добившегося от министра культов и просвещения Цислейтании Пауля Гауча (1851–1918) соответствующего разрешения, школа начала работу уже 9 ноября 1896 г. Еще накануне ее открытия, 31 октября, в посвященной этому событию статье, опубликованной в

²⁹ Ё. Горьюп — И. Хрибару. Риека, 30.01.1891. // RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

³⁰ Ё. Горьюп — И. Хрибару. Риека, 30.12.1893. // RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

³¹ *Hribar A. Josip Gorup in njegova rodbina...* S. 113.

³² Ё. Горьюп — И. Хрибару. Риека, 09.05.1896. // RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

³³ Протокол заседания Совета общины г. Любляны от 24.06.1896. // *Zgodovinski arhiv Ljubljana* (далее — SI ZAL LJU) 488. Rokopisne knjige. T.e. 100. COD. III:46. 1896. S. 335–336.

газете *Slovenski narod*, подчеркивалось, что вести обучение в школе будут словенские учителя на словенском языке³⁴. В торжественной речи на ее открытии Хрибар заявил, что благодаря появлению первой словенской высшей женской школы возрастет авторитет Любляны как культурного центра словенцев, и выразил надежду, что благотворное влияние образования на словенку почувствуют и их семьи, и словенский народ, и государство. Он подчеркнул заслуги Горьюпа, пожертвовавшего для школы огромную сумму денег, и назвал его ее «истинным основателем», поблагодарил и министра Гауча, пообещавшего стабильно выделять ей с 1898 г. государственные дотации³⁵ (на деле они оказались довольно скудными). Поскольку Гауч высказал пожелание, «чтобы ученицы школы хорошо изучили французский и немецкий языки», Совет общины в ноябре 1896 г. принял решение проводить школьные уроки истории на немецком. На том же заседании Хрибар выразил сожаление, что «даже в национальном лагере еще есть люди, которые бросают камни в это учреждение»³⁶. Вероятно, прежде всего он имел в виду представителей конкурирующей с либералами Католической национальной партии.

Первым директором школы, возглавившим ее с 1896 до 1907 г., стал член Совета общины Любляны педагог Ловро Пожар (1855–1946). Прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, он посетил ряд подобных заведений в других австрийских землях. Особенно воодушевила его деятельность высшей женской школы в Праге³⁷, на которую он впоследствии во многом ориентировался. В выступлении

³⁴ Slovenski narod. 31.10.1896. S. 1.

³⁵ Ibid. 09.11.1896. S. 2.

³⁶ Протокол заседания Совета общины г. Любляна от 11.11.1896. // SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 101. COD. III:47. 1896. S. 169.

³⁷ *Mole R.* O mestni dekliški šoli v Ljubljani // Kronika. 1957. L. 5. Št. 1. S. 47.

на открытии школы Пожар подчеркнул, что она не станет «расширять эмансипацию», и четко определил ее задачи: «Как немцы, чехи и другие просвещенные народы, и словенцы должны позаботиться, чтобы словенские женщины получили более широкий кругозор. В новой школе будут воспитывать не словенских адвокатов, профессоров и т. д., а разумных словенских матерей и хозяек»³⁸. А газета *Slovenec* выразила надежду, что школа будет воспитывать девочек «в религиозно-национальном и династическом духе»³⁹.

Пожар организовал в школе курсы педагогики и торгового дела, а когда встал вопрос о преобразовании ее в лицей, составил его устав и учебный план. В 1898 г. школа стала называться городской высшей женской школой имени императора Франца-Иосифа (в честь 50-летия его правления).

В первые годы для школы снимались разные помещения, а сама она была трехлетней. Обязательными предметами являлись богословие, словенский, немецкий и французский языки, математика, физика, история, география, естествознание, рисование, рукоделие, во втором и третьем классах вводилась педагогика, в третьем — домоводство. Необязательными предметами были: итальянский язык, пение, физкультура, в первом классе еще и каллиграфия⁴⁰. В 1896 г. в школе обучались 27 девочек, в 1910–1911 гг. — 42. Согласно исследованиям Рудольфа Моле, они происходили из городских семей с достатком средним или ниже среднего, более богатые родители не желали отправлять в нее дочерей во многом из-за пропаганды католиков, клеймивших школу как «либеральную»⁴¹. С самого начала работы школы Горьюп выделил для ее наиболее «старательных учениц» 13 стипендий, с 1902 г. — 14. После смерти Й. Горьюпа сти-

³⁸ Slovenski narod. 09.11.1896. S. 2–3.

³⁹ Slovenec. 09.11.1896. S. 2–3.

⁴⁰ *Slana L. Josip Gorjup v Ljubljani...* S. 191.

⁴¹ *Mole R. O mestni dekliški šoli v Ljubljani...* S. 48.

пендии, уже для лица, распределял его сын Корнелий. В 1913 г. их было 19⁴².

В 1900 г. министр просвещения и образования Цислейтании Вильгельм Август фон Гартель (1839–1907) принял решение об открытии женских шестилетних лицеев с правом получения аттестата зрелости государственного образца и последующего поступления женщин в австрийские университеты. В словенских землях такие лицеи появились в Любляне, Целовце, Горице и Триесте⁴³. Предназначались они прежде всего для девочек из состоятельных семей, способных оплачивать обучение. В 1906 г. министерство науки одобрило устав словенского Городского женского лицея в Любляне. Многие сомневались в перспективности деятельности высшей женской школы и лицея, в том числе был разочарован и ее первый директор Л. Пожар. В сентябре 1907 г. в ответ на просьбу Хрибара сделать на Совете общины доклад о высшей женской школе Л. Пожар написал ему подробнейшее письмо, в котором изложил свои взгляды на этот вопрос. Он отметил: в Крайне «мы совсем не можем добиться серьезного улучшения школьного дела, <...> поскольку никто из тех, кто принимает решения, не смотрит дальше границ нашей родины; прежде всего, это касается высших женских школ, хотя с 1900 г. подобные учреждения растут в Австрии, как грибы после дождя». Он подчеркнул, что для эффективной работы женских лицеев необходимы три главных условия, которых не хватает в Любляне:

- 1) Хорошая организация работы курирующих их школьных комитетов, которые делают дело, а не выступают на заседаниях.

- 2) Поддержка провинциальных властей. По его мнению, в Крайне не исполняли решения министерства «либо из-за

⁴² *Slana L.* Josip Gorjup v Ljubljani... S. 193.

⁴³ *Ciperle J.* Srednje šole in višji študiji na slovenskem ozemlju do leta 1918. // *Kronika.* 1976. L. 24. Št. 3. S. 148; *Mole R.* O mestni dekliški šoli v Ljubljani... S. 47–48.

незнания, либо из-за лени, либо из-за какого-то неприятия», и никто не интересовался опытом работы школьных советов в других регионах империи — Граце, Линце, Праге и т. д.

3) «Наличие соответствующего общества», которое, по мнению Пожара, составляют «мещанское сословие, крупные землевладельцы, торговцы, высшие чиновники, адвокаты, нотариусы и т. д. Из этих кругов приходят более образованные девочки, которые имеют свободное время и могут полностью посвятить себя получению образования, поскольку им не нужно дома в тяжелых условиях выполнять всевозможную работу и лишь потом, запачканными и измученными, бежать в школу. Такие круги хотят дать своим дочерям лучшее образование в школах, где избранные учителя, где при меньшем количестве учениц учат интенсивнее, <...> и за все это готовы платить соответствующую, обычно очень высокую плату за обучение. <...> А не как у нас посылают (девочек. — Л. К.) в монастыри или вообще на чужбину». В словенской высшей женской школе в Любляне, как уже упоминалось, в основном учились девочки из небогатых семей. Пожар неоднократно предлагал снизить им плату за обучение, но его предложения были отвергнуты.

Пожар считал, что в женских лицеях надо ввести гласность, их персонал должен быть квалифицированным. Обучая девочек, нельзя опираться только на гимназические учебники для мальчиков. «В немецких лицеях Австрии уже достаточно книг на выбор, изданных специально для таких учреждений. У нас нет ни одной и в обозримом будущем не будет». Выводы Пожара были неутешительны — он полагал, что у женского лицея «не бог весть какие перспективы на будущее», и отказался от должности его директора⁴⁴. Вместо него этот пост занял ранее преподававший во II государственной гимназии в Любляне Иван Махер (1857–1919),

⁴⁴ Л. Пожар — И. Хрибару. Любляна, 14.09.1907. // RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca. Подчеркивание — в тексте письма.

а Пожар стал директором I государственной гимназии в Любляне⁴⁵.

Здание для женского лицея было построено по проекту известного архитектора Макса Фабиани (1865–1962) в 1906–1907 гг. По мнению специалистов, ему не было аналогов среди помещений для высших женских школ Австрии. Школа переехала в новое здание в 1907 г., а в 1910 г. был построен современный интернат для 100 воспитанниц. В нем имелись водопровод, электрическое освещение, центральное отопление, ваннные комнаты, физкультурный зал и медицинский изолятор⁴⁶. На открытии лицея в 1907 г. Хрибар выразил надежду, что в нем будут воспитаны «преданные словенки, любящие свой народ и родину»⁴⁷. В первый класс лицея принимались девочки, окончившие начальную школу, после третьего класса высшей женской школы учениц переводили в пятый класс лицея. Девочки обычно заканчивали его в 16 лет. С 1909 г. поступить можно было только в лицей. В 1911 г. был последний выпуск высшей женской школы.

В лицее имелся врач, за здоровьем учениц тщательно следили. В нем проводились лекции, театральные и музыкальные представления, девочек водили на экскурсии в музеи, а в 1913 и 1914 г. для шестиклассниц были организованы трехдневные поездки в Венецию. Уже с весны 1908 г. лицей стал выпускать свой печатный орган *Izvestje mestnega dekliškega liceja v Ljubljani* («Известия городского женского лицея в Любляне») ⁴⁸.

Еще в 1890 г. в письме к Хрибару Горьюп предложил «создать женское общество для развития женского образования»: «Женщины охотно будут заботиться о представительницах своего пола и что-то жертвовать для них, только

⁴⁵ Mole R. O mestni dekliški šoli v Ljubljani... S. 48.

⁴⁶ Dular A. Življenje gojenk v ljubljanski Mladiki (1912–1935) // Šolska kronika. 2015. Št. 1–2. S. 61.

⁴⁷ Šuštar B. Župan Ivan Hribar in slovensko šolstvo... S. 53.

⁴⁸ Dular A. Življenje gojenk v ljubljanski Mladiki... S. 58–59, 60–61.

их надо направить на истинный путь; я, со своей стороны, с радостью помогу такому обществу встать на ноги»⁴⁹. Благотворительное общество «Младика» было создано в 1906 г. и ставило перед собой задачи воспитания, хозяйственного и профессионального образования девушек, их размещения в интернате и контроля за ними вне школы. Интернат «Младика» принял первых учениц в 1912 г. После 1910 г. лицей, а с 1919 г. и интернат находились на попечении общины Любляны. В 1919 г. лицей был преобразован в реальную гимназию⁵⁰. С 2000 г. в здании «Младики» располагается Министерство иностранных дел Республики Словения.

Созданная либералами словенская высшая женская школа вызывала неприятие не только у многих католиков, но и у ряда люблянских немцев. Особенно ярко это проявилось после антинемецких выступлений словенцев в Любляне в сентябре 1908 г., подавленных правительственными войсками и вызвавших резкое обострение словенско-немецких отношений. Тогда ученики немецкой гимназии, в их числе и сын провинциального президента Крайны барона Теодора фон Шварца (1854–1932), стали проявлять агрессию по отношению к словенским ученицам высшей женской школы и лицея: они всячески обзывали девушек и директора школы И. Махера, отнимали и кидали в грязь учебники учениц и т. д. Хрибар 27 января 1909 г. послал письмо министру внутренних дел с жалобой на них и подчеркнул необходимость усиленного патрулирования охраной территории рядом с этими учебными заведениями⁵¹.

Несмотря на препятствия, школа продолжала работу и, можно сказать, выполнила свою задачу национального воспитания и более основательного образования словенок.

⁴⁹ Й. Горьюп — И. Хрибару. Риека, 28.02.1890. // RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

⁵⁰ *Slana L.* Josip Gorjup v Ljubljani... S. 192.

⁵¹ *Hribar I.* Moji spomini... S. 381–383; *Kranjec S.* Pol stoletja III. ljubljanske gimnazije // *Kronika.* 1959. L. 7. Št. 2. S. 108.

После окончания лицея девушки могли работать учительницами, библиотекарями, а также поступать вольнослушательницами на философские факультеты австрийских университетов. Открытие высшей женской школы, а затем и лицея стало одним из крупнейших достижений жупана Хрибара на поприще среднего образования. Р. Моле писал, что именно Хрибар имел «наибольшую заслугу в создании высшей женской школы». Однако нельзя недооценивать и существенную помощь в этом деле, оказанную Горьюпом. Л. Слана отметила, что словенская историография несправедливо приписывала все заслуги в создании школы Хрибару, забывая о вкладе Горьюпа⁵². Думается, что роль обоих словенских патриотов в осуществлении этого новаторского национального проекта неоспорима, Хрибара — как его инициатора и организатора, Горьюпа — как человека, финансово обеспечившего его осуществление. Не стоит также забывать о поддержке его Советом общины Любляны и о самоотверженной деятельности словенских учителей, взявшихся за выполнение новых для них задач обучения словенских девочек по гимназической программе.

⁵² *Mole R.* O mestni dekliški šoli v Ljubljani... S. 47; *Slana L.* Josip Gorjup v Ljubljani... S. 188.

DOI: 10.31168/2618-8562.2025.6.13

DOI: 10.31168/2618-8562.2025.6.15

Е. Секулович

**Надежда Петровић (1873–1915) — «хранитель»
музейных фондов на службе нации**

Je. Sekulovich

**Nadezhda Petrovich (1873–1915) — “curator”
of museum funds in the service of the nation**

Аннотация: В богатых фондах Этнографического музея в Белграде хранится этнографическая коллекция выдающейся сербской художницы, первопроходца стиля модерн в Сербии Надежды Петровић (1873–1915). Этнографическое наследие Надежды Петровић проливает новый свет на нее как на художника и как на разностороннюю личность. Ее деятельность и творчество до сих пор рассматривались с разных сторон, но пристальное внимание к ней как к коллекционеру этнографических артефактов внове. И в своих произведениях, и в качестве коллекционера и экспонента предметов этнографии как важных вернакулярных элементов построения национальной идентичности художница выражает свои убеждения и устремления. Мотивы создания такой коллекции следует искать в искренней любви Надежды Петровић к народному быту и всему, что его отражает. Сама коллекция, прежде всего, — отражение этнографических интересов художницы в контексте ее стремления внести вклад в создание национального стиля в искусстве и борьбы за национальную самобытность. Будучи представителем поколения патриотически настроенной молодежи, расцвет которого пришелся на смену столетий, Надежда Петровић, создавая свою коллекцию, стремилась подчеркнуть ценность и красоту народного творчества.

Ключевые слова: традиционная культура, национальная идентичность, коллекционирование, этнографические предметы.

Annotation: Within the rich collections of the Ethnographic Museum in Belgrade, the presence of ethnographic artifacts from the studios of prominent Serbian painter Nadezhda Petrovich (1873–1915) remained practically unnoticed. Illuminating the ethnographic estate of Nadezhda Petrovich is part of the process of understanding Nadezhda as a versatile personality and artist. She has been viewed in historiography and art criticism from several angles and on several occasions, but a more precise reading of Nadezhda as a collector-ethnographer is a novelty. Nadezhda expressed her ideological position and aspirations, not only through paintings but also as an activist in the field of collecting and presenting ethnographic items, as important vernacular elements in the construction of national identity. The motives for creation of such a collection should be sought in Nadezhda Petrovich's undeniable love for folk life and everything that arose from it. It is primarily a reflection of the painter's ethnographic interests in an effort to contribute to the creation of a national style in art and her struggle for national emancipation. As a member of the generation of patriotic youth who came of age at the turn of two centuries, she wanted to highlight the value and beauty of folk art by creating the collection.

Keywords: traditional culture, national identity, object collecting, ethnographic objects.

Наличие в богатых фондах Этнографического музея в Белграде этнографических предметов из художественных мастерских Пае Йовановича (1859–1957), Надежды Петровиц (1873–1915) и Бете Вуканович (1872–1972), известных художников первой половины XX в., осталось незамеченным. Из этих коллекций особо выделяются несколько десятков предметов сербской традиционной культуры, которые собрала художница Надежда Петровиц. Изучение этнографического наследия этой художницы важно для понимания ее как разносторонней личности и творца. Значение ее художественной деятельности хорошо изучено в историографии и многократно описано художественной

критикой¹, однако взгляд на Надежду как на собирателя этнографических предметов представляет новое поле для исследования. Ее упорная работа охватывала широкий спектр деятельности, начиная от коллекционирования предметов материальной культуры во время многочисленных путешествий и их демонстрации на выставках, до популяризации культурного наследия посредством введения научного подхода в изучение народных орнаментов. Упорство художницы в этой области перешло в категорию «охранительной» работы, целью которой была популяризация культурного наследия. Общая нарративная основа эпохи, которая содержала в себе идеализацию народной жизни как метафоры исконных традиционных ценностей, влияла на общественную активность Надежды Петровиц и была материализована в ее собственной коллекции предметов традиционной культуры.

Для понимания склонности Надежды к коллекционированию и экспонированию предметов материальной культуры важно рассмотреть интересы ее семьи и общественно-политическую ситуацию, в которой находилась Сербия в конце XIX – начале XX в. Семейное окружение, а также атмосфера непрекращающейся национальной пропаганды в нестабильные политические времена и сильные национальные чувства всех общественных слоев сформировали идеологическую позицию Надежды, которая позднее прослеживалась во всей ее деятельности: от живописи до создания гуманитарно-патриотических обществ. Всю жизнь она возвращала свое национальное чувство, занимаясь разной общественно-политической деятельностью.

Что касается национальных чувств Надежды Петровиц, то их проявление соответствовало развитию и стремлениям государства как в политической, экономической, так и общественной жизни Сербии в начале XIX в., времени глубоких

¹ *Jovanov J. Šta nama danas znači Nadežda Petrović // Naučni skup posvećen Nadeždi Petrović (1873–1915). Zbornik radova. Spomen-zbirka Pavla Beljanskog. Novi Sad, 2016. S. 119–123.*

изменений в обществе. Отвоєванная политическая автономия Княжества, подтвержденная указами султана от 1830 и 1833 гг., сделала возможным, помимо экономического, политического и культурного развития, процесс формирования национального самосознания и создания сербского гражданского общества. Укрепление национальной идентичности населения, которое в течение длительного времени проживало в мультиэтнической и многоконфессиональной Османской империи, было приоритетом правящих кругов Княжества. После обретения частичной «независимости» в Сербии образовался специфический культурный плюрализм, т. е. параллельное сосуществование специфических культурных моделей: западноевропейской, «автохтонной» народной модели и балканских вариаций османской культуры. Середина XIX в. привнесла перемены в политическую и экономическую жизнь, в этническую и социальную структуру как населения Белграда, так и других городов Сербии. Перемены происходили неравномерно как во времени, обществе, так и на всей территории.

После переноса столицы из Крагуеваца в Белград в 1841 г. начинается административное усиление последнего в качестве главного города, помимо других выгод, это позволяет ему позиционировать себя в качестве центра товарообмена. Подписание Парижского мирного договора в 1856 г., согласно которому Дунай был провозглашен рекой международного пользования, по которой было разрешено свободное судоходство торговых кораблей, что дало толчок для улучшения положения Сербии в экономическом плане и создало основательный фундамент для формирования сильного высшего класса общества. Не только торговцы, но и многочисленные представители знати, создали ту стабильную общественную группу, которая находилась на начальной ступени социальной лестницы. В это же время местная интеллигенция становилась все более значительной и заметной на общественной сцене. В ходе стабилизации обществен-

но-политической ситуации в Княжестве Сербия начался период развития, экономического и демографического подъема, дополненный усилением национального самосознания и ощущением национальной принадлежности. Развитие капитализма вело ко все большему экономическому расслоению общества: те, кто принадлежал к высшим общественным кругам, могли подражать европейским культурным образцам в отличие от большинства населения, имевшего скромные финансовые возможности и поэтому сохранявшего традиционные основы жизни на протяжении более длительного периода. Вопреки становящемуся очевидным экономическому расслоению населения и наличию различных культурных моделей, императив, получившей автономию Сербии, сводился к работе по усилению и укреплению национальной идентичности. О механизме создания национальной идентичности социолог Энтони Д. Смит в своей одноименной книге² написал, что необходимо существование сформированного общественного пространства и точно обозначенной территории, с которой ее жители себя соотносят. Далее Смит утверждает, что понятие национальной идентичности включает в себя ощущение политического единства, которое подразумевает наличие некоей единой институции, кодекса прав и обязанностей для всех ее членов. Создание единых институций и общего стандарта в государственной администрации, как, например, институализированное школьное образование, неминуемо трансформировало жителей одной определенной территории в граждан с сильной общей национальной идеологией. Именно в XIX в. в Сербии формировался ряд механизмов, благодаря которым выражалось и укреплялось национальное самосознание, что способствовало возвращению ощущения принадлежности единому государству. Упомянутые механизмы имели широкий диапазон, он начинался с формирования аппарата государственного

² Smit A. D. Nacionalni identitet. Beograd, 2010.

правления, школьного образования³, формирования армии, программ гуманитарных, специализированных и художественных учреждений и обществ, разработки системы государственных праздников и т. д.⁴.

Параллельно с формированием государства и усилением национальной идентичности в XIX в. закончился процесс становления буржуазии. Ее формирование означало возникновение новой общественной и политической реальности⁵. Новообразованный класс стал самым сильным структурным классовым элементом общества, осью общественной и национальной идентичности, а выделение национального в сфере частной жизни — явилось императивом индивидуума. Ключевая роль в формировании образца национальной идентичности принадлежала элите общества, поскольку она была носителем образования и создателем экономических рамок. Можно было бы заключить, что в создании национального контекста, который базируется на соотношении «историческая память — единое настоящее — возможное будущее» активно участвовала буржуазия как элита общества того времени.

Отправная точка национального самоопределения, как это определяет Ненад Макульевич в своей работе «Искусство и национальная идея в XIX в.», находилась в национальной самоидентификации отдельных людей⁶, возникшей на почве личных убеждений, которые получили широкое распространение в результате деятельности национальной

³ Подробнее о развитии школьного образования в Княжестве Сербия см. в: *Ворђевић И., Лукић Д.* Школство и просвета у Србији у првој половини 19. века // *Зборник радова Учитељског факултета. Лепосавић*, 2018. Бр. 12. С. 79–90.

⁴ *Прошић-Дворнић М.* Покушаји реформи одевања у Србији током XIX и почетком XX века // *Градска култура на Балкану (XV–XIX век)*. Зборник радова. Бр. 2. Београд, 1988. С. 192.

⁵ *Борозан И.* Слика и моћ: представа владара у српској визуелној култури XIX и почетком XX века. Књ. 1. Нови Сад, 2021. С. 237.

⁶ В основном те, кто принадлежал к слою буржуазии.

пропаганды. Это обусловило пересечение культурных форм и национальной идеологии в частной жизни. Использование национальной идеологии в обычной жизни, согласно Макулевичу, проявлялось в личной самопрезентации, формировании окружения и придании национального оттенка праздникам внутри семьи. Использование упомянутых элементов неким образом обеспечивало для некогда разобщенных людей «жизнь внутри нации»⁷.

Семейный габитус Надежды Петровиц во многом определил самоидентификацию ее как личности. А именно: рожденная в 1873 г. в семье государственного посланника, учителя и историка Дмитрия Мите Петровица⁸ и учительницы Милевы Петровиц⁹, Надежда уже в раннем детстве столкнулась с ярко выраженным национальным духом, который витал в семейном доме и который будет сопутствовать ей на протяжении всей жизни. В соответствии с общими тенденциями «буржуазного» общества в выражении национальных парадигм (от «сербства» до югословяинства), представленных через использование элементов фольклора в частной жизни семьи, просторный дом Петровица в Белграде отличало наличие многочисленных предметов традиционной культуры, которые собирались годами. Помимо богатой библиотеки, семейных портретов, многочисленных ковров и предметов народного костюма, дом Петровица украшали так называемые «кубурлии»¹⁰ (ЕМ инв. бр. 13611) и «фи-

⁷ *Макуљевић Н.* Уметност и национална идеја у XIX веку. Београд, 2006. С. 239.

⁸ Дмитрий Петровиц (Димитрије Петровић) (1852–1911) был историком, профессором и национальным деятелем.

⁹ Милева Петровиц (урожденная Зорич) (Милева Петровић, рођена Зорић) (1852–1912) была родом из Титела в Воеводине, недолгое время работала учительницей. В 1870 г. вышла замуж за Дмитрия Петровица, у них было четверо детей. М. Петровиц была племянницей известного социалиста Светозара Марковича (Светозар Марковић) (1846–1875).

¹⁰ Особый вид сумки, в которой хранились кобуры, прикреплялась на конскую упряжь. Образец «кубурлии» из коллекции Надежды выполнен из кожи.

шеклии»¹¹, драгоценные артефакты военного снаряжения восточно-балканского типа, которые свидетельствуют о военной истории семьи¹². Собранные предметы материальной культуры представляли собой благоприятную почву для изучения происхождения идейных убеждений и самопрезентации в рамках частной жизни. Потребность в их визуальной демонстрации в жилом пространстве возникла именно из топоса национальных убеждений, превращая частное пространство семейных домов в открытую экспозицию своих национальных устремлений. «Обозначение национальных мотивов в частных помещениях было потребностью и обязанностью всех представителей нации»¹³, в этом смысле семья Петровиц не была исключением.

Кроме восхищения предметами, которые несли в себе элементы национальной идентичности, с особым вниманием и интересом в семье Петровиц взращивалось уважение к народному устному творчеству. Мать Надежды, Милева Петровиц, привила своим детям любовь к эпосу и лирической поэзии¹⁴, которая в их дальнейшей жизни во многом окажет сильное влияние на их общественно-политическую востребованность¹⁵. В целом идеология XIX в. (как в Сербии,

¹¹ Коробочка или сумочка, в которой содержали порох; название торговца порохом. Отдельные экземпляры «фишеклий» были украшены богатой вышивкой, серебряной или позолоченной нитью.

¹² Отец Надежды, Димитрий Петровиц, как солдат Чачакской бригады I класса участвовал в сербско-турецких войнах 1876–1878 гг., о которых позднее оставил драгоценные свидетельства в книге «Военные записки с Явора и Топлицы 1876, 1877 и 1878 гг.». Указанная работа после смерти писателя осталось в рукописи, первая часть была напечатана в 1955 г. Народным музеем в г. Чачак, вторая часть — в 1979 г. Архивом Сербии.

¹³ *Макуљевић Н.* Визуелна култура национализма и конституисање приватног идентитета // *Годишњак за друштвену историју*. Год. XI. Св. 2–3. Београд, 2004. С. 53.

¹⁴ Имеется в виду поэзия, вдохновленная национальными темами.

¹⁵ *Божовић Д.* Породица Надежде Петровић кроз 19. век. Чачак, 2020. С. 184.

так и в других европейских странах) была нацелена на возвращение исключительного уважения к эпической традиции. Народные сказания стали фундаментом, на котором базировались национальные идеи и стремления. В них находили как аутентичность и подтверждение существования нации, так и ее воплощенный дух¹⁶. Любовь к устному народному творчеству не покидала Надежду и во время пребывания за границей, так в одном из писем, посланных семье из Мюнхена, она просила, чтобы ей прислали «сербские народные песни, героические и лирические»¹⁷.

Традиция занимала важное место в процессах выстраивания национальной идентичности сербского общества, обращение к ней было значительным, а возможно, и решающим в процессе создания новых культурных моделей, в формировании национального сознания, а также в реконструкции национальной, а в отдельных случаях и вымышленной традиции¹⁸. Склонность к созданию нового была заметна в разных областях и даже в культуре одеваться. Носителем новых культурных моделей действительности в Сербии XIX в., по большей части, был новоиспеченный класс буржуазии, который являлся элитой общества того времени. Открытие и создание национальной традиции, строительство культурной идентичности составляли центр общественной активности высших общественных слоев. Одним из важных способов выражения национальных идей стала тенденция

¹⁶ *Mačuljević H.* Уметност и национална идеја у XIX веку... С. 223.

¹⁷ *Jovanov J.* Nadežda Petrović: s obe strane objektiva // Spomen-zbirka Pavla Beljanskog. Novi Sad, 2013. S. 50.

¹⁸ Понятие «вымышленная традиция» ввел Эрик Хобсбаум в работе «Вымышленные традиции», где выразил мнение, что упомянутый термин подразумевает действия ритуального или символического характера, которыми обычно руководствуются в соответствии с открыто или тайно принятыми правилами, которыми стремятся привить определенные ценности и нормы поведения посредством повторения, что автоматически подразумевает связь с прошлым. Больше о термине см. в книге: *Hobsbom E.* Izmišljanje tradicije. Beograd, 2002.

элиты общества к отступлению от определенных моделей одежды и выдвигание народного костюма¹⁹ (который состоял из отдельных традиционных предметов одежды, подбор которых базировался на творческой манере одеваться) как национального символа во время больших и маленьких семейных праздников. Здесь важно напомнить, что смысл использования этой одежды, в первую очередь, заключался в идеологических взглядах общества, а не базировался на детальном воспроизведении образцов одежды традиционной культуры, хотя и использовались аутентичные элементы народного костюма. Широко распространенное и интерпретированные в различных формах костюмы представляли собой новую модель искусственно созданной «национальной одежды» в противовес аутентичной, которая частично являлась результатом, так сказать, «спонтанного» общественного процесса в течении длительного временного периода. Посыл, который нес этот костюм, впрочем, как и обстановка дома, в первую очередь был направлен на утверждение национальной идеи. Использование традиционных элементов одежды в вольной форме, вне установленных правил, сформировавшихся в традиционном обществе, привнесло, или точнее сказать, породило, практику использования подобной одежды исключительно в качестве способа национального самоопределения.

¹⁹ В этой работе термин «костюм» трактуется как одежда, которая в противовес каноническому «национальному костюму», перешла границу самодостаточного домашнего производства, где национальный костюм использовался и во время работы, и в повседневной жизни, в соответствии с общим общественным дискурсом, и приобрел функцию национального символа. Костюм получил новое значение и использовался для выражения национальных идей, став политическим инструментом в дискурсе национальных традиций. Больше о понятии «национальный костюм» см. в книге: *Kale J. Je li «narodna nošnja» narodna? // Etnološka tribina. Zagreb, 2008. Vol. 38. № 31. S. 109–126; Bonifačić V. Etnološka istraživanja i kanonizacija «izvornih» narodnih nošnji u Hrvatskoj 1930-ih // Etnološka istraživanja. Zagreb, 2007/2008. Br. 12/13. S. 9–27.*

Использование отдельных элементов традиционного костюма для подчеркивания национальной идеологии можно увидеть и на фотографиях²⁰, которые сделала Надежда Петрович во дворе дома своей семьи в 1907 г. На ее сестрах, Еле и Андже, надеты элементы костюма из Призрена: богато украшенный серебряной тесьмой елек (безрукавка)²¹, рубашки «из сербского полотна с вытканными шелковыми полосками»²² и шелковый пояс «траболос»²³. Фотография символически названа «Анджа под яблоней» и, несомненно, представляет собой оммаж на картину с национальной тематикой «Под яблоней» Джордже Крстича²⁴, художника патриотического направления. Завороженность Надежды искусством с национальными мотивами, как и ее желание воспроизводить уже написанные картины, особенно хорошо видны на фотографии²⁵, на кото-

²⁰ Фотографии сейчас хранятся в фондах Народного музея Сербии (они числятся как: ДНМ/ИУ/2/4/10 и ДНМ/ИУ/2/4/8).

²¹ Елек (безрукавка) — разновидность элемента мужской и женской верхней одежды без рукава, богато украшенного разнообразными орнаментами, носится в основном во время праздников, безрукавки с более скромными украшениями, надевались в повседневной жизни. Широко распространен, в незначительных вариациях, у сербского населения.

²² Сербское или призренское полотно ткют из шелка или смеси шелка и хлопка с вертикально сотканными широкими или узкими полосками, что являлось главным отличием от всех остальных типов полотна.

²³ Разновидность тканного пояса, который использовался как в мужском, так и в женском костюме. В основном изготавливались из шелка и хлопка с разнообразными полосками. Ими обматывались в несколько слоев вокруг талии поверх рубашки. В основном его носили жители Косова и Метохии.

²⁴ Джордже Крстич (Ђорђе Крстић) (1851–1907) — сербский художник реалист, один из первых сербских пейзажистов, автор картин на национальные мотивы.

²⁵ Фотография находится в собственности Милоша Коларжа из Белграда, единственного потомка Надежды Петрович через сестру Милицу.

рой гусяр, «центрообразующая фигура сербской нации»²⁶, окружен сестрами Петровиц. Именно фигура гусяра, архетипичное олицетворение коллективной памяти и народного творческого гения, становится общепринятой национальной символической фигурой в сербском обществе XIX в. В концептуализации, ставшей канонической, сцены с гусяром, окруженного слушателями, приняло участие большое количество национальных деятелей во главе с Ернеем Копитаром (1780–1844) и Вуком Караджичем (1787–1864). Этот сюжет, с символической фигурой сербского национального сказителя, в XIX в. весьма продуманно был возведен до уровня общепринятого национального символа²⁷. На протяжении всего XIX в. этот сюжет использовали многие авторы, такие как Катарина Ивановиц (Катарина Ивановић (1811–1882)), Павле Симиц (Павле Симић (1818–1876)), Анастас Йовановиц (Анастас Јовановић (1817–1899)), Джордже Крстич (друг отца Надежды, Димитрия)²⁸. Сюжет с окружившими гусяра сербами не был чужд и Надежде. Подражая каноничной жанровой сцене, Надежда во дворе семейного дома использовала эту мизансцену, она собрала вокруг человека с феской на голове и гусярами своих сестер²⁹, одетых в платья из различных краев, где проживали сербы. Общность сербского этоса почти поэтически читается в комбинации предметов одежды, таких как фартук из Скопской Црной горы (область в Республике Северная Македония недалеко от г. Скопье, где проживают сербы. — *прим. пер.*) и безрукавки из Мачвы, которые носит

²⁶ *Борозан И.* Револуционарна модерност и национални наратив: случај Надежде Петровић и утемељење модерне историјске слике // Надежда Петровић: модерност и нација. Београд, 2023. С. 61.

²⁷ *Јованов Ј.* Сестре Петровић око гусяра // Књига о Надежди. Коло СХП. Књ. 749. Београд, 2020. С. 229.

²⁸ *Jovanov J.* Nadežda Petrović: s obe strane objektiva // Spomen-zbirka Pavla Beljanskog... S. 55.

²⁹ У Надежды было шесть сестер: Милица (1876–1967), Зора (1882–1949), Елена (1883–1943), Любица (1885–1979), Ангелина (1888–1914) и Драгица (1895–1915).

Драга Петрович, объединяя две столь удаленные друг от друга области. На остальных сестрах надеты отдельные элементы одежды из Шумадии, из Тимокской Краины и окрестностей Куманова (в настоящее время город в Республике Северная Македония. — *прим. пер.*). На самой фотографии видны предметы, которые позднее составят часть наследия Надежды, переданного в Этнографический музей, такие как женская безрукавка с территории Мачвы (ЕМ инв. бр. 13919), которая надета на Драгицу, и рубашка из окрестностей Куманова (ЕМ инв. бр. 22149) на Елене Петрович.

«Повторение сюжета, где сербы собрались вокруг гусяра, указывает на понимание важности канонических, патриотических образов нации в семье Петровичей. Запечатленный мимолетный миг — общая фотография, стал частью личного габитуса известной семьи Петрович, подтвердивший трансформацию приватного семейного пространства в национальное достояние»³⁰. Упомянутые фотографии также являются показателем адаптации фольклорных элементов в мире художественной самопрезентации высшего сословия в Сербии в начале XX в. Сюда же можно отнести и различные игры, и семейные маскарады, проводимые в стиле сословной мимикрии, где народная одежда становится сценическим костюмом на службе национального этоса, а иллюзорные семейные спектакли — средством для выражения любви к родине. В целом замечено, что народный костюм используется в качестве самого заметного маркера национальной идентичности в различных сферах: от представления Сербии на международных выставках (где выставлялись ансамбли костюмов), или в салонах патриотически ориентированных обществ (экспонировавших различные бессистемно собранные элементы одежды), до выставления национального костюма в частных жилых помещениях, подобно дому Петро-

³⁰ *Борозан И.* Революционарна модерност и национални наратив... С. 61.

вича в Белграде, или в частных художественных салонах, организованных Надеждой в Мюнхене и Париже.

В художественно-ремесленной школе Кирила Кутлика³¹, которую посещала Надежда, где историю искусства и орнамента преподавал ее дядя Светозар Зорич, она познакомилась с народным творчеством. Уважаемый инженер и одновременно художник, Светозар Зорич создал серию орнаментальных узоров для ковров, которые стали экспонатами на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.³² Орнаменты Светозара Зорича, позднее названные «Узоры Зорича», являются обязательным мотивом в пиротских коврах и по сей день. Доподлинно известно, что Зорич был частым гостем в доме Петровича и оказал большое влияние на детей своей сестры Милевы, а особенно на Надежду, у которой разговорами и дискуссиями развил критическое мышление и любовь к народным рукотворным орнаментам. В любом случае, отец Надежды и ее дядя, несомненно, оказали влияние на ее восприятие искусства и национального этоса как дополнительного базиса для национального возрождения³³.

Признавая и понимая значение орнамента в народном искусстве как средства, которым можно выразить эстетические ощущения как создателя, так и потребителя в соответствии с общими и установленными правилами общества того времени, Надежда, работая учительницей рисования в Высшей женской школе в Белграде, ввела преподавание предметов, программа которых предусматривала изучение народного орнамента. Продолжая начинания своего дяди Светозара Зорича, она считала своей обязанностью посредством педагогики содействовать созданию аутентичного сти-

³¹ Кирил Кутлик (Cyril Kutlík) (1869–1900) — словацкий художник, педагог, иллюстратор и основатель первой Сербской рисовальной и художественной школы в Белграде, которая была основана в 1895 г.

³² *Витковић Жикић М.* Пиротски ћилими. Београд, 2001. С. 83.

³³ *Борозан И.* Револуционарна модерност и национални наратив... С. 43.

ля, черпающего свое вдохновение из народной культуры. Надежда, как и члены ее семьи, считала, что искусство — это средство для повышения морали и просвещения общества. Воспитание отношения к традиционному наследию, подчеркивание ценности аутентичности в художественном способе выражения были частью национальной апроприации архаичного наследия. Популяризация разнородных предметов традиционной культуры, подчеркивание красоты орнаментов — все это стало неприкосновенными элементами восхищения народным творчеством, а потребность в их, скажем так, «героизации и сакрализации» выражена посредством коллекции образцов национальных орнаментов, состоящих из четырнадцати фрагментов одежды, таких как рукава или нижние части женских рубаш, на которых в различных техниках вышиты разнообразные мотивы. Хотя и не существует подтверждения, но есть вполне оправданное предположение исследователей, что поводом к возникновению этой маленькой мозаики из орнаментов, стала идея использовать их в качестве пособия для изучения народного творчества в Высшей женской школе.

Художница хорошо понимала важность орнамента как основного языка народного искусства. От ее наметанного глаза не могли укрыться ни красота, ни богатство народного художественного выражения. Она считала, что народное искусство — это непересыхающий источник, из которого нужно черпать вдохновение для зарождения национального искусства. Народное искусство, словно творческий генератор, получило отклик в культуре одежды. Так, Надежда, очарованная красотой орнамента женских рубаш косовско-метохийского региона, Скопской Блатии и Прилепского поля, носит летнее платье современного европейского кроя, на котором воспроизведены орнаменты упомянутых областей. Она запечатлена в этом платье, скорее всего, собственного пошива, шляпке и с зонтиком разговаривающей на улице в 1908 г. К сожалению, упомянутое платье, как и оригинал фо-

тографии³⁴ утеряны. Важно подчеркнуть, что позднее, почти накануне Первой мировой войны, тенденция использования «народных» мотивов в одежде современного кроя, стало местным явлением. Можно сказать, что Надежда была одной из первых женщин, которые использовали такие элементы в одежде для проявления патриотических устремлений.

После двух лет обучения, Надежда принимает решение продолжить свое образование в Мюнхене — городе, который в то время был одним из самых главных центров искусства в Европе. В ноябре 1898 г. она записывается в школу искусства словенца Антона Ажбе³⁵, там она занимает маленькую мансарду, которую украшает элементами своей этнографической коллекции, в которой доминируют образцы пиротских ковров, впрочем, как и упомянутые фрагменты одежды. Любица Петрович в своих воспоминаниях отметила, что студия ее сестры «была наполнена сербскими народными и фольклорными предметами», пиротскими коврами, тканными сумочками, раскрашенными прялками, глиняными горшками»³⁶. На фотографии две сестры³⁷, Любица и Надежда. Она сделана во время пребывания Любицы в Мюнхене. На ней видны два образца пиротских ковров, тот, на котором отдыхает Надежда, украшен известным орнаментом «стџлица». Во время пребывания в Мюнхене на различных встречах она говорила о необходимости уважения и возрождения народного творчества посредством популяризации культурного наследия.

³⁴ Копия фотографии хранится в архиве «Спомен Збирка Павла Бељанског/Мемориальная коллекция Павла Бељанского» в Нови-Саде.

³⁵ Антон Ажбе (Anton Ažbe) (1862–1905) — художник и преподаватель рисования словенского происхождения. Родился в Австро-Венгрии, карьеру сдеал в Мюнхене, где основал частную художественную школу. Среди его многочисленных студентов самым известным был Василий Кандинский.

³⁶ *Димитријевић К.* Ратарска 32 Кућа Петровића. Београд, 2002. С. 34.

³⁷ Упомянутая фотография в настоящее время хранится в Галерее искусств в г. Чачак.

На суаре художников она пришла в народном костюме из окрестностей Белграда, о чем свидетельствует фотография Надежды, опубликованная в известном журнале *Жена и свет*³⁸ (за несколько лет до ее смерти). На упомянутой фотографии на Надежде, помимо всего прочего, надета юбка из Шумадии, узнаваемый атрибут одежды сербских крестьянок с 70-х годов XIX в. Привлекает внимание точность и целостность костюма Надежды, это позволяет заключить, что она могла купить этот полный комплект народного платья в окрестностях столицы, возможно, в Реснике³⁹.

В своей книге о Надежде Петровић профессор Лидия Мереник отмечает, что в ходе первого десятилетия XX в., которое было одним из исторически сложных и переломных периодов в истории Сербии, Надежда Петровић становится известной и признанной больше как общественно-политическая деятельница⁴⁰ и благотворительница, нежели как художница.

Вернувшись в Сербию в 1903 г., Надежда Петровић вместе со своей знакомой Делфой Иванич (Делфа Иванић (1881–1972)) и несколькими видными женщинами образовала гуманитарно-патриотическое общество Круг сербских сестер, основная задача которого заключалась в работе по укреплению национального духа. В первые годы существования они оказывали помощь сербам, находящимся в Старой Сербии⁴¹ (соответственно в северной части Северной Македонии и косовско-метохийской области), жизнь которых

³⁸ *Жена и свет*. Maj 1925. Бр. 5. С. 61. URL: https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_40A38CB0F99D1AB65BCA45A437AF7AA4-1925-05-B005 (дата обращения: 3.09.2024).

³⁹ Село вблизи Белграда, где Надежда писала портреты местного населения в народных костюмах в основном в 1905–1906 гг.

⁴⁰ *Мереник Л.* Надежда Петровић-пројекат и судбина // *Књига о Надежди*. Коло СХП. Књ. 749. Београд, 2020. С. 196.

⁴¹ Термин «Старая Сербия» является историческим понятием. Он возник в XIX в. и в узком смысле подразумевал Рашку, Косово, Метохию и большую часть Вардарской Македонии.

была под угрозой, а в более поздний период (накануне Первой мировой войны) общество приобрело ярко выраженный югославянский характер, отстаивая идею необходимости объединения всех югославянских народов, но при условии уважения наследия и традиционной культуры каждого из них. Движимая национальным рвением, Надежда занимается сбором гуманитарной помощи, которую в конце 1903 г. с членами Круга сербских сестер отправляет на север Македонии, в район Пореча. Интерес Петрович к общественно-политическим условиям, в которых проживало местное население, способствовал сбору предметов материальной культуры сербского происхождения. Во время многомесячного пребывания в долине реки Трески и реки Бистрица она обогатила свою этнографическую коллекцию пятнадцатью различными предметами одежды, которые сейчас хранятся в коллекции Этнографического музея в Белграде. Все сохраненные предметы — значимые и аутентичные доказательства и свидетельства особенностей народной одежды сербского населения, появившиеся во время османского правления, все это является незаменимым источником для проведения специализированного анализа и сравнения культуры одежды городского и сельского населения XIX в. Свидетельства о сожженных селах и обстоятельствах, которые предшествовали подавлению Илинденского восстания, она зафиксировала в травелоге «Путешествие по Македонии». Вдохновленная борьбой местного населения против османского угнетения и стремлением к национальному объединению она написала пьесу «Воевода Мицко Поречанин» о комите Мико/Мицко Крстиче Поречском (1855–1909), известном борце за освобождение сербов от османского господства.

Интерес Надежды Петрович к народному костюму охватывал весь югославянский культурный регион, о чем свидетельствует письмо 1908 г., адресованное Рихарду Якопичу⁴²,

⁴² Рихард Якопич (Rihard Jakopič) (1869–1943) считается основателем словенской импрессионистской живописи. Он основал ху-

известному словенскому художнику-импрессионисту, последнему члену Югославянской художественной колонии, в котором она его просит послать ей «словенскую хаубу», шапку, которую она смогла бы нарисовать. Об увлеченности Надежды идеей объединения югославянских народов говорит и то обстоятельство, что в ее коллекции находятся женский пояс «склепанец» из Словении (ЕМ инв. бр. 20434) и мужской пояс «ремен» из Хорватии (ЕМ инв. бр. 38723). В течении 1905 г. Надежда Петровиц создает «Первую югославянскую художественную колонию»⁴³ куда приглашает художников, которые, как и она, поддерживают идею югославяинства. Кроме упомянутого Якопича, к колонии присоединились Матия Яма⁴⁴, Фердо Весел⁴⁵, Иван Грохар⁴⁶, Пашко Вучетич⁴⁷ и Иван Мештрович⁴⁸, которые вместе с Надеждой провели три месяца, рисуя пейзажи и фольклорные сцены.

художественную школу и построил Павильон в парке Тиволи для молодых художников. Вместе с Надеждой Петровиц он учился в школе Антона Ажбе в Мюнхене.

⁴³ Подробнее о художественных достижениях участников, как и о самой колонии и выставке можно узнать в книге: *Амброзић К. Прва Југословенска уметничка колонија // Зборник радова Народног музеја. Књ. 1. МСМLVIII. Београд, 1956–1957. С. 261–286.*

⁴⁴ Матия Яма (Matija Jama) (1872–1947) – один из известных словенских художников импрессионистов наряду с Якопичем и Грохаром.

⁴⁵ Фердо Весел (Ferdo Vesel) (1861–1946) — словенский художник-импрессионист, учился в Вене и Мюнхене, где вместе с Якопичем участвовал в основании художественной школы Антона Ажбе.

⁴⁶ Иван Грохар (Ivan Grohar) (1867–1911) — словенский художник-импрессионист, известен пейзажами и портретами.

⁴⁷ Пашко Вучетич (Пашко Вучетић) (1871–1925) — сербский художник и скульптор. Один из известных сербских деятелей искусства первой половины XX в. На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. он представлял Сербию, выставив девять картин, наряду с другими известными сербскими художниками.

⁴⁸ Иван Мештрович (Иван Мештровић) (1883–1962) — югославский, хорватский скульптор и архитектор.

Итогом работы колонии стала совместная выставка в 1907 г. в Народном музее в Белграде.

В последующие годы Надежда Петрович по приглашению Ивана Мештровича, известного хорватского деятеля искусства и ее друга, продолжает учиться рисованию в Париже. Помимо своих работ, во Францию она привезла и этнографическую коллекцию с целью представить ее в рамках Югославянской выставки в Париже, на которой бы, помимо произведений искусства, были представлены и произведения традиционной культуры. Две фотографии парижской студии⁴⁹, которые, скорее всего, сделала сама Надежда, указывают на непрерывность стремления художницы представить общественности свою этнографическую коллекцию, отобрав наиболее впечатляющие предметы. Бережно отобранные и аккуратно выложенные этнографические артефакты наводят на мысль, что даже за границей Надежда ощущала потребность в выражении национальных идей, которые основывались на уважении народного духа и традиции. Среди представленных предметов были: юбка из Шумадии (ЕМ инв. бр. 1616), как та, что она носила на суаре 1899 г., элементы вышивок с женских рубах, собранных во время существования художественной колонии в Сичево (ЕМ инв. бр. 22113, 22114), фартук из окрестностей Пожареваца (ЕМ инв. бр. 17535), украшенные перламутром деревянные тапочки (ЕМ инв. бр. 9131), привезенные из путешествия по Сербии, — все это было выражением идеологической позиции Надежды, отвечавшей общему национальному дискурсу.

Надежда переняла манеру своей семьи частное жилище превращать в общественный национальный центр, что она и делала во всех местах своего проживания. В воспоминаниях ее друзей мы находим сведения о том, что Надежда со знанием дела всем заинтересованным гостям своих ху-

⁴⁹ Одна из них хранится в Народном музее Сербии (ДНМ/ИУ/2/2/17), копия другой сохранена в фонде «Спомен збирка Павла Белянского/ Мемориальная коллекция Павла Белянского».

дожественных салонов рассказывала о выставленных для обозрения предметах одежды традиционной культуры, не упуская возможности выразить собственное восхищение и воодушевление от уникальной художественной и эстетической красоты, воплощенной в них.

После начала Первой балканской войны, или вследствие безденежья после смерти родителей, Надежда в 1912 г. уезжает из Парижа, к сожалению, навсегда. Свои работы, этнографическую коллекцию, как и личные предметы она не забрала с собой, думая, что вернется во Францию. Следующие три года, последние годы ее жизни, она посвятила заботе о раненых и рисованию. В 1915 г. роковое стечение обстоятельств в военном госпитале лишило Сербию харизматичной Надежды Петровиц. Смерть от брюшного тифа завершила ее патриотическое путешествие и открыла путь для посмертной мифологизации ее образа⁵⁰.

После смерти Надежды Петровиц, судьба ее коллекции оставалась неизвестной. На Сербской выставке искусства и ремесла в Торговой палате в Лионе в 1917 г., организованной с целью ознакомления общественности союзнических стран с военной трагедией Сербии и для представления идеи югославянства, свое место нашла и коллекция Надежды⁵¹. Семья Петровиц в течении последующих двух лет из-за бедственного финансового положения и долгов просила Министерство просвещения и церковных дел выкупить содержимое парижского ателье Надежды с целью открыть музей, посвященный ей. Первые известия о парижском наследии и этнографической коллекции художницы Этнографический музей получает в 1919 г. Поскольку комиссия департамен-

⁵⁰ *Борозан И.* Революционарна модерност и национални наратив... С. 55.

⁵¹ *Бојовић Р.* Заоставштина Надежде Петровић на Српској изложби у Лиону 1917. године // Златном руком и сребрним српом. Етнографски предмети Париског ательеа Надежде Петровић. Чачак, 2021. С. 43.

та образования в Париже в основном занималась оценкой художественных работ, Министерство образования список «собранных народных костюмов, вышивок и украшений направило на осмотр и оценку Этнографическому музею в Белграде». Сима Троянович, прежний директор Этнографического музея, высказал мнение, что «любительская коллекция разрозненных предметов народного костюма, вышитых вещей, пряжек, колец и т. д. не имеет никакой ценности для Этнографического музея». Сведений о месте, времени и способе сбора предметов, а также об их истории Надежда не оставила. Во многом этот факт обусловил позицию Симы Трояновича о несоответствии ее этнографической коллекции музейным требованиям. Его решение остается непонятным, поскольку в коллекциях Этнографического музея уже были предметы с очень скудными данными. Картины с этнографическими мотивами тоже не встретили его признания: «справда в том, что для Этнографического музея картины из народной жизни и обычаев имеют особое значение, но сецессионизму и импрессионизму с нечеткими контурами здесь нет места, потому что они могут иметь только художественную ценность, и поскольку в них все сливается, этнограф будет тщетно искать детали, чтобы увидеть их такими, какие они есть, как если бы перед его глазами был сам объект»⁵². Далее в своей записке он предложил передать решение о судьбе этнографических экспонатов Министерству торговли и промышленности⁵³. Жизнь и творчество сербской художницы, «павшей на поле чести», по-прежнему оставались темами коммеморативных текстов, поэтому он предложил «этнографические предметы передать Женскому обществу

⁵² Мишльење управитеља Етнографског музеја др Симе Тројановића о понуди за откуп предмета Надежде Петровић од 23. марта 1919. године (Етнографски музеј у Београду. Архива Етнографског музеја. Инв. бр. 451).

⁵³ *Бојовић Р.* Париски атеље Надежде Петровић. Чачак, 2019. С. 24.

в Белграде⁵⁴ или Ковровой задруге в Пироте (Ћилимарска задруга у Пироту), где не требовалось научное отношение к экспонатам, особенно это касается ткачей, которые перемешивают старые и современные узоры, создавая новые комбинации⁵⁵. Отсутствие научной валидности⁵⁶ коллекции, а также непризнание внеинституциональной деятельности в процессе маркировки объектов с выраженными этническими чертами, привели к окончательному отказу от предлагаемой коллекции.

Тем не менее, в августе 1919 г. Министерство образования решает выкупить «многогранное» наследие Надежды Петровиц. Этнографическая коллекция была отделена от художественных картин и передана как единое целое Школе искусств и ремесел⁵⁷ для дальнейшего хранения. Только в 1926 г. художественный отдел Министерства образования передал Этнографическому музею 126 различных этнографических предметов Надежды Петровиц. Согласно отчету Николы Зеги, первого куратора, а затем директора, в тот год в Этнографический музей «поступило несколько вышивок, платьев и украшений» в качестве подарка Министерства образования⁵⁸. В Главную инвентарную книгу Этнографического музея в 1926 г. было записано 133 предмета (старый инв. бр. 8715–8827, 8916, 1919) с отметками возле некоторых из них, что они принадлежали Надежде Петровиц, художнице, в то время как остальные обозначены как подарок художественного отдела Министерства образования. Разни-

⁵⁴ Речь идет о «Белградском женском обществе», гуманитарной организации, состоявшей из женщин, принадлежавших к высшим слоям общества Белграда.

⁵⁵ Архива Етнографског музеја. Инв. бр. 451.

⁵⁶ То, как ее воспринимал Сима Троянович.

⁵⁷ Школа искусств и ремесел была открыта в 1905 г. в Белграде. В 1918 г. была переименована в Королевскую художественную школу.

⁵⁸ Зега Н. Етнографски музеј у 1926. // Годишњак СКА. XXXV. Српска краљевска академија. Београд, 1927. С. 338.

ца в количестве представленных и записанных предметов вызывает сомнения относительно того, являются ли они неописанными предметами из ее студии или отдельными предметами из дома Петровиц, которые впоследствии были присоединены к этнографической коллекции Надежды⁵⁹. Остается неизвестным, является ли зубуец из района Тимокска Краина, который мы видим на сестре Надежды, Анже Петровиц, на общей фотографии сестер с гуслиаром, тем, который записан в основной инвентарной книге под номером 5663, поскольку, кроме пометки на инвентарной карточке, оставленной куратором Еленой Лазич, о его принадлежности Надежде Петровиц и отметки, написанной от руки на самом экспонате, нет никакой другой информации о способе его приобретения или происхождении.

Сразу после получения и переписи этнографическое наследие Надежды Петровиц было распределено по девяти различным коллекциям Этнографического музея⁶⁰ в соответствии с функциями и происхождением составляющих его предметов, но как единое целое ее коллекция никогда не изучалась и не выставлялась. Похожая судьба постигла многочисленные этнографические предметы, принадлежавшие различным обществам, организациям и известным людям, которые только частично были просмотрены и/или выставлены. Подобное положение вещей не должно удивлять, если принять во внимание общее стремление музейных специалистов в то время не придавать значения дарителю, кем бы он ни был, а уделять внимание только самим объектам. Часто скрытые от глаз общественности, многочисленные

⁵⁹ *Bojović R. Nadežda i Petrovići u muzejskim zbirkama Čačka // Naučni skup posvećen Nadeždi Petrović (1873–1915). Zbornik radova. Spomen-zbirka Pavla Beljanskog. Novi Sad, 2016. S. 135, 136.*

⁶⁰ В Главную инвентарную книгу записано 125 предметов, семи предстоит пройти инвентаризацию, а один был списан во время ревизии музейного собрания в 1960-е годы (рубаша, старый инв. бр. 8780).

дарители и жертвователи оставались второстепенной темой исследования для опытных музейных специалистов.

С точки зрения важности самих предметов этнографического наследия Надежды, для экспертного анализа и изучения культуры одежды городского населения XIX в., можно особо выделить образцы необычайной красоты и ремесленного мастерства, такие как мужская безрукавка и мисираб⁶¹ (ЕМ инв. бр. 11395, 11394), а также деревянные сандалии «нануле»⁶² (ЕМ инв. бр. 9131), творения умелых ремесленников косо-метохийских городов. Отдельные предметы одежды сербского происхождения с территории Северной Македонии, такие как женские рубашки (ЕМ инв. бр. 13995, 22149, 22192), фартуки (ЕМ инв. бр. 11664, 11663), мужские чулки (ЕМ инв. бр. 5189, 5174), гетры тозлук (ЕМ инв. бр. 17019), мужская шапка (ЕМ инв. бр. 13986), ремень учгур (ЕМ инв. бр. 39966) и образцы вышивок (ЕМ инв. бр. 22756, 24317, 43830, 25317, 33711), все они имеют особую важность для восстановления особенностей народного сербского костюма и жизни под властью Османской империи. Однако большую часть коллекции составляют различные женские украше-

⁶¹ Мисираб — верхняя одежда восточного происхождения, которую носили женщины и мужчины. Для нее характерны длинные открытые рукава, так называемого «чепкен» типа. Одежда богато украшена замысловатыми орнаментами из металлической проволоки, сплетенной с хлопковым жгутом.

⁶² Нануле — женские деревянные тапочки, которые были распространены по всей Османской империи. Изначально они предназначались для посещения хамама, а позднее их начали носить в повседневной жизни. Более простые образцы нанулей носили вплоть до середины XX в. Их делали из единого куска дерева с каблуком и украшали резьбой, инкрустацией (кусочками дерева другого цвета или перламутром, металлом или костью). Высота каблука, как и украшения, указывали на социальный статус владелицы. Мастера, которые делали эти тапочки, назывались «налунджи» (налунџије) и принадлежали к ремесленному цеху шорников. Пара недоделанных нанулей, инкрустированных серебрянной проволокой, украшала художественную мастерскую Надежды Петрович в Париже.

ния (кольца, браслеты, женские пояса, серьги — всего 57 экземпляров). Среди них по мастерству исполнения выделяются кольцо «столоват»⁶³ и застёжки (пафта)⁶⁴ с изображением бога Вакха (ЕМ инв. бр. 9500). Непосредственно из семейного дома Петровичей в этнографическую коллекцию попали вышеупомянутые кубурлии, фишеклии, а также сбруя для лошади (ЕМ инв. бр. 16190), которых нет в инвентарной переписи ее парижской мастерской, это указывает на то, что члены семьи понимали важность и необходимость хранения предметов в Этнографическом музее. Также есть предположение, что две маленькие металлические иконы Богородицы Всех скорбящих радость (ЕМ инв. бр. 13934) и Святого Николая (ЕМ инв. бр. 13935), скорее всего русского производства, были собственностью Петровича.

Ее коллекция сегодня, несомненно, является для всех исследователей неисчерпаемым источником информации о богатстве культурного наследия, но также и источником для изучения идей, побудивших коллекционеров собирать те или иные предметы в первой половине XX в. Данный подход позволил в июне 2023 г. в Этнографическом музее впервые представить публике этнографическое наследие Надежды Петрович в полном объеме, сделав возможным

⁶³ Кольцо «столоват» украшено голубой и черной эмалью, в центре находится голубой камень. Народное название этого типа колец «меденьяк» или «столоват». Данный образец большого размера, его надевали во время праздничных застолий, откуда и его название. Этот тип кольца появляется в XVI в. и его можно встретить вплоть до XIX в. Его делали из различных материалов: серебра, меди, бронзы, а следовательно, можно заключить, что это украшение было доступно широким слоям населения.

⁶⁴ Пафта — металлическая застёжка на тканевых поясах миндалевидной формы. Восточного происхождения, использовались на протяжении долгого периода во всей Османской империи. Пример пафты из коллекции Надежды состоит из двух пластин в форме пальметты с сильно завернутым верхом, богато украшен различными узорами, где выделяется бог Вакх. Смесь восточной формы и европейских мифологических мотивов делают этот экземпляр особым.

«новое прочтение» жизни и творчества национальной героини. Выставка под названием «Наследие — коллекция предметов Надежды Петрович», куратор которой является также автором данной статьи, воссоздала коллекционерскую деятельность Надежды, которой, как и многим другим, не уделили должного внимания в начале XX в. Подходя с этой точки зрения, вышеупомянутая коллекция рассматривалась как яркий источник для изучения идеологических устремлений как общества и государства, так и отдельных лиц. В соответствии с романтической доктриной национальной идеологии девятнадцатого века, которая рассматривала народ как ключевой элемент в построении современной нации, следует также рассматривать деятельность государства, общества и отдельных лиц в сфере «использования» материальных объектов традиционной культуры.

Рассмотрение причин возникновения коллекции, ее содержания и способов хранения позволяет сделать вывод, что ее изучение возможно только в качестве инструментария для венакулярных моделей и идиом. Надежда Петрович не использует в своих художественных работах собранные предметы в качестве фона⁶⁵, это дополнительно подтверждает, что она сформировала свою собственную этнографическую коллекцию для выражения своих идеологических взглядов. Неоспорим и тот факт, что каждая коллекция составляется в соответствии с представлением коллекционера о том, что ценно и что он хочет этой коллекцией показать⁶⁶. Бесспорно и то, что значение и оценка собранных предметов меняются в течении определенного периода времени в соответствии с изменениями в восприятии реальности, которая окружала их в определенный момент в прошлом. Вышеупомянутый постулат неизбежно относился и к коллекции предметов

⁶⁵ Хотя в ее «сербийском» периоде тема традиционной жизни неизбежна.

⁶⁶ *Гаврилович Љ. О политикама, идентитетима и друге музејске приче. Београд, 2009. С. 12.*

выдающейся художницы. Действительно, этнографическая коллекция Надежды является хорошим примером того, как изменяется оценка ценности, которая варьировалась от «сакрализации» собранного до повторного открытия коллекции и нового «прочтения» составляющих ее предметов уже через людей, которые в качестве основоположников участвовали в процессах становления сербского и югославского национального этноса в первой половине XX в. Эта коллекция является отличным руководством для понимания механизмов, с помощью которых Надежда, как и все ее поколение, воспринимала «общественную реальность»⁶⁷, она также является примером появления нового критерия оценки коллекции, возникающей в результате «сакрализации» самого коллекционера. В этом контексте значимость предметов основывается не только на их ценности и функциях, которые они имели в определенном временном, территориальном и общественном дискурсе, но и на том, что они были собраны уважаемой в наши дни национальной героиней.

Перевод Н.С. Пилько

⁶⁷ Узнать больше о создании народности посредством коллекционирования можно в кн.: *Simić M. Izlaganje narodnosti kao tradicionalne kulture u Etnografskom muzeju u Beogradu: Istraživanje muzejske modernističke prakse. Muzeji u Srbiji: započeto putovanje.* Beograd, 2008. S. 47–69.

М. М. Керимова

Балканское путешествие первой женщины-профессора этнографии в России (1901 г.)

М. М. Kerimova

The Balkan Journey of the first female professor of ethnography in Russia (1901)

Аннотация: Поездка в словенскую Крайну первой женщины-профессора этнографии в России Веры Николаевны Харузиной — яркий эпизод ее многогранной научной деятельности. Благодаря трудам брата и сестры Харузиных российское общество в начале XX столетия познакомилось с этнокультурной ситуацией центра словенских земель — Крайной. В статье кратко представлены труды А. Н. Харузина и очерк В. Н. Харузиной, написанный по следам их совместной поездки в 1901 г. Семейная атмосфера, общение с выдающимися людьми своего времени способствовали формированию интереса Харузиной к этнографии. Блестящий ум, титаническая воля и энергия, широкая эрудиция, увлеченность, многообразие научных интересов, а также прекрасный стиль письма определили ее значительный вклад в становление и развитие российской этнографии последних десятилетий XIX – первой трети XX в. Многогранная популяризаторская и просветительская деятельность В. Н. Харузиной до сих пор вызывает интерес ученых разных областей гуманитарного знания.

Ключевые слова: первая женщина-профессор этнографии, В. Н. Харузина, балканское путешествие, словенцы, многогранное научное творчество.

Annotation: The trip to the Slovenian region of the first female professor of ethnography in Russia Vera Nikolaevna Kharuzina is a vivid episode of her multifaceted scientific activity. Thanks to the works of the Haruzin brother and sister, Russian society became familiar with the ethnocultural situation of the center of the Slovene lands, Krajina, at the beginning of the twentieth century. The article briefly presents the works of A. N. Kharuzin and an essay by V. N. Kharuzina, written in the wake of their joint trip in 1901. The family atmosphere and communication with prominent people of her time contributed to the formation of Haruzina's interest in ethnography. Her brilliant mind, titanic will and energy, wide erudition, passion, a variety of scientific interests, as well as her excellent writing style determined her significant contribution to the formation and development of Russian ethnography in the last decades of the nineteenth and first third of the twentieth centuries. The multifaceted popularization and educational activities of V. N. Kharuzina still arouse the interest of scientists from various fields of humanitarian knowledge.

Keywords: The first female professor of ethnography, V. N. Haruzina, Balkan journey, Slovenes, multifaceted scientific creativity.

В настоящей статье мы остановимся на материалах, собранных первой женщиной-профессором этнографии в России Верой Николаевной Харузиной в словенских землях (1901 г.). Но прежде кратко охарактеризуем деятельность уникальной семьи этнографов Харузиных.

Многогранная научная деятельность братьев Михаила Николаевича (1859–1888), Николая Николаевича (1865–1900), Алексея Николаевича (1864–1932) и их сестры Веры Николаевны (1866–1931) представляет огромную ценность для гуманитарной науки. Они внесли ценный вклад в становление и развитие российской этнографии и физической антропологии последних десятилетий XIX – первой трети XX в., создав более трехсот разного рода трудов: среди них фундаментальные монографии, аналитические статьи, рецензии на работы западных и российских ученых. Особое место в их творчестве занимают первые в России учебные пособия «Этнография», авторами которых были Николай и

Вера Харузины. Их актуальность и значимость неоспоримы как для образовательного процесса того времени, так и для наших дней. Трудам Харузиных были присущи прогрессивные для их времени теоретико-методологические концепции и оригинальные исследовательские подходы.

Николай Харузин стал основным организатором и редактором журнала «Этнографическое обозрение». Вера Николаевна удостоилась звания первой женщины-профессора этнографии в российских ВУЗах. Она всю свою жизнь посвятила изучению быта, нравов и обычаев народов мира.

Родители Харузиных — Николай Иванович Харузин, московский купец первой гильдии и его жена принадлежали к поколению «нового» купечества второй половины XIX в., были людьми новой эпохи, среди которых выделялись их друзья — Боткины, Третьяковы, Алексеевы, Прохоровы, Шукины. Семья Харузиных была в центре культурной жизни Москвы: в их дом были вхожи М. М. Ковалевский, Д. Н. Анучин, А. Н. Пыпин, Л. Н. Толстой, И. С. Аксаков, А. А. Фет, братья Н. Г. и А. Г. Рубенштейны, С. И. Танеев, В. В. Кандинский.

Пробуждение интереса к этнографии

Большое внимание в семье Харузиных уделялось обучению детей, тщательно подбирались домашние учителя и гувернантки со знанием немецкого и французского языков, выбирались учебные заведения. Вера поступила сразу в 4-й класс лучшей московской частной женской гимназии С. Н. Фишер. Николай обучался в 4-й московской мужской гимназии. Успешно закончив 6 классов, он, тем не менее, покинул ее стены, самостоятельно занявшись изучением истории и права и подготовкой к поступлению в университет.

По рекомендации известных московских купцов и меценатов Прохоровых и Алексеевых, с которыми были дружны Харузины, старшие сыновья Михаил и Алексей были опреде-

лены в Ревельскую немецкую мужскую гимназию. Считалось, что в Ревельской гимназии царил совсем иной дух, нежели в московских средних учебных заведениях: здесь гимназисты пользовались бóльшей свободой; в гимназии царил дух товарищества и чести, ценились храбрость и удалство.

Вера Харузина поступила в гимназию благодаря стараниям домашнего учителя латинского и греческого языков А. К. Кордасевича — горячего сторонника женского образования, которое в те времена поддерживали далеко не все. В мае 1882 г. она блестяще выдержала вступительный экзамен в четвертый класс гимназии С. Н. Фишер. Эта женская классическая гимназия пользовалась большой популярностью с 1872 г., так как работала по учебным планам мужских гимназий и славилась выдающимися преподавателями: профессорами С. Ф. Фортунатовым, Н. С. Тихонравовым и др. С. Н. Фишер стала для юной ученицы эталоном «внутренней свободы в образовании»: богатство и вычурность не имели для Софьи Николаевны решающего значения, отрицалось подбострастие перед преподавательским составом, в гимназии был отменен институт классных дам. Закончила Вера гимназию за четыре года с золотой медалью. После окончания гимназии весной 1886 г. перед Харузиной возникла дилемма: самообразование или поступление на Московские Высшие женские курсы В. И. Герье (в университет девушек не принимали). Вера выбрала первое, а «университетом» для нее стали ее братья.

Восприятие жизни и окружающего мира Веры Харузиной формировалось в семье, где всячески поощрялась увлеченность детей изучением природы, их интерес к ботанике, физике, археологии, народным обычаям и обрядам. Михаил и Алексей называли себя «естественниками», мечтали поступить в университет на естественный факультет. Комната Михаила Харузина была настоящим складом гербариев, окаменелостей, кусков коры, шишек и мхов. Вера и Коля помогали старшим, приносили им растения и узнавали от

братьев их латинские названия. Изучение природы, привитое Михаилом и Алексеем Вере, придавало осмысленность их прогулкам по Подмоскovie. Коля с детства более серьезно, нежели Вера, интересовался археологией, историей, нумизматикой, страстно загорелся мечтой о раскопках. Основное его чтение составляли исторические сочинения, он с увлечением подробно пересказывал Вере, например, историю возведения Успенского собора в Кремле.

Посещение театров, выставок, литературно-музыкальных вечеров в Славянском базаре, осмотр художественных коллекций в доме Д. П. Боткина и М. П. Боткина значительно расширяли кругозор детей Харузиных. Но и этим не ограничивалось их самообразование. Они познавали мир, получая впечатления от посещений Красной площади, рядов Гостиного двора и Смоленского рынка, часами простаивая у прилавков букинистов, задавая вопросы продавцам.

Своеобразным было в семье отношение к религии. Все были религиозны, преданы православию, но «религиозен был каждый по-своему», «степень и качество религиозности в нашей семье оставались не неизменными»¹. Если в 1860-х годах еще соблюдались посты, торжественно обставлялись праздники, то позднее постепенно «слабли наружные узы религиозности, обрядность отступала, посещения церкви, пощения стали необязательными»², — писала Харузина.

Глубоко верующей считалась в семье тетя Харузиных Александра Ивановна. Человек предельно искренний, душевно чистый, великодушный, она не скрывала своей приверженности к церковной обрядности и христианским заповедям. Посещение тюрем считала «богоугодным делом»: ведь в них посетителя «обступало человеческое горе», вызывая сострадание и желание понять и простить оступивших-

¹ Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступит. статья, подготовка текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. М., 1999. С. 106.

² Там же.

ся людей. Гувернантки водили «неразлучников» — Веру и Николая — в трущобы Зарядья и «Ржановской крепости»³ и в другие мрачные места Москвы, где можно было встретить настоящую бедноту. Этот мир давал Вере Харузиной пищу для размышлений, вызывал глубокую жалость и сочувствие к обездоленным⁴.

Анализируя религиозную обстановку в их семье, Вера Харузина замечала: «То, что мы росли под влиянием двух совершенно различных религиозных мировоззрений — православного и протестантского, а позднее к нему присоединилось и католическое (здесь имелось в виду пребывание в доме двух гувернанток: немецкоязычной Анны Мартыновны из Эстляндии и м-ль де Сикр, родом из Франции. — *М. К.*), не могло не отразиться на нашем религиозном развитии. Одно великое последствие этого — широкий дух терпимости, усвоенный нами с самого детства. С другой стороны, это же развивало и дух критики»⁵.

Рано пробудился у детей интерес к народным поверьям и обрядам. Михаил упрасивал маму, вспоминала Вера, отпустить его в ночь на Ивана Купалу в лес посмотреть, как цветет папоротник; много знал он о купальских огнях, о народных обрядах Троицына дня, про разные травы и предания о них, «про чудеса торфяного болота»⁶. В 1882 г. Вера написала свой первый очерк «На торфе», навеянный рассказом Михаила про чудеса этого болота вблизи деревни Озерки (около Павловского Посада)⁷.

³ Ржановская крепость, или Ржанов дом, принадлежала когда-то купцу Ржанову и находилась вблизи знаменитой Сухаревки, на углу Проточного и 1-го Никольского (ныне 1-го Смоленского) переулков, где ютились люди городского «дна».

⁴ Харузина В. Н. Прошлое. С. 258–260.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 327.

⁷ Там же.

Веру Харузину с малых лет привлекал труд, она писала, что «он влек ее бессознательно». Она любила рассматривать изделия, сделанные тетей для приютов и церкви, наблюдать за работой горничных, экономки, прачки в их доме в Борисоглебском переулке на Собачьей площадке, садовника, бедной метельщицы Зарядья или деревенских перчаточниц. Все они, простые труженики, всегда вызывали у нее искреннюю симпатию и неподдельный интерес. Вера возмущалась сценой, увиденной ею, подростком, в Никольском-Урюпине, имении князей Голицыных: празднуя какое-то семейное торжество, помещики бросали с пригорка в толпу крестьян пряники и карамель. «Тут было обижено человеческое достоинство», в чем Вера справедливо видела пережитки крепостного права. А другая картина во время посещения подмосковного Петровского вместе с семьей Д. П. Боткина порадовала Веру. Боткин попросил крестьянских девушек сплясать (был праздник Тихвинской иконы Божьей Матери). «В пляске народной есть художественность — следовательно, к ней надо относиться серьезно, с вниманием и любовью»⁸, — писала она. Благодаря Боткина за возможность увидеть «кусочек» народного искусства», Вера проявила и свое присущее ей с детства стремление лучше узнать и понять все стороны быта простого народа. Серьезно отнеслась тринадцатилетняя девочка и к посещению в 1879 г. Антропологической выставки в Москве: она назвала ее позже «светлым лучом, внесшим в ум живую струю интереса». «Я почувствовала к наукам, открывающим нам этот мир, не сухой интерес, а любовь, и охватывал меня при чтении священный трепет, похожий на тот, который я испытывала при приближении к какому-нибудь произведению искусства»⁹. С присущей ей горячностью Вера уверовала в то, что изучение народной жизни «достойно целой собственной жизни», и внимательно выслушивала рассказы горничных о жизни в деревне, обы-

⁸ Там же. С. 316.

⁹ Там же. С. 342.

чаях и обрядах. С 15 лет она занималась собиранием этнографических экспонатов во время многочисленных поездок по России и за границей, а в 18 лет в подмосковном Быкове сделала свою первую самостоятельную запись свадебного обряда, который она наблюдала в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Впоследствии она отдала свою запись Н. А. Янчуку — председателю музыкально-этнографической комиссии при Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ).

Как видим, братья и сестра были очень близки, делились планами, вместе не раз ездили в этнографические экспедиции. Нередко их многогранные исследовательские интересы перекрещивались: они увлекались одинаковыми или близкими темами и проблемами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья.

Постоянные болезни, сопровождающие Веру, а также несовершенство системы женского образования (в университет девушек не принимали, а Московские Высшие женские курсы В. И. Герье в 1886 г. были закрыты и вновь открылись лишь в 1900 г.) не позволили ей после окончания гимназии продолжить учебу.

Помогли Вере в постижении знаний братья, обладавшие большими познаниями в этнографии, антропологии, истории и археологии, а она с жадностью впитывала то, о чем они рассказывали и спорили. Чтобы пополнить багаж знаний Вера вместе с братом Николаем в 1892–1893 гг. едут в Париж, где слушают в Коллеж де Франс (College de France) и Сорбонне лекции: Л. Росни (Rosny) о Будде и Лао-цзы, Л. Марилье (Marillet) о табу и тотемизме, Ж. Ж. Флаха (Flachs) «о новейшей теории происхождения собственности и официальных владений в Африке»¹⁰, в Парижской Школе антропологии (École d'Anthropologie de Paris) — Р.-А. Бланшара,

¹⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 451. Д. 7. Л. 99.

Ш. Летурно, А. Мортилье и Г. Мортилье, теологов Л.-О. Сабатье и А. Ревилья¹¹.

Особую связь и близость Вера имела с братом Николаем, они были погодки (в детстве их даже называли «неразлучниками»). К великому горю Веры и всей семьи Николай скоропостижно скончался в 35 лет в 1900 г. Он оставил большое и разностороннее научное наследие, первым начал читать лекции по этнографии народов мира и истории первобытного общества в Московском университете (с 1896 г.) и Лазаревском институте восточных языков (с 1897 г.). Четырехтомный учебник «Этнография», изданный посмертно и подготовленный к печати Алексеем и Верой Харузиными, был первым в России систематическим курсом лекций по этнографии в четырех томах¹².

Летом 1887 г. Николай берет Веру в ее первую этнографическую экспедицию к русским лопарям (саамам) Кольского полуострова. Результатом экспедиции на Русский Север стала знаменитая монография Н. Н. Харузина «Русские лопари. Очерк прошлого и современного быта» (1890 г.), составившая X том «Трудов Этнографического отдела ИОЛЕАЭ (472 с. с картой). Книга стала первым научным этнографическим исследованием, охватывающем все области культуры и быта саамов, и сразу привлекла внимание научной общественности, удостоилась высокой награды — золотой медали Этнографического отдела ИОЛЕАЭ¹³.

Практически всю свою сознательную жизнь Вера Николаевна вела дневник, тщательно фиксируя в нем увиденное, и впоследствии изложила свои впечатления в путевых

¹¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 4813. Л. 1; ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 4247. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 64. Л. 15.

¹² Этнография. Вып. I. Часть общая. Материальная культура (1901 г.); Вып. II. Семья и род (1903 г.); Вып. III. Собственность и первобытное государство (1903 г.); Вып. IV. Верования (1905 г.).

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 337. Оп. I. Д. 1136. Л. 5 об.

очерках «На Севере» (1890 г.). Первый опыт В. Н. Харузиной удостоился рецензии А. Н. Пыпина (автора «Истории русской этнографии» и «Истории славянских литератур»), которая была опубликована в популярном общественно-литературном журнале «Вестник Европы» за 1890 г. Именитый ученый и публицист справедливо причислил книгу В. Н. Харузиной к сочинениям, проникнутым «духом народолюбия и народничества». Она, по его мнению, «оставляет в читателе привлекательное впечатление задушевностью своего тона и интересом рассказа»¹⁴.

Вера Николаевна была широко образованным человеком в области этнографии, истории, социологии. С 1907 г. она начинает читать лекции по этнографии в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах, а в советское время до 1925 г. — в Московском университете. Первую книгу лекций «Этнография» (1909 г.) В. Н. Харузина посвятила верованиям «малокультурных» народов, предварив этот чрезвычайно объемный материал экскурсом в раздел об историческом развитии этнографии. Этот учебник является аналитическим исследованием, в основе которого лежит критическое отношение к уже сложившимся во второй половине XIX в. западным течениям и школам в естественных и общественных науках. Рецензия отдельных положений представителей этих школ и неприятие других позволили автору учебника обосновать собственные суждения по ряду вопросов практической и теоретической этнографии.

Вторая книга учебника «Этнография» (1914 г.) посвящена методам изучения материальной культуры. Выбор этого направления был неслучаен: приемы и принципы собирания и научной обработки этнографического материала, включая его теоретический аспект, являлись неотложной проблемой этнографии второй половины XIX — первой трети XX столе-

¹⁴ Пыпин А. Н. [Рец. на:] В. Н. Харузина. На Севере // Вестник Европы. 1890. Т. II. № 3. С. 431–432.

тия. Отличительной особенностью лекций В. Н. Харузиной является утверждение единства практического и теоретического начала. Рекомендации студентам по сбору полевых материалов, о которых мало кто писал в то время, расширяли их кругозор и давали умение проводить многоаспектные опросы, правильно вести записи полевых наблюдений, делать фотографии и, таким образом, основательно готовиться к экспедициям.

Накануне Великой Отечественной войны в издательстве МГУ была издана третья книга лекций Харузиной «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара» (1941 г.). Это небольшое, но весьма ценное учебное пособие было составлено и отредактировано доцентом МГУ А. М. Золотаревым. Пособие стало одним из последних его трудов как редактора и инициатора переиздания лекций Харузиной. Веру Николаевну он считал «одной из крупнейших русских этнологов», а лекции — «лучшим кратким обзором по общей этнографии» вплоть до выхода в свет советского учебника. Издание, выполненное в страноведческо-очерковой манере, включило в себя 20 новых лекций, посвященных этнической истории, материальной и духовной культуре народов Австралии, Меланезии, Микронезии, Полинезии, Океании, Африки, Северной и Южной Америки и Азии. Лекции были проникнуты идеей гуманности, призывом противостоять колониальной политике западноевропейских стран, истреблявшей целые племена во имя «высокой цивилизации». Негативное отношение В. Н. Харузиной к шовинизму актуально звучало в начале Второй мировой войны, когда автора уже не было в живых.

Ее лекция о культурных кругах¹⁵ Австралии и Океании (у В. Н. Харузиной — «Культурные слои в области Тихого Океана») резко отличается от остальных не только краткостью изложения, но и постановкой очень непростых теоре-

¹⁵ Теория культурных кругов — диффузионистское направления, возникшее в Германии в конце XIX в.

тико-методологических вопросов, вторичных в ее переложении. В. Н. Харузина опиралась на теорию диффузионизма Ф. Гребнера о культурных кругах, не упоминая его имени и не до конца разобравшись в ней. В свое время она отказалась от рецензирования этой книги для «Этнографического обозрения» именно по причине «запутанности вопроса в постановке его у Ф. Гребнера»¹⁶. Ф. Гребнер же сходные явления культуры, где бы они ни встречались, объявлял принадлежащими лишь одному культурному кругу и, следовательно, происходящими из одного центра. В этом отношении попытка теоретизирования не прибавила весомости данному учебнику. Позиция А. М. Золотарева, представленная им в комментариях к учебнику по вопросам диффузионизма вообще и, в частности, о теории «культурных кругов» очень важна. Лекции В. Н. Харузиной, прочитанные на Высших женских курсах в 1911–1912 гг. и переизданные в 1941 г., были восприняты как серьезное учебное пособие для преподавания этнографии в российских вузах. Они ценны, прежде всего, обзором исторических этапов становления этнографических знаний и оформления этнографии в самостоятельную научную дисциплину, богатейшим конкретным материалом, в котором освещались элементы материальной и духовной культуры народов многих регионов мира; систематическим изложением сложных вопросов, стоящих перед новой институционализирующейся дисциплиной.

В. Н. Харузина не получила того высшего образования, к которому мы привыкли, но тем не менее стала известным ученым и в 20-х годах XX столетия, преподавая на Факультете общественных наук (ФОН) И МГУ, удостоилась высокого звания профессора этнографии (ее братья такого звания не получили). В начале XX в. это звание получали путем

¹⁶ Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН). Ф. 21 (В. В. Богданов). Рукопись статьи В. В. Богданова «В. Ф. Миллер». Д. 8 а. Л. 251.

голосования — баллотировка шарами¹⁷ на факультетском заседании.

В. Н. Харузина постоянно находилась в поисках новых тем и проблем, нередко еще недостаточно разработанных. Особенно знаменателен в этом плане период первого двадцатилетия XX в. Вера Николаевна смогла сочетать чтение лекций в ведущих российских вузах с подготовкой статей по народному искусству (игры и игрушки, примитивные формы драматического искусства), фольклору (мифы, легенды, предания), составлять и издавать сборники сказок народов мира, принимать деятельное участие в развитии музейной этнографии, писать множество рецензий на труды зарубежных ученых для журнала «Этнографическое обозрение» и оставить потомкам мемуары и дневники.

Безусловная заслуга Харузиной заключается в том, что она уделяла серьезное внимание этнографическому изучению «инородцев» русского Севера и Сибири, выпустив в свет несколько ярких этнографических очерков о лопарях (саамах), вотяках (удмуртах), юкагирах, тунгусах. Фольклор и мифология также занимали немалое место в ее творческой и научной деятельности. Она составила и опубликовала сборники сказок разных народов: «Сказки русских инородцев» (1898 г.), «Африканские сказки» (1919 г.). Интересовали Веру Николаевну и «примитивные формы драматического искусства», народные игры и игрушки, постановка музейного дела в России и за рубежом¹⁸.

¹⁷ Баллотировка шарами — это способ закрытой или тайной подачи голосов при избрании лица на должность профессора. Проводилась посредством опускания белых или черных шаров (баллов) в закрытую урну или ящик.

¹⁸ Харузина В. Н. Примитивные формы драматического искусства // Этнографическое обозрение. 1927. № 1–2; 1928. № 1–2; Харузина В. Н. Игрушки у малокультурных народов // Игрушка, ее история и значение: сборник статей с 114 рисунками в тексте. М., 1912. С. 85–139; Харузина В. Н. Игра с завязанной веревочкой у разных народов // Семья и школа. 1906. № 9–10; Харузина В. Н. Отчет о летней поездке в Германию (каталогизация,

Талант беллетриста, богатство воображения и прекрасный русский язык В. Н. Харузиной проявились в ее собственных рассказах и сказках, опубликованных в разное время: «На Выксу» (Детский отдых. 1898. № 6–8), «Рождественская звезда» (Детский отдых. 1898. № 11–12), «Царевна — каменное сердечко» (М., 1899, с иллюстрациями, выдержала несколько изданий)¹⁹, «Оцзи и Олесь. Рассказ из жизни лопарей» (М., 1903), «Сказ о боярине Кручине и посадском человеке Савве Акинфиевиче» (Виленский вестник. 1905), «Друзья. Картинки из жизни словинских детей» (Библиотека семьи и школы. 1909. № 1), «Тунгусенок Михайло (для детей с иллюстрациями)» (М., 1928), «Никифор Утка» (Былины. Серия «Школьная библиотека». М.–Л., 1938), и других художественных произведениях, в которых присутствуют этнографические мотивы. Безусловно имело значение сотрудничество талантливого прозаика и этнографа в таких известных изданиях, как «Родник», «Детский отдых», «Путеводный огонек», «Игрушечка», «Читальни народных школ» и др.

Множество трудов В. Н. Харузиной посвящены изучению народного искусства. В 1912 г. издание товарищества И. Д. Сытина выпустило под редакцией Н. Д. Бартрама сборник статей «Игрушка. Ее история и значение», куда вошла работа В. Н. Харузиной «Игрушки у малокультурных народов». В ней ставится проблема изучения психологии детского творчества, которую на рубеже XX столетия начинают разрабатывать известные зарубежные и русские ученые. Эта объемная работа, по существу мини-монография (139 с. с 114 фотографиями и рисунками), дала ей возможность на

консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях) // Отчет о состоянии Московского археологического института им. Императора Николая II в 1910/11 академическом году. М., 1912.

¹⁹ [Рец. на:] В. Н. Харузина. Царевна – каменное сердечко // Русская мысль. 1902. № 2.

основе огромного фактического материала, почерпнутого из русских и иностранных источников, этнографических коллекций европейских музеев, поставить широкий круг интересных, недостаточно освещенных вопросов о географии распространения игр и игрушек, о заимствованиях их самобытных форм, о связях с человеческой психикой, верованиями и спецификой быта народов. В труде содержатся сведения теоретического характера о развитии игр и игрушек во времени, их связи с культурами и обрядами народов, об игрушке и ритуале. Использование в этой работе материалов начала XX в. было особенно важно, так как В. Н. Харузина никогда не отрицала принцип историзма и преемственности.

В 1927–1928 гг. в журнале «Этнография» публикуется фундаментальное исследование В. Н. Харузиной «Примитивные формы драматического искусства»²⁰. Новизна и оригинальность этой работы заключается в постановке вопросов о значении индивидуального творчества в создании примитивных драматических представлений, об обрядовой и магической роли драмы, о наличии комического элемента, об участии женщин и детей в архаичных спектаклях — играх. Эта тема давала возможность автору сопоставить далекое прошлое с современным театральным искусством. В. Н. Харузина считала, что драматическое искусство, постоянно развивающееся культурное явление, зависит не столько от эволюции форм, сколько от познания человеческой психики и силы воображения. Своим исследованием она хотела привлечь внимание будущих ученых на всестороннее изучение форм драматического искусства в прошлом. Проблематика этой статьи для конца 1920-х годов была весьма актуальной, поскольку в России конца XIX – первой трети XX в. информация о первобытных формах драматического искусства была очень скудна, хотя о зачатках русской драмы было написано уже немало. До сих пор эту интереснейшую работу исполь-

²⁰ Харузина В. Н. Примитивные формы драматического искусства // Этнография. 1927. № 1. С. 57–85; № 2. С. 283–300.

зуют современные искусствоведы, занимающиеся истоками театрального искусства.

Большой вклад В. Н. Харузина внесла в разработку проблем мифологии и фольклора, просветительскую и популяризаторскую деятельность как рецензента и переводчика зарубежных этнографических изданий, издателя сборников «Сказок русских инородцев»²¹ и «Африканских сказок»²² и автора художественных рассказов. Вместе с братом Николаем она перевела сборник статей Э. Ланга «Мифология»²³, в котором знакомила читателей с историческим и критическим обзором мифологических теорий.

В течение двадцати одного года (с 1904 по 1925 г.), постепенно, преодолевая болезни и невзгоды (смерть любимого наставника — профессора В. Ф. Миллера, пропажа в Константинополе в 1920 г. племянника Мстислава Харузина, глухота художника А. В. Средина (ученика И. И. Левитана) — человека, пронесшего любовь к Харузиной через всю свою жизнь), Вера Николаевна через силу пишет мемуары «Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет»²⁴, в которых демонстрирует не только профессиональную наблюдательность и незаурядную память, но и литературный дар, позволивший ей создать выразительную картину быта и нравов московского купечества второй половины XIX в.²⁵

После ранней утраты братьев Михаила и Николая Вера находила поддержку у брата Алексея.

²¹ Харузина В. Н. Сказки русских инородцев (с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями) / С предисл. В. М. Михайловского. М., 1898. 304 с.

²² Харузина В. Н. Африканские сказки. М., 1919. 146 с.

²³ Ланг Э. Мифология / Пер. под ред. [и с предисл.] Н. Н. и В. Н. Харузиных. М., 1901. 209 с.

²⁴ Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступит. статья, подготовка текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. М., 1999. 558 с.

²⁵ Умерла Вера Николаевна 14 мая 1931 г., похоронена в Москве на кладбище Донского монастыря.

Алексей Николаевич Харузин и его увлечение балканской проблематикой

Поскольку балканская проблематика в научном творчестве В. Н. Харузиной тесно связана с изысканиями ее брата, кратко остановимся на его трудах.

Поддержка семьей Харузиных освободительного движения зарубежных славянских народов в последней трети XIX в. привлекала в их московский дом в Борисоглебском переулке болгарских студентов Б. Н. Боева и Х. М. Бончева, А. Радовича, главного редактора «Сербских ведомостей»²⁶, супругу и соратницу известного деятеля словенского национального возрождения Людевита Енко — Терезину Михайловну Енко²⁷. Все это, несомненно, способствовало интересу брата и сестры Харузиных к проблеме этнического самознания, материальной и духовной культуры зарубежных славян и, в частности, словенцев.

В 1899 г. Алексей Харузин получает от Императорского Русского географического общества (ИРГО) командировку в Черногорию, Далмацию и славянские провинции Австрийской империи для изучения народов, населяющих эти земли. На основе собранных материалов, он пишет фундаментальный труд «Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии» (СПб., 1901), освещающий исторические, этноконфессиональные и антропологические особенности населения этого региона. В Отчете ИРГО за 1899 г. значилось, что в отчетном году действительный член ИРГО А.Н. Харузин посетил летом Боснию и Герцеговину, которые мало затрагивались исследованиями русских путешественников. Благодаря содействию русского консула в Сараево и высших чинов местной администрации г. Харузину удалось собрать интересный материал по антропологии, этнографии и статистике Боснии и Герцеговины. Он обращал внимание

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 51.

²⁷ Там же. Ф. 81. Д. 68. Л. 11 об.–12; Д. 70. Л. 13 об.

главным образом на особенности физического типа и характера народонаселения в зависимости от мест и условий, на особенности одежды и ее орнаментацию, вероисповедания, особенности быта и воззрений, языческие обряды и их приспособление как «к началам православной и католической церкви, так и к мусульманству»²⁸.

Необходимо отметить, что Алексей Николаевич, «погрузившийся» с интересом в начале 1890-х годов в проблематику этнографии зарубежных славян и опубликовавший много работ о них, впоследствии посещал Хорватию, и проездом Сербию, в 1903, 1908, 1913 гг.

В 1908 г. он с семьей отдыхал на берегу Адриатики в хорватском местечке Црквеница, а после этого предпринял поездку по Дунаю, чтобы увидеть Белград. В 1913 г. он с сестрой Еленой²⁹, сыном Всеволодом и женой отдыхал в Рагузе (Дубровник). Сочувствие всех Харузиных судьбе южных славян не прошло и мимо сына Алексея Николаевича Мстислава. Он хотел отправиться волонтером на балканскую войну 1912–1913 гг., чтобы на деле поддержать право Черногории на земли вокруг Скутари, на которые претендовали Турция и Болгария³⁰.

В 1901 г. Вера Николаевна вместе с братом совершает поездку к словенцам Крайны. (Вторично Алексей Николаевич посетил словенские земли в 1902 г. уже один). Они пробыли там с 7 августа по 1 сентября 1901 г. Результатом двух поездок А. Н. Харузина стали следующие статьи, опубликованные в 1902–1903 гг.: «Австрийская Крайна» в журнале «Родник», «Национальная эволюция словинцев» и «Краинский кряж и его чудесные явления» в журнале «Русский вестник», статьи «Крестьянин Австрийской Крайны и

²⁸ Отчет Императорского Русского географического общества за 1899 год. СПб. С. 19.

²⁹ У Харузиных было еще две сестры — Елена Николаевна Харузина (в браке — Арандоренко) и Ольга, умершая в 4 года.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 75. Л. 70 об., 93–94; Д. 31. Л. 42.

его постройки», «Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны» в журнале «Живая старина»³¹, который был периодическим изданием Отделения этнографии ИРГО и выходил под редакцией В. И. Ламанского. В этих статьях Харузин чрезвычайно подробно анализирует историческое прошлое словенских земель, географические условия, конфессиональную ситуацию, процесс культурного возрождения словенцев, останавливается на отношении словенцев к русскому народу, пишет об экономическом (состояние сельского хозяйства, развитие горнорудного дела, транзитной торговли, развитие ремесел) и этнокультурном положении центра словенских земель — Крайны. Харузин тщательным образом изучил особенности жилых и хозяйственных строений, строительные материалы, архитектурные формы, внутренний интерьер словенского жилища, углубленно исследовал его в сравнительном плане, проследил историю славянских жилищ на материале словенских построек в Верхней Крайне³².

В периодической печати появилось множество рецензий на труды Харузина о Словении и словенцах: *Soča, Slovenski narod, Dom in svet, Slovan, Edinost, Ljubljanski zvon*³³. Много-

³¹ Харузин А. Н. Австрийская Крайна. СПб., 1902; Харузин А. Н. Национальная эволюция словинцев // Русский вестник. 1902. № 7; Харузин А. Н. Краинский кряж и его чудесные явления // Русский вестник. 1902. № 3–4; Харузин А. Н. Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки // Живая старина. 1902. Вып. I; Харузин А. Н. Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны // Живая старина. 1902. Вып. 3–4.

³² Керимова М. М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М., 2011. С. 356–371.

³³ [Рец. на:] Al. Haruzin. Avstrijskaja Krajna // Soča. 1902. № 126; Lampe E. [Рец. на:] Al. Haruzin. Avstrijskaja Krajna // Dom in svet. 1903. № 16. S. 56; Aškerc A. [Рец. на:] A. Haruzin. Nacionalnaja evolucija Slovincov. Med Revijami // Ljubljanski zvon. 1902. № 9. S. 645–646. См. также: Рыжова М. И. Письма Антона Ашкерца А.С. Суворину, Ф. Е. Коршу, А. Л. Волынскому, Д. Н. Вергуну

численные рецензии на труды А. Н. Харузина в словенской периодике свидетельствуют об их ценности для словенской общественности и широкого читателя, вносят большой вклад в историю и этнографию этого народа.

Этническая культура словенцев в восприятии В. Н. Харузиной

По результатам поездки к словенцам Крайны в 1901 г. Вера Николаевна опубликовала интересный очерк «Крайна»³⁴. В поездке ей и брату помогали супруги Енко. Вера очень тепло отзывалась о них; сохранилась ее запись в «Дневнике» от 13 августа 1901 г.: «Нам здесь хорошо, просто и уютно. Јенко такие милые»³⁵. Благоговение вызывает у нее подвижническая деятельность Людевита Енко (1841–1912), 30 лет посвятившего пропаганде русского языка и литературы и сближению словенцев с русскими. Заняв место врача в практически онемеченной Идрии, он четыре года трудился над поднятием народного самосознания словенцев, а с 1890-х годов, несмотря на огромные препятствия со стороны правительства, стал одним из главных учредителей «русских кружков» в Любляне, Целье, Мариборе, Горице, Идрии и

// Литература славянских народов. М., 1960. Вып. 5. С. 212; на отзывы А. Ашкерца в журнале «Ljubljanski zvon» (1902, № 9 и 1903, № 12) ссылается и И. В. Чуркина в книге «Русские и словенцы» (М., 1986. С. 126); *Merhar I.* [Рец. на:] Dve nove študije Al. Haruzina o slovincih // *Edinost*. 1903. № 148–149; *Govékar F.* Aleksej Nikolajevič Haruzin // *Slovan*. 1904–1905. № 3. С. 211; *Jenko T.* Aleksej Nikolajevič Haruzin // *Edinost*. 1902. № 122 (3 junija); *Plešič Fr.* [Рец. на:] Al. Haruzin. Žilišče Slovinca Verhnej Krajny. Med Revijami // *Ljubljanski zvon*. 1904. № 10; *Debevec J.* [Рец. на:] Al. Haruzin. Krestjanin Avstrijskoj Krajni i jeho postrojki; Žilišče Slovinca Verhnej Krajny // *Dom in svet*. 1903. № 7. С. 438–441; *Trstenjak A.* [Рец. на:] Al. Haruzin o slovenskem domu. Žilišče Slovinca Verhnej Krajny // *Slovenski narod*. 1903. № 166–168.

³⁴ *Харузина В. Н.* Крайна (очерк) // *Естествознание и география*. 1902. № 3–5, 8.

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 67. Л. 113.

других городах словенских земель и безвозмездно преподавал в них русский язык. Овладев им в совершенстве, он перевел на словенский язык повести Пушкина, адаптировал учебник «Русское правописание для учащихся», изданный в 1892 г. в Триесте.

Новые сведения о супругах Енко Вера приводит в своем дневнике: «Он работает без усталости... — замечает о Л. Енко Харузина. — Его жена ему помощница вот уже 20 с лишком лет. Перед Т. М. (Терезиной Михайловной. — М. К.) я невольно преклоняюсь»³⁶. После смерти мужа Т. Енко, убежденный русофил и сторонница идеи славянской взаимности, продолжила его дело. Свободное владение русским языком помогло Т. Енко тесно общаться с русскими, которые, попав в Словению, обязательно посещали дом Енко в Любляне и на озере Блед.

В очерке В. Н. Харузиной «Крайна» проявилось ее дарование аналитика и художника. Очерк написан весьма обстоятельно и в тоже время образно. Текст был написан для журнала с географическим и естественным направлением и, в отличие от брата, в свой текст Вера Николаевна ввела новые материалы о брачно-семейных отношениях, одежде, пище, поверьях словенцев. Кроме того, в комментарии на первой странице она отмечает, что очерк возник как на основе личных впечатлений, так и изучения трудов различных ученых и коллекции этнографических материалов Этнографического отделения Румянцевского музея в Москве.

В. Н. Харузина поэтично и с восторгом пишет о красоте природы Крайны. Из российских ученых, пожалуй, только Вера Николаевна сумела столь красочно обрисовать природу Крайны и главное ее богатство — буковые, дубовые, еловые леса, являющиеся статьей экспорта, стройматериалом и основой ремесел. Подробно останавливается она на флоре и фауне крайних лесов, рассказывает о разнообразных отраслях хозяйства словенцев, пишет об исконном занятии словенцев

³⁶ Там же. Л. 114.

Крайны — земледелии. Очень древним направлением хозяйственной деятельности словенского крестьянина является виноделие. Она также отмечает, что были развиты промысел сурка, рыболовство и скотоводство, народные ремесла и горное дело — все это свидетельствовало о том, что «промышленный дух сильно развит в энергичном и деятельном народе»³⁷.

В отличие от брата Вера Николаевна пишет и о пище словенцев, например, характеризуя *ričet* — кашу из ячменя с бобами, фасолью, обрезками ветчины, кусками колбасы и свиного сала и т. п.

Останавливается она и на истории Крайны, археологических раскопках в Любляне, «галльштадском периоде» в истории региона и более позднем «латинском», приведшем к столкновениям с Римом, остготами, лангобардами, баварцами, франками и аварами. В VIII в. Карантания (в которую входила большая часть территории Крайны) была включена в состав обширной франкской монархии, когда «воцарилась власть жестоких чужеземцев».

Харузина впервые в русской этнографической науке обстоятельно обрисовала некоторые главные черты национального характера словенцев, связав их с исторической судьбой народа и с особенностями жизни и быта. Характеризуя стереотипы поведения, она считает, что жители Верхней Крайны, «энергичны, деятельны, любознательны». Ласковая природа Нижней Крайны наложила «печать мягкости и некоторой беспечности на ее сынов»³⁸. Борьба же с суровой природой во Внутренней Крайне породила замкнутость, решительность — «несокрушимой силой веет от закаленных фигур». Кроме зависимости от климата всем словенцам присущи общие черты: необщительность, хотя «о богатстве его (словенца. — М. К.) внутренней жизни говорит его полное

³⁷ Харузина В. Н. Крайна (очерк) // Естествознание и география. 1902. № 3. С. 12.

³⁸ Харузина В. Н. Крайна (очерк) // Естествознание и география. 1902. № 8. С. 1.

выражения лица», осторожность, выработанная притеснениями со стороны пришельцев-немцев, предприимчивость и стремление расширить свой кругозор, гостеприимство в сочетании с бережливостью, отсутствие «беззаботной доверчивости с чужими» с правдивостью в речах и склонностью «к размышлению и вдумчивому отношению к жизни»³⁹.

В очерке В. Н. Харузиной приводятся также описания жилища и народного костюма краинцев. Вера Николаевна обращает внимание на укрепленность словенского жилища, на внешнее оформление каменных домов, на стенопись (изображение святого, год постройки или инициалы владельца), на детали внутреннего интерьера, которые подчеркивают неповторимый дух словенского дома.

Коротко останавливается она на целебных растениях Верхней Краины. Ссылаясь на Я. В. Вальвзора, она рассказывает о приворотной силе корня девясила, который помогал девушке покорить любимого, об особой мази, приготовленной из разных трав и имеющей волшебное свойство. Во всяком случае, каждая словенка верила в целебные свойства многих трав и умела их собирать.

Касается Харузина и семейного быта словенских крестьян, пишет, что главой семьи в доме является хозяин (*господар*). Жена его (*господиня*) пользуется большим почетом. Чтобы читателю были яснее взаимоотношения в семье словенского крестьянина, Харузина приводит описание разных крестьянских семейств в деревне Блед. Наиболее интересным является описание семьи, состоявшей из хозяйки, хозяина, их детей и внуков. Такую семью можно охарактеризовать как сложную (большую) семью (задругу). Такой тип изредка встречался у словенцев в пограничных областях их расселения. Предполагают, что в раннем средневековье задруги существовали и у словенцев, но социально-экономическое

³⁹ Там же. С. 2.

развитие привело к её исчезновению раньше, чем в других югославянских областях⁴⁰.

Итак, очерк В. Н. Харузиной «Крайна» познакомил российскую общественность с новыми этнографическими материалами, раскрыл тонкости и своеобразные черты духовной и материальной культуры словенцев, был написан образным, поэтическим языком.

Необходимо отметить, что в своем учебнике «Этнография» (Вып. II. Приемы изучения явлений материальной культуры. Жилище. Одежда. Украшения. Пища. М., 1914) В. Н. Харузина использует наработанный словенский материал⁴¹, дополняя свои наблюдения, сделанные в Крайне.

На очерк «Крайна» в словенской периодике 1902–1903 гг. появились хвалебные отзывы Е. Лампе, И. Мерхара, анонимных рецензентов, которые отмечали, что Харузина «с теплым чувством и неподдельным восхищением»⁴² подробно описала все стороны жизни и быта словенцев.

Художественный этнографический рассказ «Друзья. Картинки из жизни словинских детей» о словенских детях также появился в результате впечатлений В. Н. Харузиной от поездки к словенцам Крайны⁴³. В нем идет речь о девочке по имени Франца и ее друзьях, живущих в горной деревушке

⁴⁰ *Кашуба М. С.* Словенцы // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. URL: <https://www.ethnosy.ru/node/334> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴¹ *Харузина В. Н.* Этнография. Вып. II. М., 1914. С. 57, 83–85, 123, 139, 124, 142, 143, 165–167, 181, 189, 195, 196–197, 309, 311, 317, 419.

⁴² [Рец. на:] *Vera Haruzina. Krajna* // *Ljubljanski zvon*. 1903. № 2. S. 122; *Lampe E.* [Рец. на:] *Vera Haruzina. Očerk. S mnogimi risunkami* // *Dom in svet*. 1903. № 1. S. 55–56; *Merhar I.* [Рец. на:] *Dve nove študije Al. Haruzina o slovincih* // *Edinost* 1903. № 148–149; [Рец. на:] *Vera Haruzina. Krajna* // *Soča*. 1902. № 118. В. Н. Харузина пишет, что Л. М. Енко сообщает ей о том, что в словенской газете вышла «ласковая рецензия» на очерк «Крайна». См. ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 63.

⁴³ *Харузина В. Н.* Друзья. Картинки из жизни словинских детей // Библиотека для семьи и школы. 1909. № 1.

Купленик. Вера Николаевна описывает сельскую ярмарку, народные праздники, воскресную обедню в церкви, жилые и хозяйственные постройки, народный костюм крестьянок.

Балканская поездка профессора В. Н. Харузиной лишь небольшой, но яркий фрагмент ее многогранной научной деятельности. Братья и сестра Харузины отдали часть своего времени также организации музейного дела, созданию разных этнографических программ для исследования народов России, популяризаторской и просветительской деятельности. Научное творчество этих ученых свидетельствует о феноменальном масштабе их интересов и желании охватить своим взором важнейшие проблемы современной им этнографической науки, методологически обосновать многие ее положения, привести их в систему, а также оставить для последователей перечень вопросов для размышлений и новых изысканий.

Ю. В. Лобачева

Катарина Богданович и женское движение в межвоенной Югославии

Yu. V. Lobacheva

Katarina Bogdanović and the Women's Movement in Interwar Yugoslavia

Аннотация: После Первой мировой войны в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевстве Югославия) продолжает развиваться общественная деятельность женщин, начатая в последней четверти XIX в. Активно растет феминистское ее направление. В данной работе речь идет о жизни и деятельности феминистки и борца за равенство женщин Катарини Богданович (1885–1969). Она являлась незаурядной, выдающейся личностью: известна как философ (первая женщина, получившая диплом по философии и литературе в Белградском университете), педагог, писатель, литературный критик, редактор, как одна из первых женщин-директоров средних женских школ в Королевстве СХС и общественный деятель.

Ключевые слова: Королевство сербов, хорватов и словенцев, Югославия, Катарина Богданович, феминизм, женское движение, женское избирательное право, Общество просвещения женщины и защиты ее прав, Женское движение, *Женски покрет*.

Annotation: After the First World War, in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes (since 1929, the Kingdom of Yugoslavia) the social activities of women, which began in the last quarter of the 19th century, continued to develop. The feminist movement was actively growing. The article deals with the life and work of Katarina Bogdanović (1885–1969), a feminist and advocate for women's equality.

She was undoubtedly an extraordinary, outstanding personality. She is known as a philosopher (the first woman to receive a degree in philosophy and literature from the University of Belgrade), an educator, a writer, a literary critic, an editor, as well as one of the first female directors of secondary schools for women in the Kingdom of the Serbs, Croats, and Slovenes and a public figure.

Keywords: Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes, Yugoslavia, Katarina Bogdanović, feminism, women's movement, women's suffrage, Society for the Education of Woman and the Protection of Her Rights, Women's Movement, *Ženski Pokret*.

Сразу после Первой мировой войны в только что образованном Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевстве СХС, с 1929 г. Королевстве Югославия), в Белграде в частности, продолжает развиваться начатая еще в последней четверти XIX в. общественная деятельность женщин. Наряду с уже ставшими традиционными социальным и благотворительным направлениями, в межвоенный период активно развивается феминистское, нацеленное на расширение прав и улучшение положения женщин¹.

Один из основных вопросов, возникающих при изучении этой деятельности — кто являлся действующими лицами женского движения (в широком смысле)? Кем были его ини-

¹ Подробнее см., например: *Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku*. Beograd, 1996; *Столић А. Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији*. Београд, 2015; *Милановић Ј. Женско друштво (1875–1942)*. Београд, 2020; *Лобачева Ю. В. Женские организации в Белграде в последней четверти XIX – начале XX в. // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.; СПб., 2022. С. 347–391; Милановић Ј. Материнско удружење (1904–1941)*. Београд, 1923; *Новосельцева Л. К. Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в.: идеология, организации, лидеры // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 208–241; Лобачева Ю. В. Женский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Историки-слависты МГУ: книга 17: Югославян волшебные портреты. К юбилею доцента Людмилы Васильевны Кузьмичевой. Научный сборник. М., 2024. С. 312–323 и др.*

циаторы и участники? Что ими двигало и каким был их вклад в его развитие? Рассмотрение этих вопросов, как и изучение женского движения в целом, может помочь лучше понять сербскую и югославянскую социальную реальность того времени.

В данной статье речь пойдет о Катарине Богданович — активистке женского движения после войны и в 1920-е годы в Белграде, феминистке и борце за равенство и права женщин. Она была философом (первой женщиной, получившей диплом по философии и литературе в Белградском университете), педагогом, писателем, литературным критиком, историком литературы, редактором. В соавторстве с Паулиной Лебл-Албала² она написала учебник для средней школы, а также стала одной из первых женщин-директоров средних женских школ в Королевстве СХС³.

² Лебл-Албала Паулина (Лебл Албала Паулина) (1891–1967) — теоретик литературы и профессор литературы в Белграде, переводчица, литературный критик, феминистка, общественный деятель.

³ Наряду с биографией Катарини Богданович, вышедшей из-под пера крагуевацкого писателя Милана Николича, опубликованного в 1986 г. ее дневники, заметки и самые важные статьи (*Богдановић К. Изабрани живот: дневници, есеји, студије и критике /* избор, редакција и предговор М. Николић. Крагујевац, 1986), с которыми автор пока не имела возможности ознакомиться, имеется ряд посвященных ей работ других сербских авторов. См., например: Катарина Богдановић // *Мостови*. Љубљана, 2016. Год. 13. Април. Бр. 47. С. 10–11; *Вујошевић Л. Катарина Богдановић: поетика анархизма // Кораџи*. Крагујевац, 2017. Год. LI. Св. 11–12. С. 96–104; *Вујошевић Л. Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе*. 2018. Vol. 8. № 8. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2018/zenska-knjizevnost-i-kultura/katarina-bogdanovic-put-avangardne-intelektualke> (дата обращения: 17.07.2025); *Вујошевић Л. Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке (други део) // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе*. 2019. Vol. 9. № 9. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2019/zenska-knjizevnost-i-kultura/katarina-bogdanovic-put-avangardne-intelektualke-drugi-deo> (дата обращения: 17.07.2025); *Tomić S. Self-Narration of Serbian Female Teachers:*

Катарина Богданович родилась 28 октября (10 ноября) 1885 г. в сербской православной семье в селе Трпиня близ Буковара (в то время Австро-Венгрия). Там она закончила три класса начальной школы. В Белграде она завершила начальную и среднюю школу, поступив затем в 1904 г. в Педагогическую школу в Карловаце, после окончания которой два года преподавала в начальной школе в Тузле.

В Тузле К. Богданович вела довольно замкнутый образ жизни, предпочитая проводить свободное время за чтением книг и ведением дневника. Она была по-настоящему любознательным человеком, который глубоко вникал в изучаемые темы и мог обучить или убедить других⁴. «Я сужу о ценности дня по количеству времени, которое я провожу за чтением. Чтение — это ценность и всей моей жизни тоже. Весь мой материальный капитал заключен в книгах, и мой интеллектуальный капитал также проистекает из этих книг», — писала она в дневнике («Дневник девушки») ⁵. И еще: «Я с таким удовольствием приводила в порядок свои книги. Они — <...> мои друзья и моя компания в моем одиночестве. Я не могу представить себе жизнь без книг или дня без чтения»⁶. Она занималась самообразованием, много читала и для того, чтобы стать сильным преподавателем, добившимся общественного признания⁷.

О силе ее стремления к интеллектуальному росту свидетельствует и такая запись в дневнике: «Я могла бы пожертвовать всем, лишь бы узнать больше. Если бы кто-нибудь отправил меня в Америку с условием, что я должна вер-

From Isolated Village Women to the Metropolises' Intellectuals // Serbian Studies. 2019. Vol. 30. № 1–2. P. 135–162 и др.

⁴ *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 144, 157.

⁵ *Богдановић К.* Изабрани живот... С. 34 (цит. по: *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 144).

⁶ *Богдановић К.* Изабрани живот... С. 40 (цит. по: *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 156).

⁷ *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 156.

нуться через двадцать лет, я бы приняла это предложение, чтобы чему-то научиться. Я отправлюсь на край света ради науки. Но, увы, я не могу добраться даже до Белграда»⁸. Последнее, впрочем, вскоре изменилось.

В 1906 г. К. Богданович оставляет работу в Тузле и переезжает в Белград, чтобы изучать в Белградском университете философию, литературу и иностранные языки (английский, французский и немецкий).

В то время это был смелый поступок для девушки из патриархальной среды. Он усложнил ее и без того непростые отношения с родителями, которые не поддержали ее желание учиться дальше. Отец не мог понять, почему дочь не могла быть удовлетворена работой учительницы, а мать была в отчаянии от того, что она не хотела выходить замуж⁹. Однако этот шаг, требовавший еще большего мужества без поддержки семьи, соответствовал ее жизненной позиции, важному жизненному принципу — независимости и самостоятельности. «Жить по своей воле — это настоящая жизнь, а все остальное — только напряжение и принуждение», — записала она в дневнике 28 августа 1906 г.¹⁰. Уезжая учиться в Белград, она еще больше отдалялась от традиционного семейного уклада, от патриархальных правил и предписаний.

Сербский исследователь Лела Вуйошевич отметила, что феминистские и близкие к анархизму взгляды К. Бог-

⁸ *Богдановић К.* Изабрани живот... С. 29 (цит. по: *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 158).

⁹ *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 143. Как заметила сербский ученый Лела Вуйошевич, из-за атеизма и этикета чудачки и анархистки у К. Богданович были конфликты с родителями, и она страдала от подозрительности и осуждение окружения. Поэтому она решительно оставила службу в Тузле и поехала учиться в Белград (*Вуйошевић Л.* Катарина Богдановић: поетика... С. 99).

¹⁰ «По својој вољи живети, то је прави живот, а све друго само је натезање и усиљавање» (*Богдановић К.* Изабрани живот... С. 42 (цит. по: *Вуйошевић Л.* Катарина Богдановић: поетика анархизма... С. 103)).

данович аутентичны и берут начало в ее ранней молодости. О необходимости деконструировать авторитет власти она говорила в дневниковых заметках, когда еще была двадцатилетней¹¹. Всю жизнь она опиралась на анархистскую традицию, которая подвергает сомнению любой авторитет, навязываемый деньгами или политикой, и была концептуально ориентирована на свободу индивидуума, на право человека на атеизм и собственный выбор, на независимость и личную автономию. Она верила, что развитие творчества и индивидуальности — важнейшая часть человеческого существа¹².

В 1910 г. Катарина Богданович становится первой женщиной, получившей диплом по философии и литературе на Философском факультете Белградского университета. Это уже само по себе являлось подвигом. Стоит подчеркнуть, что получение женщинами в Сербии специального (за исключением, пожалуй, педагогического), а тем более высшего образования в то время было большой редкостью — преимущественно традиционная и патриархальная по своей природе сербская среда отводила женщине, прежде всего, другие роли (жены, матери и хозяйки дома) и не предполагала широких возможностей для ее профессионального и карьерного роста¹³. Исключительность ситуации К. Богданович

¹¹ Вујошевић Л. Катарина Богдановић: поетика... С. 98–99.

¹² Там же. С. 103. Подробнее о взглядах К. Богданович также см., например: Вујошевић Л. Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке (други део)...

¹³ Появлялись, впрочем, редкие исключения. В частности, Катарина Миловук (1844–1913) — педагог, автор учебников, переводчица, благотворительница и общественный деятель. Она окончила в России Николаевскую гимназию, затем в университете Одессы получила педагогический диплом. В 1863–1893 гг. — директор Высшей женской школы в Белграде, в 1904–1907 гг. возглавляла подобную школу в Салониках. Инициировала создание Женского общества в Белграде в 1875 г. и т. д. Подробнее о ней и ее деятельности см.: Станков Љ. Катарина Миловук (1844–1913) и женскиј покрет у Србији. Београд, 2011.

состояла еще и в том, что она старалась самостоятельно оплачивать обучение как в Белграде, так и позже в Париже, что было чрезвычайно сложно¹⁴.

В годы учебы большое влияние на нее оказали корифеи Белградского университета Бранислав Петрониевич¹⁵ и Йован Серлич¹⁶. Профессор Скерлич поддерживал ее, а в 1910 г. опубликовал ее дипломную работу в журнале *Српски књижевни гласник*, являвшемся одним из самых влиятельных изданий. После завершения обучения в ответ на его предложение она отправилась в Смедерево, где два года преподавала в частной школе для девочек. В знак искреннего уважения к своему учителю она написала о нем три работы¹⁷.

О Богданович сохранилось любопытное воспоминание ее подруги и коллеги, одной из первых студенток Белградского университета Паулины Лебл-Албала, позволяющее полнее представить ее жизнь в то время: «Странной девушкой была Катарина Богданович. Как будто вокруг нее лучилось безвоздушное пространство, и никто не осмелился подойти к ней. После лекции она бежала с головой вниз в библиотеку, не глядя ни на кого, прижимая обеими руками свои книги и тетради к груди. Когда библиотека закрывалась, в то время как мы, остальные, расходились с беззаботным гомоном и направлялись только на прогулку, на Калемегдан или куда-нибудь еще, Катарина, с опущенной головой, всегда одна, мчалась по Васиной улице (ул. Васы Чарапича. — Ю. Л.) прямо домой. Как она живет, что делает, кого любит, что ду-

¹⁴ Катарина Богдановић // Мостови... С. 10.

¹⁵ Петрониевич Бранислав (Петронијевић Бранислав) (1875–1954) — сербский и югославский философ и математик.

¹⁶ Скерлич Йован (Скерлић Јован) (1877–1914) — сербский писатель, литературовед, критик, журналист, общественный и политический деятель. В 1905–1914 гг. был членом редакции журнала *Српски књижевни гласник*.

¹⁷ *Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...

мает — этого никто под Богом не знал. Только когда Скерлич начал публиковать ее работы в *Гласнике (Српски књижевни гласник. — Ю. Л.)*, мы увидели, что она пишет очень красиво и с большой живостью духа. <...>¹⁸.

Беспокойный дух и стремление к продолжению образования привели ее в 1912 г. во Францию — сначала в Гренобль, где она училась четыре месяца, а затем в Париж — в аспирантуру Сорбонны. Благодаря незаурядной силе воли и настойчивости она претерпевает материальные и физические лишения, возникающие на пути. В ее «Парижском дневнике» 17 января 1913 г. было записано: «Я жертвую своим здоровьем ради опыта и знаний. В Тузле, Батайнице и Смедерево я страдала от холода и голода, чтобы сэкономить немного больше и поехать за границу. Здесь, в Париже, я лишаю себя существенных вещей, чтобы все видеть и все слышать»¹⁹.

Примечательно то, что во время пребывания во Франции в 1913 г., охваченная силой революционных идей, она вступила в студенческую организацию «Ассоциации коммунистов и анархистов» или «Анархо-коммунистическую федерацию» (*La Fédération communiste anarchiste*) и нацелилась на левую интеллектуальную и антивоенную социальную активность²⁰.

Однако нахождение К. Богданович в Париже не было длительным. В 1913 г. она вернулась в Белград в ответ на приглашение Министерства просвещения преподавать в Высшей женской школе (впоследствии Второй женской гимназии) и в течение следующих пятнадцати лет преподавала

¹⁸ *Lebl Albala P.* Tako je nekad bilo. Beograd, 2005. S. 169–170 (цит. по: *Simić Z.* Katarina Bogdanović i Mileva Milojević kao urednice i saradnice jugoslovenskog feminističkog časopisa *Ženski pokret* (1920–1938) // *Женски покрет (1920–1938): сборник радова / ур. Ј. Милинковић, Ж. Свирчев.* Београд, 2021. С. 71).

¹⁹ *Богдановић К.* Изабрани живот... С. 44. (цит. по: *Tomić S.* Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 144).

²⁰ *Вујошевић Л.* Катарина Богдановић: поетика... С. 99. Сведения о ее деятельности в рамках анархистской организации не найдены. После возвращения из Франции К. Богданович включилась в деятельность феминистских ассоциаций (Там же. С. 100).

там философию и сербскую литературу. Помимо этого, она продолжила писать: ее статьи об образовании выходили в разных изданиях²¹.

Когда же в 1922 г. был основан Народный университет, К. Богданович стала одной из первых женщин, которые читали в нем лекции. А ее преподавательский опыт воплотился в написании в 1923 г. вместе с П. Лебл-Албала учебника для средней школы: «Теория литературы и анализ письменных работ: для средних и профессиональных школ»²², который выдержал еще четыре издания и использовался до начала Второй мировой войны²³.

Учитывая стремление Катарины Богданович к познанию и просвещению других, ее активную жизненную позицию, а также левые и феминистские взгляды (поддерживала право женщин на социальное, политическое и правовое равенство), не вызывает удивления тот факт, что в апреле 1919 г. вместе с Делфой Иванич (1881–1972), Зоркой Каснар, П. Лебл-Албала, Милевой Милоевич (1885–1971), Ружей Стоянович (1891–1920), Милицей Дедиер и другими она участвует в основании первой в Белграде феминистской организации — Общества просвещения женщины и защиты ее прав (Друштво за просveћивање жене и заштиту њених права — *сербск.*) (далее — Общество), впоследствии называвшейся Женское движение (Женски покрет — *сербск.*)²⁴.

²¹ Подробнее см.: Там же. С. 101. Также о ее взглядах на образование и публикациях: *Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке (други део)...

²² *Богдановић К., Лебл Албала П.* Теорија књижевности и анализа писмених састава: за средње и стручне школе. Београд, 1923.

²³ *Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...

²⁴ Подробнее об этом обществе см., например: *Božinović N.* Žensko pitanje u Srbiji... S. 109–114 и далее; *Krivokapić-Jović G.* «Društvo za prosvetavanje žene i zaštitu njenih prava» — radikali i žensko pravo glasa posle Prvog svetskog rata // *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović.* Београд, 1998. S. 299–308 и др.

В числе его главных задач были борьба за политические и гражданские права женщин, улучшение их социального положения и просвещение, борьба против алкоголизма и проституции. Общество также продвигало идею распространения пацифизма во внутренней и внешней политике. Озвучивалась потребность учреждения журнала, который стал бы проводником его идей²⁵. В 1919 г. подобное объединение было создано в Сараево (10 сентября состоялось его первое собрание), впоследствии отделения Общества появились и в других городах. В 1923 г. совместно с сараевским Женским движением (*Женски покрет — сербск.*), Объединением югославских женщин (*Udruženje jugoslovenskih žena — сербск.*), действовавшим в Загребе, и Словенским единым женским обществом (*Splošno slovensko žensko društvo — словенск.*) из Любляны оно участвовало в основании Альянса феминистских обществ в государстве СХС (*Алијанса феминистичких друштвава у држави СХС — сербск.*), преобразованного в 1926 г. в Альянс женских движений (*Алијанса женских покрета — сербск.*)²⁶.

В межвоенной Югославии женское феминистское движение и деятельность, направленная на расширение прав и улучшение социального положения женщин, развивались не только в рамках данного или подобных ему обществ²⁷.

²⁵ Некоторые основные пункты, входившие в программу Общества, были обозначены в статье З. Каснар, опубликованной в первом номере его журнала: *Каснар З. Програм нашег рада // Женски покрет. 1920. № 1. С. 5–6* (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1920-04-B001).

²⁶ Подробнее о создании и деятельности Альянса феминистских обществ в государстве СХС см.: *Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji... S. 112–114, 116–120, 122–127.*

²⁷ Подробнее см., например: *Božinović N. Ženski pokret u Jugoslavije 1918–1941. // Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji... S. 100–129; Стефановић С. «Апел за право гласа» // Часопис Жена данас (1936–1940): просвећивање за револуцију. Зборник радова / ур. С. Бараћ. Београд, 2022. С. 151–173 и др.*

В первые годы существования нового югославянского государства, когда встал вопрос о принятии его конституции, Общество особенно активно боролось за право голоса для женщин.

Напомним, что политических прав женщины Королевства Сербия не имели. В пределах Австро-Венгрии до Первой мировой войны некоторые женщины в словенских землях пользовались правом голоса на выборах в общины, в 1910 г. в Боснии и Герцеговине некоторые из них получили право голоса на местных выборах. В Королевстве СХС, согласно принятым в 1919–1920 гг. предписаниям о местных и городских выборах, женщины в Сербии были полностью исключены из избирательного процесса (январь 1920 г.); в Хорватии и Славонии право голоса на общинных и городских выборах получили женщины-коммерсанты и владельцы малых предприятий, а также те, которые работали в общественных и частных учреждениях и получили среднее образование, то же касалось и словенских земель. Однако 2 сентября 1920 г. был принят Избирательный закон о выборах в Конституционное собрание (Уставотворна скупштина — *сербск.*), в котором политические права для женщин не предусматривались²⁸.

Белградское Общество, наряду с агитацией в своем журнале (о котором еще будет сказано), выразило протест, когда сербским женщинам не позволили участвовать в выборах в общины, устраивая конференции о женском праве голоса накануне принятия Избирательного закона. А во время заседаний Конституционного собрания, 8 мая 1921 г. организовало большой митинг, в котором участвовали представительницы Любляны, Загреба, Сараева, Баня-Луки, Дубровника, Скопье, Ниша и Пожареваца, а также поддер-

²⁸ Столић А. Ратни доприноси жена и послератна борба за право гласа у Србији (Краљевини СХС) 1918–1921. // Крај Великог рата: пут ка новој Европи / ур. А. Раствојић, М. Милкић. Београд, 2020. С. 290, 295–296.

живавшие их мужчины. В пользу женского права голоса были также проведены подобные мероприятия в Любляне, Загребе и Сараево. Итогом стали резолюции с требованием предоставления избирательного права женщинам и уравнивания их в других правах с мужчинами, адресованные Конституционному собранию. В целом депутаты не воспринимали эти требования всерьез (исходившие от Женского движения и от Народного женского союза сербов, хорватов и словенцев²⁹), хотя были и те, кто придерживался иного мнения. Единственным послаблением в новой Конституции стал пункт о том, что вопрос о женском праве голоса будет решен законодательно³⁰. Однако за время существования Королевства СХС/Югославия такой закон принят не был³¹.

Как уже отмечалось, Катарина Богданович активно участвовала в этих процессах. В частности, она стояла у истоков

²⁹ Народный женский союз сербов, хорватов и словенцев (Народни женски savez Срба, Хрвата и Словенаца — *сербск.*) — объединенный союз женщин в Королевстве СХС, создан в 1919 г. Подробнее о нем см., например: *Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji...* S. 104–109 и далее; *Столић А.* Рат и питање наслеђа Српског народног женског савеза на оснивачком конгресу Народног женског савеза СХС 1919. године // *Историјски часопис.* 2020. Књ. LXIX. С. 505–512; *Grubački I.* Međuratni liberalni feminizam: Narodni ženski savez i odnos humanitarnog i socialnog pitanja u dvadesetim godinama 20. veka // *Женски покрет (1920–1938): зборник радова / ур. Ј. Милинковић, Ж. Свирчев.* Београд, 2021. С. 17–36 и др.

³⁰ «Закон ће решити о женском праву гласа» говорило се, наряду с прочим, в статье 70 Конституции Королевства СХС (Видовданской конституции).

³¹ *Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji...* S. 110–111. Также см.: *Krivokapić-Jović G.* «Društvo za prosvetivanje žene i zaštitu njenih prava»... S. 303–306. Подробнее по вопросу о праве голоса для женщин (и их деятельности в связи с этим) в межвоенной Югославии см., например: *Дракић Г.* Нису га ни тражили! О питању женског права гласа у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца // *Зборник радова Правног факултета у Новом Саду.* Нови Сад, 2019. № 1. С. 81–112; *Стефановић С.* «Апел за право гласа»... С. 153–171.

журнала Общества и являлась одним из создателей образовательных «Социальных курсов для женщин».

С апреля 1920 г. по декабрь 1938 г. Общество издавало *Женски покрет* — первый журнал феминистской направленности, нацеленный на улучшение правового и общественного положения женщин³². Первоначально его полное название звучало так — *Женски покрет: орган Друштва за просveћивање жене и заштиту њених права*, материалы в нем печатались на сербскохорватском (кириллице и латинице), а с 1922 г. также на словенском языке, название журнала давалось кириллицей. С № 1–2 1922 г. до № 7 1924 г. название на обложке указывалось на кириллице, латинице и словенском языке: *Женски покрет / Ženski pokret / Žensko gibanje*. С № 7 1924 г. по № 9–10 1926 г. название давалось на сербскохорватском (кириллице и латинице). В 1927 г. в связи с изменением статуса у журнала появился новый подзаголовок — *Женски покрет: орган Алијансе женских покрета у Краљевини С. Х. С.*; с № 17–20 1929 г. по 1938 г. — *Женски покрет: орган Алијансе женских покрета у Краљевини Југославији* (название давалось на кириллице или латинице).

Катарина Богданович стала одним из его первых главных редакторов и автором статей³³. Главным редактором

³² Подробнее об этом издании см., например: *Malešević M.* «Ženski pokret» — feminističko glasilo između dva svetska rata // *Malešević M.* Žensko: etnografski aspekti društvenog položaja žene u Srbiji. Beograd, 2007. S. 9–39; *Бараћ С.* Часопис Женски покрет (1920–1938): ограничења и прекорачења радикалног грађанског феминизма // *Бараћ С.* Жанр женског портрета у српској периодици 20-их и 30-их година 20. века. Докторска дисертација. Београд, 2024. С. 129–164; *Пољак Ј., Иванова О.* Женски покрет (1920–1938): библиографија. Београд, 2019; *Милинковић Ј., Свирчев Ж.* Женски покрет (1920–1938): политика текста и контекста // *Пољак Ј., Иванова О.* Женски покрет (1920–1938)... С. 7–37; *Женски покрет (1920–1938): сборник радова / ур. Ј. Милинковић, Ж. Свирчев.* Београд, 2021 и др.

³³ Деятельности К. Богданович в качестве редактора и автора журнала *Женски покрет* посвящены работы сербского ученого

первого номера выступила З. Каснар. К. Богданович являлась главным редактором издания с № 2 по № 9 за 1920 г. (всего в 1920 г. вышло 9 номеров), с № 1 по № 5 за 1921 г. (в 1921 г. было 12 номеров), а также № 4 и № 5 в 1923 г. (9 номеров вышло в 1923 г.). Затем главными редакторами последовательно были М. Милоевич, Вера Йованович, Алоизия Штеби (1883–1956) и Даринка Стоянович. Состав литературного комитета, редактировавшего журнал, претерпевал изменения; принадлежало издание М. Дедиер.

Не будет лишним подчеркнуть, что выступить в традиционной среде в роли женщины-автора и женщины-редактора (тем более феминистского журнала) было выдающимся шагом, требовавшим достаточного уровня образования, писательского таланта и определенной смелости. У Катарини Богданович были эти качества, впрочем, как и некоторый опыт публикаций в периодической печати. В своих статьях в журнале *Женски покрет* она стремилась просвещать женщин, побуждала их добиваться равенства в семье и обществе. Скажем о них подробнее.

В первом номере журнала, вместе с другими программными текстами, опубликована статья К. Богданович «Значение и необходимость газеты»³⁴, где отражены ее взгляды на издание и на роль самих женщин на пути к достижению равноправия с мужчинами. Она, в частности, отмечала, что «наша женщина не только явно обойдена в общественной жизни как гражданин, но и изрядно обделена вниманием общества как личность»; это касается женщин всех слоев. «Мы <...> должны искать примеры среди выдающихся мужчин и

Зораны Симич. См., например: *Simić Z. Katarina Bogdanović i Mileva Milojević kao urednice i saradnice...* С. 69–84; *Simić Z. Women Editors in Interwar Yugoslavia Between the Struggle to Write and the Struggle for Rights: Katarina Bogdanović and Paulina Lebl Albala // Radovi – Zavod za hrvatsku povijest. Zagreb, 2023. Knj. 55. Br. 1. S. 245–264.*

³⁴ *Богдановић К. Значај и потреба листа // Женски покрет. 1920. № 1. С. 6–8.*

стараться, чтобы наша равноправная женщина и трудолюбивая, и добросовестная, и профессиональной подготовкой всегда соответствовала своему положению. Этим определена первая и главная задача нашей газеты: «...» формирование такой женщины, которая развивает все свои способности «...» и всегда исполняет свой долг»³⁵.

Богданович придавала огромное значение просвещению и образованию женщин. Она писала, что в общественной жизни мы можем ожидать «перемены к лучшему» только тогда, когда «разовьем сознание о долге у женщины так, что она его своим примером и речью сумеет передать младшим поколениям», поскольку как мать в семье и как воспитатель и учитель в школе она чаще соприкасается с детьми и проникает в душу глубже, чем мужчина. «Развитием таких способностей наша газета принесет больше пользы, нежели начнет бесконечные дебаты о том, находимся ли мы сейчас на верном пути или в заблуждении, когда требуем больше гражданских прав и более широкое поле для деятельности, чем до сих пор». В вопросах обучения женщины могут взять инициативу в свои руки, считала она, — «поэтому сейчас и учреждается эта чисто женская газета, в которой, кроме уже упомянутых задач», с особым вниманием будет отслеживаться то, что предпринимают женщины у нас и в других странах. Эти регулярные сведения о проявлении женской инициативы станут «одним из самых мощных средств для побуждения к практической работе»³⁶.

Другая задача, которая, по ее мнению, стояла перед изданием, заключалась в создании нового общественного мнения о женщине. В довершение же необходимо у женщин, осознающих свои обязанности и готовых к делу, которому они будут служить, «развить ощущение солидарности борцов за равные права». «...» мы должны», — продолжала она, — «документировать свою деятельность в общественной сфере

³⁵ Там же. С. 6.

³⁶ Там же. С. 7.

и без стеснения применять все допустимые средства, чтобы ускорить уравнивание женщины с мужчиной как в семейной жизни, так и в общественной работе»³⁷. В конце говорилось, что «мы никоим образом не ожидаем радикального изменения менталитета нашей обычной женщины и ликвидации всех предрассудков и ошибочных представлений о ней сразу через месяц и два дня», но верим в то, что регулярно выходящая газета будет этому способствовать³⁸.

В статье К. Богданович, опубликованной в третьем номере за 1920 г., были изложены ее идеи относительно самого актуального на тот момент вопроса о политических правах женщин³⁹. Она начинает с констатации, что «ни один пункт феминистической программы не вызывает столько негодования у общественности, сколько вопрос о женском праве голоса». И далее говорит о трех существующих в обществе точках зрения на него. «Без политической практики и теоретически недостаточно осведомленные мы (т. е. женщины. — Ю. Л.), как говорят многие, своим участием в политике не только разрушили бы семью, но погубили бы и государство». Отсюда — требование противостоять борьбе за женские политические права, при этом отложить, насколько возможно, законное решение о гражданском равенстве женщин⁴⁰. Согласно прогрессивной точке зрения, женщины должны немедленно получить право голоса, но оно должно быть ограниченным. Третья группа, самая малочисленная, но по идеям самая передовая, выступала за неограниченное право голоса для женщин. Эта полемическая статья предназначалась для первых двух групп, к которым, по мнению

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 8.

³⁹ *Богдановић К.* Женска политичка права // Женски покрет. 1920. № 3. С. 11–13 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1920-06-B003).

⁴⁰ Там же. С. 11.

Богданович, относилось большинство женщин⁴¹. Приводя аргументы в пользу неограниченных политических прав, полного гражданского равноправия женщин, она, в числе прочего, отметила: «Цель нашей женской организации и задача нашего [издания] *Женски покрет*, чтобы все женщины у нас научились работать и думать своей головой»⁴².

Целый номер (№ 7) в 1920 г. был посвящен трагически погибшей активистке, одной из основательниц Общества, члену литературного комитета и автору журнала *Женски покрет* (№ 1 за 2020 г.) Руже Стоянович. Статья К. Богданович в нем под названием «Мораль, о которой говорят, и мораль, по которой живут» содержит, в частности, размышления о существующей общественной морали и положении женщины в сербском обществе⁴³.

Нужно сказать, что большое внимание Общество уделяло образованию женщин посредством организации различных курсов, лекций по общественным вопросам и т. п. Эта деятельность освещалась в издании *Женски покрет*. Так, в августовском номере (№ 5–6) за 1920 г. рассказывалось о просветительской и благотворительной работе общества в Сараево⁴⁴. Активистки в Белграде не отставали: в октябрьском номере (№ 7) за 1920 г. было объявлено, что каждый четверг в здании Второй женской гимназии будут читаться публичные лекции по социологии, политике, экономике и морали — «Социальные курсы для женщин» (Социјални течајеви за жене — *сербск.*), а программа курсов целиком

⁴¹ Там же. С. 11–12.

⁴² Там же. С. 13.

⁴³ *Богдановић К.* Морал о коме се говори и морал по коме се живи // *Женски покрет*. 1920. № 7. С. 10–14 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1920-10-B007).

⁴⁴ *Чубриловић Ј.* Извештај о раду «Друштва за просвећивање жене и заштиту њених права» у Сараеву // *Женски покрет*. 1920. № 4–5. С. 30–32 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1920-08-B004-05).

будет опубликована в ноябрьском номере⁴⁵. И действительно «Социальный курс для женщин» начался в Белграде 4 ноября 1920 г.⁴⁶.

Вместе с Федором Никичем, профессором права и общественным деятелем, и Зоркой Каснар Катарина Богданович стала одним из главных преподавателей белградского курса⁴⁷. Она же написала о нем и обзорную статью, которую опубликовали в декабрьском номере (№ 9) журнала⁴⁸. В статье говорилось о целях, программе и результатах данного курса. В числе преследуемых целей были, в частности, просвещение женщин относительно форм государственного устройства, его учреждений и структуры общества; формирование у них интереса к социальным наукам, которые создают фундамент и дают направление общественной и политической жизни; развитие у них чувства социальной ответственности и солидарности⁴⁹. Курс, однако, просуществовал недолго. В конце 1921 г. он был закрыт из-за полицейского запрета на использование помещения Второй женской гимназии⁵⁰.

Такой же цикл лекций, как в Белграде, начался в Нови-Саде в декабре 1920 г. Его инициировала организация Круг прогрессивных женщин (Коло напредних жена — *сербск.*). Из столицы приезжали Ф. Никич и К. Богданович, которые являлись организаторами лекций. Эти лекции хорошо посещались, а публика была почти исключительно

⁴⁵ Женски покрет. 1920. № 7. С. 16.

⁴⁶ Белешке // Женски покрет. 1920. № 8. С. 2 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1920-11-B008).

⁴⁷ *Krivokapić-Jović G.* «Društvo za prosvetivanje žene i zaštitu njenih prava»... S. 301.

⁴⁸ *Богдановић К.* Социјални течај за жене // Женски покрет. 1920. № 9. С. 15–16 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1920-12-B009).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Krivokapić-Jović G.* «Društvo za prosvetivanje žene i zaštitu njenih prava»... S. 307.

женской в отличие от Белграда. Подобные курсы для женщин проводились и отделениями Общества в других городах. Так, во время рождественских праздников в начале 1921 г. К. Богданович посетила подкомитеты Общества в Сараево и Баня-Луке, при этом там тоже были основаны своего рода социальные курсы⁵¹.

Первый номер журнала *Женски покрет* за 1921 г. открывала программная статья редактора К. Богданович под названием «В начале второго года»⁵². Она писала, что новый номер значительно отличается от своих предшественников: теперь он выглядит как «настоящий журнал», имеет «постоянные рубрики и обещает гонорар за каждую напечатанную статью». Заметила, что опыт прошлого года показал, что на пожертвования издание не может нормально существовать. На добровольных началах продолжали работать только редактор и литературный комитет. В числе трудностей, с которыми столкнулся журнал, она обозначила также недостаточные усилия части членов Общества и подчеркнула, что Общество и журнал будут рады новым активисткам⁵³.

Богданович отмечала, что и впредь главными темами останутся история женского движения и его современное состояние в различных странах мира. В программе также было знакомство читательниц с общественными и политическими сторонами действительности, пробуждение их интереса к общественной жизни. Планировалась публикация отчетов о женских организациях и их успехах, а также о положении и достижениях женщин-служащих. В журнал, помимо оригинальных статей, предполагалось принимать адаптации и переводы, как и сообщения о женщинах и состоянии женского вопроса в различных частях страны, которые ожидалось

⁵¹ Ibid. S. 301, 302.

⁵² *Богдановић К.* На почетку друге године // *Женски покрет*. 1921. № 1. С. 1–5 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1921-01-B001).

⁵³ Там же. С. 1–2.

от новых сотрудников из разных уголков, что позволило бы дать наиболее полное представление о том, чем живут женщины всего государства⁵⁴. Осветила она затем и работу журнала с момента его выхода в апреле 1920 г., отмечая сложности и реальные успехи и выражая общую веру в то, что «более интенсивная работа в газете и больший интерес общественности, несомненно, поспособствуют тому, что в конце второго года будут достигнуты лучшие результаты и отмечен новый и большой успех»⁵⁵.

Как было сказано выше, выступая за политическое равноправие женщин, Общество 8 мая 1921 г. организовало в Белграде большое собрание в пользу женского права голоса⁵⁶. На нем, наряду с другими выступавшими, Катарина Богданович произнесла речь о праве голоса для женщин-служащих. Более того, вслед за собранием *Женски покрет* подготовил и опубликовал брошюру «О праве голоса для женщин» («О праву гласа за жене» — *сербск.*), которая содержала тексты всех прозвучавших тогда выступлений (напечатаны они были на латинице и кириллице)⁵⁷.

В середине 1921 г. К. Богданович оставляет место главного редактора в издании *Женски покрет* (июньский номер редактировала уже М. Милоевич), она вернется к этой деятельности лишь на короткое время в 1923 г. (№ 4, 5), но пока остается его автором. В четырех его номерах за 1921 г. была опубликована ее лекция «Конституция, парламент и партии», прочитанная в январе 1921 г. на белградском социальном курсе⁵⁸. Кроме того, в номере 7–8 за 1921 г. в разделе

⁵⁴ Там же. С. 3–4.

⁵⁵ Там же. С. 4–5.

⁵⁶ См.: Велика скупштина за женско право гласа // *Женски покрет*. 1921. № 4. С. 124–127 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NБ:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1921-04-B004).

⁵⁷ Об этом сообщалось в июньском номере журнала, см.: *Женски покрет*. 1921. № 6.

⁵⁸ *Богдановић К. Устав, парламент и партије* // *Женски покрет*. 1921. № 4. С. 110–115; *Богдановић К. Устав, парламент и партије*

«Заметки» даны два ее информационных текста: о деятельности организации «Девојачко коло» (*сербск.*) в Баваниште и о молодежном движении в Чехословацкой республике⁵⁹. Наконец, в 1922 г. вышла ее статья «Наши самые большие потребности», где она обращается к проблеме народного здоровья и, в частности, отмечает, что крайне мало делается для насущно необходимого просвещения населения относительно сохранения здоровья и лечения разных болезней⁶⁰.

К. Богданович была задействована и в других акциях, связанных с женским движением. Так, с 1 по 14 августа 1921 г. она принимала участие в летней школе в Зальцбурге, организованной Женской международной лигой за мир и свободу; подготовленный ею обширный отчет о мероприятии вышел следом в журнале *Женски покрет*⁶¹, что, как и другие подобные материалы, печатавшиеся на его страницах, способствовало ознакомлению читательниц с работой интернациональных женских организаций.

Была она и делегатом на Девятом конгрессе Международного женского избирательного альянса, проведенном в Риме в мае 1923 г. (где обсуждалось женское избирательное право и другие темы); ее подробный отчет о мероприятии был опубликован в журнале *Српски књижевни гласник*.

(наставак) // Женски покрет. № 5. С. 150–154; *Богдановић К.* Устав, парламент и партије (свршетак) // Женски покрет. № 7–8. С. 224–229.

⁵⁹ *Богдановић К.* Рад «Девојачког Кола» у Баваништу // Женски покрет. 1921. № 7–8. С. 258–259; *Богдановић К.* Омладински покрет у Чехо-Словачкој Републици // Женски покрет. 1921. № 7–8. С. 259–261 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1921-07-B007-08).

⁶⁰ *Богдановић К.* Наше најпрече потребе // Женски покрет. 1922. № 9–10. С. 251а–256а (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1922-09-B009-10).

⁶¹ *Богдановић К.* Интернационална летња школа у Салцбургу // Женски покрет. 1921. № 9–10. С. 286–296 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1921-09-B009-10).

Кроме того, она участвовала в конференции Лиги наций в Лондоне в 1921 г., а в течение 1920–1930-х годов — в нескольких международных конгрессах в Афинах, Брюсселе, Кракове и других городах⁶².

Как указывает сербский ученый Зорана Симич, после 1923/1924 г. К. Богданович дистанцировалась от феминистских кругов в Белграде, полная решимости посвятить себя, прежде всего, педагогике и преподавательской деятельности⁶³. В ее «Белградском дневнике» (который она вела с марта по ноябрь 1924 г., когда еще была близка к женскому движению) есть следующая запись: «Я с нетерпением жду встречи с Прагой и всей работой Конгресса⁶⁴, но я сомневаюсь, что смогу что-то сказать <...>. Я получила (проглотила) такую большую дозу феминизма на Международном женском конгрессе в Риме, что все еще сыта и думаю, что буду еще долгое время. Если бы я сейчас снова заговорила о феминизме, мне бы показалось, что я слушаю свои собственные слова из граммофона. Поэтому я дистанцировалась от женского движения, я устала постоянно требовать того, что нельзя получить»⁶⁵. Последнее, очевидно, подразумевало безуспешные попытки добиться избирательного права для женщин в начале 1920-х годов. С другой стороны, отдаление от организованного феминистского движения может объясняться и разносторонностью ее интересов и занятий.

Она продолжила преподавать (во Второй женской гимназии и Народном университете⁶⁶), писать и публиковать

⁶² *Vujoseviћ L.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...

⁶³ *Simić Z.* Women Editors in Interwar Yugoslavia... P. 254.

⁶⁴ Возможно, речь о «Международном конгрессе по социальной политике» в Праге в 1924 г.

⁶⁵ *Богдановић К.* Изабрани живот... С. 62–63 (цит. по: *Simić Z.* Women Editors in Interwar Yugoslavia... P. 258–259).

⁶⁶ Любопытный факт: в разделе «Заметки» в журнале *Женски покрет* (№ 4, 1928) сообщалось о том, что профессор Катарина Богданович продолжит в Народном университете лекцию «О новых

работы на разные темы⁶⁷, участвовать в общественной жизни и деятельности женщин, посещать разные страны⁶⁸. Всей своей жизнью она воплощала идеи феминизма и показывала пример другим женщинам.

В 1928 г. К. Богданович была назначена директором Высшей женской школы в Нише, став одной из первых двух женщин-директоров в Королевстве СХС. Как признание за работу в качестве директора и большой вклад, который она внесла в развитие культуры этого города, она была удостоена Ордена Святого Саввы V степени. В 1932 г. Богданович была переведена на место директора Женской гимназии в Крагуеваце и занимала его до 1940 г., когда была принудительно отправлена на пенсию (по причине ее левых настроений, которые несовместимы с воспитанием женской молодежи)⁶⁹.

ориентациях в жизни», которая рекомендовалась читательницам. Подробнее см.: О новим оријентацијама у животу // Женски покрет. 1928. № 4. С. 4 (https://digitalna.nb.rs/view/URN:NB:RS:SD_7220578B8A0C6650CF7E01E1359E86A7-1928-02-B004).

⁶⁷ Период с 1921 г. до начала Второй мировой войны — самый интенсивный и продуктивный в ее творчестве: она публикует рецензии на книги (переводные и сербских авторов), пишет о современниках, писателях и общественных деятелях, а также на литературные, социологические, экономические и политические темы, ее интересуют феминистические и социальные вопросы, психоанализ. Подробнее см.: *Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...

⁶⁸ В 1936 г. она едет в Берлин на Олимпиаду и посещает и другие немецкие города, в 1937 г. — в Париж на Всемирную выставку, в 1939 г. — в Америку, в Нью-Йорк и Вашингтон, где она провела месяц (июль – август). В ходе всех поездок она старалась посетить, кроме музеев и библиотек, школы и факультеты, чтобы познакомиться и с другими системами образования; также и в Нью-Йорке она посетила несколько школ, факультетов и Колумбийский университет, где слушала лекции (*Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...). Подробнее о некоторых ее впечатлениях о Нью-Йорке см., например: *Богдановић К.* Говорити о Њујорку // *Кораџи*. 2018. Год. LII. Св. 1–3. 2018. С. 55–64.

⁶⁹ *Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...

В 1927 г. в Белграде было создано Объединение женщин с высшим образованием (Удружење универзитетски образованих жена — *сербск.*)⁷⁰ — К. Богданович была избрана в его правление, когда же в 1932 г. открылось его отделение в Крагуеваце — она стала его председателем. Участвовала она и в работе других обществ Крагуеваца. В 1945 г. стала первым председателем крагуевацкого комитета Антифашистского фронта женщин Югославии (Антифашистички фронт жена Југославије — *сербск.*), участвовала в его деятельности до закрытия организации в 1953 г. Была инициатором создания и первым редактором крагуевацкого журнала о культуре *Наша стварност*, где публиковала эссе по философии и литературе (1950 г., 1951 г.). В 1955 г. она получила Диплом почетного жителя Крагуеваца, а в 1958 г. была награждена Орденом Труда второго класса. До конца жизни она была активна⁷¹. В знак благодарности за большой вклад в общественное и культурное развитие Крагуеваца одна из улиц города названа ее именем; носит ее имя и улица в Белграде. В Трпине в 1990 г. на доме ее семьи установлена мемориальная доска⁷².

Отметим в заключение, вполне соглашаясь с выводами сербского ученого Светланы Томич, что Катарина Богданович была человеком с ярко выраженной индивидуальностью, целеустремленным, трудолюбивым, посвятившим

⁷⁰ Образовано с целью защиты профессиональных интересов женщин, развития общего просвещения женщин, изменения их положения в гражданском праве и обществе в целом. Его секции были в Загребе, Любляне, Нови-Саде, Скопье, Сараево, а подкомитеты белградской секции были в Ужице, Крагуеваце и Шабаце. Подробнее см.: *Obradović M. Udruženje univerzitetski obrazovanih žena u Jugoslaviji 1927–1941. godine // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2, Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd, 1998. S. 252–262.*

⁷¹ К. Богданович умерла 2 марта 1969 г. в Крагуеваце, где и была похоронена.

⁷² *Вујошевић Л.* Катарина Богданович — пут авангардне интелектуалке...

себя изучению окружающего мира и обучению других. Рано отказавшись от традиционной семейной модели, основанной на патриархальных правилах и обязанностях, она выбрала жизнь на собственных условиях как единственно верный образ жизни⁷³.

Признавая ценность свободы человека и его право на выбор, движимая стремлением добиваться равенства и равноправия женщин, К. Богданович немало сделала для развития женского, феминистского движения в межвоенной Югославии, в частности: участвовала в основании и деятельности Общества просвещения женщины и защиты ее прав (Женского движения), являлась главным редактором журнала *Женски покрет* и публиковала в нем материалы, просвещала женщин в рамках социальных курсов, участвовала в международных конгрессах, равно как и вдохновляла примером собственной жизни. Однако в то время, принимая во внимание характерный для межвоенной Югославии уклад общества и его традиции, добиться равноправия и равенства для женщин было практически невозможно.

⁷³ Tomić S. Self-Narration of Serbian Female Teachers... P. 158–159.

Т. И. Чепелевская

Зофка Кведер (1878–1926): страницы жизни и творчества

T. I. Chepelevskaya

Zofka Kveder (1878–1926): pages of life and creativity

Аннотация: Статья посвящена Зофке Кведер (1878–1926), первой словенской профессиональной писательнице, стоявшей у истоков женской прозы в отечественной литературе, а также одной из участниц европейского феминистского движения. В работе представлены основные этапы жизни и деятельности, а также творчества этой самобытной и открытой для новаторства личности; выделены некоторые значимые направления изучения её творческого наследия на современном этапе с учетом ее работы в разных национальных культурах Европы. Особое внимание уделено её связям и контактам с Иваном Цанкаром (1876–1918). В Приложении представлен перевод на русский язык её «Жизнеописания» (1913 г.), выполненный автором статьи.

Ключевые слова: Зофка Кведер, Иван Цанкар, словенская литература рубежа XIX–XX вв., женская проза, европейское феминистское движение.

Annotation: The article is dedicated to Zofka Kveder (1878–1926), the first Slovenian professional writer, who stood at the origins of women’s prose in the literature of Slovenia, and also one of the figures of the European feminist movement. The paper presents the main stages of the life and work, as well as the work of this distinctive and innovative personality; highlights some significant areas of study of her creative heritage at the present stage, taking into account her

work in different national cultures of Europe. Special attention is paid to her connections and contacts with Ivan. Cankar (1876–1918). The Appendix contains a translation into Russian of her “Biography” (1913), written by the author of the article.

Keywords: Zofka Kveder, Ivan Cankar, The Slovenian literature of the turn of the 19th–20th centuries, women’s prose, the European feminist movement.

Зофка Кведер (в замужестве Еловшек, затем Деметрович) была писательницей, переводчицей и публицистом. Она родилась в Любляне в 1878 г. в бедной семье помощника железнодорожного проводника и получила обычное для юных словенок образование (сельская школа, затем учеба в школе для девочек при монастыре). Очень рано З. Кведер столкнулась с насилием в семье в отношении детей. В 17 лет она ушла из дома, начав работать: сначала в конторе землемера в Кочевье, затем в качестве переписчика и секретаря в адвокатской конторе в Любляне, позже редактором в газете *Slovenka*¹. Здесь она также пишет заметки о положении женщин, затрагивая, в том числе, вопросы о неравной оплате труда и невозможности для женщин высшего образования. В январе 1899 г. З. Кведер получает приглашение на работу в центральной редакции газеты *Slovenka* в Триесте. В период с осени 1899 г. по 1900 г. она предпринимает попытки получить высшее образование в университетах Швейцарии (Берн, Цюрих) и Германии (Мюнхен), которые из-за отсутствия материальной поддержки оказались безуспешными.

Затем всё время З. Кведер жила и работала в разных частях Австро-Венгрии. С 1900 г. — в Праге, где познакоми-

¹ *Slovenka* — первая женская газета, выходившая в 1897–1902 гг., в издании которой принимали участие ведущие представительницы европейского феминистского движения; сотрудниц газеты, по оценкам современников, отличали высокая профессиональная подготовка и стремление поднимать актуальные вопросы современной жизни.

лась со своим будущим мужем, поэтом и врачом Владимиром Еловшеком (1879–1934). Здесь печатаются её первые художественные произведения. В 1906 г. супруги переезжают в Загреб, где продолжается активная литературная и общественная деятельность Зофки, а вместе с тем происходят кардинальные изменения в её личной жизни. После распада первого брака она вновь выходит замуж — за хорватского политика Юрая Деметровича (1885–1945)².

3. Кведер и феминистское движение

Свою ангажированность проблемами положения и прав женщин в современном обществе З. Кведер проявляла в разной форме, чему в немалой степени способствовало её знакомство с известными феминистками Европы в период учёбы в Бернском университете. Она выступала на различных объединительных форумах и собраниях, отстаивая равные с мужчинами права для женщин, а также необходимость пропаганды семейных ценностей. Впоследствии это сделало её одним из лидеров феминистского движения в словенских землях, а позже и в Хорватии. В 1915 г. З. Кведер избирают делегатом от Хорватии для участия в Международном женском конгрессе в Гааге, однако беременность не позволила ей принять в нём участие³.

Журналистская и переводческая деятельность

3. Кведер

² У неё было три дочери: первая, Владоша, родилась в 1901 г. вне брака, умерла в 1919 г.; уже в Хорватии родились Мария (1906 г.) и Мира (1911 г.).

³ В 1926 г. после известия о смерти З. Кведер представительницы многих женских организаций Европы приехали, чтобы отдать ей последнюю дань уважения. — См.: URL: <https://www.livelib.ru/author/1166443-zofka-kveder> (дата обращения: 10.02.2025).

Её общественная позиция проявлялась также благодаря активному участию в редколлегиях ряда изданий того времени, в которых молодая словенка выступала и как журналист-публицист, и как автор художественных произведений, и как переводчица⁴. Помимо газеты *Slovenka*, в 1904–1915 гг. она была главным редактором и ведущим автором семейного ежемесячного литературного журнала *Domači prijatelj* («Друг семьи») на словенском языке; позже работала в загребской газете *Agramer Tagblatt*, в том числе и как редактор субботнего женского приложения к ней *Frauenzeitung*. В период с 1917 г. по 1920 г. была редактором журнала *Ženski svijet* (с 1918 г. — *Jugoslovenska žena*), посвященного разным направлениям деятельности феминистского движения в славянских странах⁵, в 1921 г. З. Кведер редактировала *Almanah jugoslovenskih žena*⁶.

Следует отметить, что З. Кведер никогда не порывала связей с родиной, следила за культурными и литературными новостями в словенских землях, поддерживала контакты с литераторами разных поколений. Это особенно проявилось в период её работы в журнале *Domači prijatelj*, издававшемся на средства чешского предпринимателя Франтишека Выдры. З. Кведер активно привлекала к сотрудничеству в новом

⁴ По признанию современников З. Кведер и исследователей её творчества, она была необычайно талантливой личностью, самоучкой, которая говорила и писала на нескольких языках.

⁵ Об истории женского вопроса в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1918–1929 гг., а также об этапах развития женского движения (в том числе и феминистского), через обращение к истории различных женских организаций и объединений, действовавших в югославянском государстве в первое межвоенное десятилетие см.: *Лобачева Ю. В.* Женский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // *Историки-слависты МГУ: книга 17: Югославян волшебные портреты. К юбилею доцента Людмилы Васильевны Кузьмичевой. Научный сборник (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 262, серия II: Исторические исследования, 181).* М., 2024. С. 312–323.

⁶ См. сноску 3.

словенском издании как уже известных писателей (И. Цанкара, А. Ашкерца, К. Мешко), так и молодых литераторов (И. Лаха, Прежихова Воранца, Ф. Бевка, Ст. Майцена и др.). Как главный редактор журнала она вела обширную переписку, чтобы привлечь к изданию новых авторов. В специальной, ставшей весьма популярной и востребованной рубрике «Редакционный бумажник» (*Listnica uredništva*), З. Кведер помещала собственные короткие заметки и рекомендации для начинающих авторов⁷.

Помимо редакторской и журналистской работы в разных изданиях она много писала на иностранных языках: немецком, чешском, хорватском. Важными были её усилия по созданию художественных переводов, особенно современных авторов. Словенские произведения она переводила на немецкий и хорватский языки, чешские драмы — на словенский язык. Вот как она представляет свою работу на этом поприще в небольшой автобиографической заметке, написанной на хорватском языке и напечатанной в её книге малой прозы «Одиннадцать новелл» (*Jedanaest novela. Zagreb, 1913*):

«<...> Я перевела по крайней мере полдюжины драм и комедий с чешского и хорватского языков для словенского театра, а также со словенского на немецкий язык — один роман Цанкара⁸ и один роман Керсника⁹ для пражской *Politik*, точно так же *Pavla Šegotu* Новака¹⁰, а еще, наверное, сотню словенских, хорватских, сербских, болгарских и чешских

⁷ См. подробнее: *Tucovič V.* «Domači prijatelj» Zofke Kveder // *Jezik in slovstvo*. 2007. L. 52. Št. 5.

⁸ Речь идет о романе И. Цанкара «На крутой дороге» (*Na klanču*, 1902 г.), перевод которого (нем. *Am Steilweg*) был осуществлён в 1903 г.

⁹ Керсник Янко (*Kersnik Janko*, 1852–1897) — словенский писатель, автор целого ряда произведений малой прозы, а также романов, поднимавших актуальные проблемы современной жизни словенцев.

¹⁰ Имеется в виду роман «Павел Шегота» (1888 г.) хорватского прозаика, драматурга и музыкального критика Венцеслава Новака (1859–1905).

новелл. В загребской типографии (*Pučkoj tiskari*) только что вышел первый выпуск издания *Najbolje slovenske novele* («Лучшие словенские новеллы»), произведения для которого я сама отобрала и перевела вместе с покойным Миланом Врбаничем¹¹ <...>¹².

Художественное творчество З. Кведер

Её первые рассказы начали печататься с 1898 г. в словенских изданиях: газете *Slovenka*, журналах *Ljubljanski zvon*, *Dom in svet*, а позже и в других изданиях¹³. Многие из них, поднимающие тему угнетённого положения женщин и их психологического страдания от насилия в семье, определили главную направленность её последующего творчества. Несмотря на то, что феминистское движение (особенно в Триесте, где З. Кведер некоторое время работала) становилось на рубеже XIX–XX вв. значимым явлением общественной жизни, консервативные круги и особенно католическая пресса восприняли литературные тексты молодой писательницы в штыки. Её дебютный сборник рассказов и новелл «Тайна женщины» (*Misterij žene*, 1900 г.) вызвал шквал отрица-

¹¹ Врбанич Милан (Vrbanić Milan, 1884–1913) — хорватский поэт.

¹² См.: Živiljenjepis, ki ga je o sebi napisala Zofka Kveder v hrvaščini v knjigi *Jedanaest novela*, Zagreb, 1913. S. 129–130 // Zofka Kvedrová (1878–1926): recepcje její tvorby ve 21. století / sestavily J. Honzak Jahič, A. Jensterle Doležalová. Praha, 2008. S. 246.

¹³ Так, историк словенской литературы А. Слодняк, оценивая первые рассказы З. Кведер, напечатанные в журнале *Ljubljanski zvon* (*Rezika, Ironija*), отмечает их стиливую и содержательную неоднородность, обозначаемую им как соединение черт журналистского репортажа, натурализма («говекарьянства», т. е. подражания автору первого натуралистического романа на словенском языке «В крови» Ф. Говекара) и модерны. — См.: *Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva*. IV. Nova struja (1895–1900) in nadaljnje oblike realizma in naturalizma / Ur. L. Legiša. Ljubljana, 1963. S. 137.

тельных отзывов в словенской печати¹⁴. Автора обвиняли в излишнем внимании к табуированным сторонам семейной жизни и даже в разрушении моральных устоев общества.

Затем были новые публикации: сборники краткой прозы — «Отблески» (*Odsevi*, 1902 г.), «Из наших краёв» (*Iz naših krajev*, 1903 г.), «Искры» (*Iskre*, 1905 г.). В 1914 г. появляется первый роман «Её жизнь» (*Njeno življenje*). Основанное во многом на автобиографическом материале, это произведение обнаруживает и черты влияния романа Ги де Мопассана «Жизнь» (*Une vie*, 1883 г.). Вместе с тем, роман демонстрирует, по мысли словенского исследователя Кати Михурко Пониж, отход от однобокого изображения женщины-жертвы, уделяя внимание всем сторонам женской натуры¹⁵. Погружением в психологию женщины-бунтарки и женщины-матери отмечен и последний роман З. Кведер «Ханка» (*Hanka*, 1917 г.), написанный на хорватском языке и относимый литературоведами к хорватской литературе. Это любовный роман в письмах, где каждое письмо, вбирающее личные переживания автора, а также впечатления от увиденного во время её поездки в 1915 г. с сербским политиком Димитрием Туцовичем по Сербии и Македонии, становятся ярким выражением её отношения к войне и порождаемому ею массовому хаосу¹⁶.

Свои ранние драматические произведения писательница объединила в сборнике «Любовь» (*Ljubezem*, 1901 г.), самой крупной из которых стала пьеса в 4-х актах «Право на жизнь» (*Pravica do življenja*) с идеей защиты права женщины на собственный выбор спутника жизни. Позднее появляются изданная Матицей словенской социальная драма «Американ-

¹⁴ В то же время через год три рассказа из этого сборника в переводе на немецкий язык напечатал венский журнал *Dokumente der Frauen*.

¹⁵ См. подробнее об этом: *Mihurko Poniž K. Drzno drugačna: Zofka Kvedrova in podobe ženskosti*. Ljubljana: Delta, 2003.

¹⁶ См. подробнее: *Detoni-Dujmić D. Zofka Kveder u hrvatskoj književnosti // Zofka Kvedrová (1878–1926)... S. 52–53.*

ць» (*Amerikanci*, 1908 г.), вскрывающая причины массовой эмиграции словенцев в США, начиная со второй половины XIX в., а также написанные на хорватском языке в 1922 г. драмы «Внук королевича Марко» (*Unuk kraljevića Marka*) и «Ардити¹⁷ на острове Крку» (*Arditi na otoku Krku*), которые, по мысли хорватского ученого Дуни Детони-Дуймич, отражают ангажированность автора идеями югославизма¹⁸.

Изучение творческого наследия З. Кведер

Первые исследования о творчестве З. Кведер относятся к предвоенному периоду. Они осуществлялись в рамках подготовки к изданию её «Избранных произведений», вышедших в 1938–1940 гг.¹⁹ Составителями издания стали Марья Боршник и Элеонора Кернц, художником-оформителем выступила Гизела Шукле.

Во второй половине XX в. З. Кведер относили ко второму поколению словенских натуралистов (наряду с Этбином Кристаном и Алойзом Крайгером) и определяли как автора первого феминистского романа на словенском языке. В начале XXI в. в целом ряде работ отмечается, что творческое наследие З. Кведер, сама её личность и судьба, многие годы не привлекавшие заметного внимания ученых, и сегодня удивляют, а вместе с тем остаются открытыми многие вопросы, ответы на которые могут дать новые научные поиски и исследования²⁰. И это подтверждается достаточно активным вниманием к жизни и творчеству З. Кведер с начала 2000-х

¹⁷ Ардити — (*итал.* «arditi») — «отважные храбрецы») — штурмовые подразделения в итальянской армии, появившиеся в период Первой мировой войны и состоявшие из особо храбрых бойцов.

¹⁸ Об см.: *Detoni-Dujmić D. Zofka Kveder u hrvatskoj književnosti...* S. 53–54.

¹⁹ *Izbrano delo Zofke Kvedrove*. I–VI, VIII / Ur. M. Boršnik. Ljubljana, 1938–1940.

²⁰ Об этом см., например: *Jensterle-Doležal A. Uvod // Zofka Kvedrová (1878–1926)...* S. 11–13.

годов, как на родине писательницы, так и в тех странах, где она жила и плодотворно трудилась. Вслед за М. Боршник к этой проблематике в своих трудах обращались словенские ученые: Силвия Боровник, Аленка Енстерле-Долежал, Катя Михурко Пониж, Марьян Дович, Звонко Ковач, Матей Пездирц-Бартол, Андрея Желе и др.

Так, в 2002 г. на 21-м международном симпозиуме в Любляне из цикла «Периоды» (*Obdobja*) сразу несколько докладов были посвящены анализу творческого наследия писательницы²¹. Выступления вызвали живую дискуссию, которая продолжилась на страницах печати. В 2003 г. появилось первое монографическое исследование о З. Кведер К. Михурко Пониж²².

В 2007 г. в Праге состоялся международный colloquium «Зофка Кведер (1878–1926): рецепция в XXI в.»²³, в котором приняли участие ученые разных стран и направлений исследования (историки, литературоведы, лингвисты, культурологи), а в 2008 г. был издан сборник материалов этого международного форума. Авторы вошедших в него статей представили новые материалы и документы (письма, воспоминания, подборки малоизвестных критических статей о произведениях З. Кведер начала XX в. и др.), продемонстрировав новые подходы к изучению творчества писательницы, а также углубленный взгляд на вклад З. Кведер в развитие европейского феминистского движения, словенской женской

²¹ См.: *Obdobja 21 – metode in zvrsti. Slovenski roman*. Ljubljana, 2002. Раздел «Женский вопрос и Зофка Кведер» (*Zensko vprašanje in Zofka Kveder*): *Borovnik S.* Sodobne slovenske romanopiske. Sodobni slovenski roman? (S. 99–108); *Jensterle Doležal A.* Mitologizacija ženske v Cankarjevi prozi (s. 109–118); *Kovač Z.* Romani Zofke Kveder (s. 119–129); *Mihurko Poniž K.* Ali je *Njeno življenje* Zofke Kveder feministični roman? (S. 129–138); *Pezdirc Bartol M.* Odnos med materjo in hčerjo v sodobnem slovenskem romanu (s. 139–149).

²² *Mihurko Poniž K.* Drzno drugačna: Zofka Kvedrova in podobe ženskosti...

²³ См. сноску 12.

прозы и в развитие словенской, чешской и хорватской национальных культур²⁴.

Так, пражский период жизни писательницы рассмотрен в статье «Зофка Кведер у нас», автор которой, ученый из Брно Иван Доровски²⁵, встраивает рассказ о начале её журналистской и литературной деятельности в общую канву развития чешско-словенских культурных связей, особо выделив как наиболее продуктивный период с 1878 г. до 1918 г. В центре внимания чешского исследователя оказываются её контакты с чешскими, хорватскими и словенскими студентами и молодыми литераторами, объединившимися вокруг разных изданий того времени, выходивших в Праге, Загребе и других городах. Многие из приведенных фактов дополняют и углубляют уже известные данные биографии писательницы. Особое внимание автор уделяет рассмотрению круга основных проблем и тематических блоков, получивших развитие в произведениях З. Кведер, созданных в этот период. В конце работы ученый поднимает тему о «двудомности» словенской писательницы, одновременном присутствии её в двух культурах и отмечает, что в мультинациональном и мультикультурном пространстве Праги она развивается как журналист, редактор и литератор: в это время появляются её первые книги. Здесь происходят и важные события в её личной жизни (замужество, рождение дочек).

²⁴ Сборник разделён на четыре тематических блока (I. З. Кведер в разных культурах; II. Проза и драматургия З. Кведер; III. Редакционная работа, публицистика и художественное творчество З. Кведер; IV. Язык и национальный вопрос у З. Кведер), что свидетельствует о широком диапазоне поднятых авторами проблем. В Приложении представлены малоизвестные страницы жизни писательницы, воспоминания ее внуки, а также переводы её произведений, выполненные студентами-словенистами филологического факультета Карлова университета в Праге.

²⁵ *Dorovský I. Zofka Kvedrová u nás // Zofka Kvedrová (1878–1926)...* S. 17–34.

Значимость самой личности З. Кведер и её роль в истории словенской литературы рассматриваются в статье исследовательницы из Марибора С. Боровник «Мятежный характер женских образов в прозе Зофки Кведер»²⁶. По мысли автора, писательница, в том числе и под влиянием идей женских движений Нового времени, смогла воплотить свои глубокие наблюдения и критические размышления о жизни женщин в Словении, а также и в более широком, европейском пространстве того времени в мятежных образах женщин. Женщин, восстающих против традиций, подчиненного, и в физическом, и в психологическом планах, положения, а порой также страдания из-за нереализуемых интеллектуальных желаний. И это позволяет С. Боровник сделать заключение о том, что З. Кведер стоит у истоков женской прозы на словенском языке.

В статье исследовательницы из Загреба Д. Детони-Дуймич²⁷ вклад З. Кведер в хорватскую литературу рассматривается в контексте развития общих для рубежа веков художественно-эстетических устремлений и общественно-политических катаклизмов, а также всего творчества писательницы, начиная с первых литературных произведений, а затем периода, когда ощутимым становится переход к творчеству на хорватском языке (сборник *Iskre*), и вплоть до последних произведений, относимых литературоведами к хорватской литературе (роман 1917 г. *Hanka*, пьесы 1922 г. *Unuk Kraljevića Marka* и *Arditi na otoku Krku* и книга 1926 г. *Po putevima života*).

В работе также представлены первые критические отклики в словенской и хорватской прессе на дебютный сборник З. Кведер, которые хорватский ученый дополняет цитатами из критических статей М. Радошевича и А. Милчиновича

²⁶ Borovnik S. Uporništvost ženskih likov v prozi Zofke Kveder // Zofka Kvedrová (1878–1926)... S. 35–46.

²⁷ Detoni-Dujmić D. Zofka Kveder u hrvatskoj književnosti // Zofka Kvedrová (1878–1926)... S. 47–55.

1914 г. о первых сборниках социальной прозы З. Кведер. В них уделялось внимание не только содержанию, но и художественным особенностям и стилю ранней прозы писательницы. Завершает статью Д. Детони-Дуймич анализ произведений последнего, хорватского периода жизни З. Кведер.

В работах российских литературоведов до недавнего времени отдельные упоминания о З. Кведер и её творческом наследии содержались, в первую очередь, в отдельных главах по истории словенской литературы соответствующего периода. М. И. Рыжова (1927–2017), автор главы о словенской литературе рубежа XIX–XX вв., с опорой на мнение словенских коллег, относит З. Кведер ко второму поколению натуралистов, вместе с рядом других писателей того времени (Э. Кристан, Л. Крайгер, Ф. Мильчинский, М. Пугель и В. Левстик)²⁸. Наряду с этим ученый характеризует роль З. Кведер в создании нового для словенской литературы рубежа веков типа рассказа, в котором во многом под влиянием прозы И. Цанкара, «значительно углубляется психологизм, часто возникает интенсивная субъективная окраска, появляется лирический (импрессионистический) пейзаж»²⁹. Следует также упомянуть и оценку драматургии З. Кведер: как наиболее значимую автор главы выделяет драму 1908 г. «Американцы» «с четко выраженным социальным и патриотическим звучанием», в которой поднимается тема массовой эмиграции словенских крестьян в поисках заработка³⁰.

Сравнительно-типологический подход к изучению автобиографической прозы З. Кведер, И. Цанкара, Альмы Карлин и некоторых других югославских писательниц представлен в статьях 2019 г. российской исследовательницы из

²⁸ Рыжова М. Реализм, натурализм, модерн // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков). Часть III. Литература на рубеже XIX–XX вв. / Отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2010. С. 195.

²⁹ Там же. С. 219.

³⁰ Там же. С. 225.

Санкт-Петербурга А. Г. Бодровой³¹. В фокусе её внимания во второй статье оказывается проблема художественного воплощения архетипа матери в женских образах З. Кведер и И. Цанкара³².

Дальнейшему исследованию творческого наследия З. Кведер, несомненно, послужит и международное культурное событие 2025 г., приуроченное к связанной с ней памятной дате. В рамках Миссии Ассоциации культурного туризма — Маршрута женщины-писательницы (*The Women Writers Route (WWR)*), Культурного маршрута Совета Европы, в ознаменование дня рождения словенской писательницы-первопроходца Зофки Кведер 22 апреля 2025 г. в Любляне состоялось посвященное её жизни и творческому наследию торжественное мероприятие, соорганизатором которого выступил Форум славянских культур (ФСК). Одним из главных событий на нём стал показ документального фильма «Гены моих детей», снятый хорватским фотографом и режиссёром Владимирой Шпинглер, одной из праправнучек З. Кведер. После показа состоялась беседа с режиссёром фильма и двумя его главными героинями: её матерью, отмеченной несколькими наградами детской писательницей Саней Пилич, и её бабушкой, известным педагогом по танцам Тиханой Шкриньярич. Обмен мнениями о фильме и дискуссию, в ходе которой поднимались самые разные вопросы и темы, связанные с вкладом писательницы в отечественную и не только культуру, вела д-р К. Михурко Пониж, президент Научного совета ВВР и ведущий словенский исследователь творчества З. Кведер³³.

³¹ *Bodrova A. Prostorske strukture v avtobiografskih delih jugoslovan-skih pisateljic 20. in 30. let 20. stoletja // Studia Slavica Hung. 2019. № 64/2. S. 269–278; Бодрова А. Г. Архетип матери в словенской литературе (на материале произведений Ивана Цанкара и Зофки Кведер // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Филологические науки. С. 4–11.*

³² *Бодрова А. Г. Архетип матери в словенской литературе...*

³³ См.: URL: http://www.womenwriters.nl/index.php/Zofka_Kveder; <https://www.fsk.si/projects/women-writers-coute/> (дата обращения:

3. Кведер и И. Цанкар

Особого внимания заслуживает тема взаимоотношений и контактов между двумя ведущими представителями словенской литературы рубежа XIX–XX вв., о чём свидетельствует обращение к этой теме словенских исследователей разных поколений.

М. Дович в своей монографии «Словенский писатель: развитие роли литературного производителя в словенской литературной системе» (2007 г.)³⁴ дает типологическую классификацию словенских авторов от Просвещения до современности. Отдельные типы (модели — по М. Довичу) ученый характеризует на фоне разных этапов развития всей словенской литературной системы в ее стремлении к независимости и автономии. А этому процессу способствуют не только талант и плодовитость отдельных литераторов, но целый комплекс внелитературных явлений: утверждение книжного рынка, издательское дело, расширение читательской аудитории и её дифференциация. И. Цанкара и З. Кведер ученый определяет как писателей-художников, активно включившихся в борьбу за утверждение новых концепций искусства, и подчеркивает ещё одно объединяющее их качество: они были первыми профессиональными словенскими писателями, что не могло не отразиться и на их личных отношениях³⁵. Выходцы из одного социального слоя, представители одного поколения, рано и осознанно вступившие на писательскую стезю. Их переписка, к сожалению, полностью не сохранившаяся (всего 20 писем — от Цанкара и 11 — от Кведер), охватывает период с 1900 г. по 1914 г. Личных контактов было немного. Однако и взаимные послания, и высказывания в статьях и

19.09.2025).

³⁴ *Dovič M. Slovenski pisatelj: razvoj vloge proizvajalca v slovenskem literarnem sistemu. Ljubljana, 2007.*

³⁵ См.: *Ibid.* S. 140–141; 143–172.

заметках позволяют сделать вывод, что «они уважали друг друга и ценили как писателей»³⁶.

Зофка Кведер первой написала И. Цанкару в марте 1900 г. с целью получить разрешение переводить его рассказы на немецкий язык. Позже она обратилась и к его крупным произведениям: в 1903 г. осуществила перевод на немецкий язык его романа 1902 г. «На крутой дороге»³⁷. Также она переводила и способствовала постановке его пьес на чешской сцене³⁸.

И. Цанкар был едва ли не единственным словенским критиком, который положительно отозвался о её дебютном сборнике «Тайна женщины». В статье «Литературное письмо», напечатанной в газете *Slovenka*³⁹ в разгар кампании против автора книги, он впервые поставил вопрос о женской прозе. Защищая З. Кведер от резких и унижительных обвинений со стороны консервативной и особенно католической прессы в разрушении устоев общества и общественной морали, он защищал право автора на свободное творчество.

И. Цанкар положительно оценивал и её последующие книги, но вместе с тем высказывал замечания в отношении грамматики словенского языка (например, разбирая текст сборника новелл «Из наших краев», 1902 г.). Он даже посоветовал писательнице использовать псевдоним, чтобы эти ошибки не повредили её имени⁴⁰.

Сама Зофка Кведер внимательно следила за его творчеством, часто не скупясь на восторженные отзывы о новаторских темах, поднимаемых И. Цанкаром и его удивительном

³⁶ *Munda J. Opombe // Cankar I. Zbrano delo. Knj. 28. Pisma III. Ljubljana, 1972. S. 352.*

³⁷ См. сноску 8.

³⁸ См. об этом, например: *Jan Z. Zofka Kveder in Cankarjev Kralj na Betajnovi // Zofka Kvedrová (1878–1926)... S. 107–126.*

³⁹ *Cankar I. Literarno pismo // Cankar I. Zbrano delo. Knj. 24. Ljubljana, 1971. S. 87–88.*

⁴⁰ См. письмо И. Цанкара от 19.12.1900 г. // *Cankar I. Zbrano delo. Knj. 28. Pisma III. S. 138–140.*

таланте художественного воссоздания разных характеров и социальных типов.

Она активно привлекала его к участию в разных издательских проектах, например, в издании журнала *Domači prijatelj*, где уже в первый год были напечатаны четыре рассказа И. Цанкара (*Poet, Materina slika, Moj kabinet, Moj prijatelj*)⁴¹.

Живя и работая в Праге, а позже в Загребе З. Кведер постоянно искала пути и возможности для продвижения словенской литературы в более широкий читательский круг. Помимо переводов произведений крупных писателей (Я. Керника, И. Цанкара), она выступала за привлечение молодых авторов к участию в совместных проектах. Так, в 1912 г. З. Кведер издает в переводах на хорватский язык сборник *Izbor proze od F. Levstika do Cankarja*⁴².

* * *

В статье мы постарались наметить некоторые темы и проблемы изучения творческого наследия Зофки Кведер, первой словенской писательницы-интеллектуалки, которая вступила в литературу в период, когда писательство было исключительно мужским занятием. Она проявила себя самобытной и открытой для новаторства личностью, стала активным проводником идей женской эмансипации, первой словенской профессиональной писательницей, во многом определившей развитие женской прозы в отечественной литературе. Волею судьбы и в силу семейных обстоятельств З. Кведер рано покинула родину, но никогда не разрывала

⁴¹ Позже И. Цанкар отказался присылать для публикации свои произведения, сославшись на исключительно рекламный, как он считал, характер этого издания.

⁴² В своем «Жизнеописании» 1913 г. З. Кведер даёт другое название: *Najbolje slovenske novele* («Лучшие словенские новеллы»). Второе издание этого сборника под названием *Izbrane slovenske novele* вышло в 1920 г.

связей со Словенией и родной литературой: писала на словенском языке, вела активную редакторскую работу в новых женских изданиях, помогала печататься и продвигать свои произведения на европейский рынок не только будущему классику словенской литературы И. Цанкару, но и молодым авторам-женщинам.

Вместе с тем, тема «двудомности» словенской писательницы, её одновременного присутствия в разных национальных культурах может дать исследователю интересный материал для сопоставления с подобными примерами в современных национальных европейских культурах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**«Жизнеописание», которое о себе написала Зофка Кведер
в книге «Одиннадцать новел» (Загреб, 1913 г.)⁴³**

Я родилась в 1878 г. в Любляне и выросла в той прекрасной и особенной части Крайны, где гуляют ветры Краса в бескрайнем пространстве черных гор на границе Крайны и хорватского Горного котара, там у Презида и Чабра. Из-за семейных обстоятельств я рано стала самостоятельной и эмансипированной, сначала на практике, ещё до того, как впервые услышала это слово. В 17 лет начала работать в конторе землемера в Кочевье, наивно гордясь, что благодаря мне повысили оплату в налоговой службе, а также пенсии чиновникам. Позже переехала в Люблян, где по совету некоторых знакомых начала заниматься литературным трудом. Помимо этого, в течение полугода в Триесте работала в редакции газет *Edinost* и *Slovenka*. Стремясь получить высшее образование, отправилась в Швейцарию, где провела в Цюрихе и Берне несколько месяцев. Здесь, по правде сказать, горизонты моей души расширились. Но нехватка материальных средств сделала невозможным дальнейшее пребывание здесь. Затем я переехала в Мюнхен, а позже в Прагу. Узнала горе и голод, но моё здоровье и мой непобедимый оптимизм помогали пережить все тяготы жизни. Мне довелось испытать, как далеко не каждой женщине, горечь клеветы и несправедливых оскорблений своей чести, но, к счастью, судьба подарила мне широкие и крепкие плечи и гордое сердце. Во многих битвах своей души, во многих её несчастьях я поняла, что главным источником жизненной силы является самоуважение и что никогда не следует стро-

⁴³ Življenjepis, ki ga je o sebi napisala Zofka Kveder v hrvaščini v knjigi *Jedanaest novela*, Zagreb: D.H.K., 1913. S. 129–130. Цит. по: Zofka Kvedrová (1878–1926)... S. 245–246.

ить своё счастье в зависимости от того, что думают о тебе другие люди.

Я — литератор душой и телом, возможно, больше в своей собственной жизни, в своих мыслях и фантазиях, которые человек разворачивает для самого себя, чем в том, что я пишу. В остальном я считаю, что всё мной до сих пор написанное — лишь некая переработка подлинного развёрнутого произведения, которое обязательно появится, лишь только мои чувства и мысли покинут меня, лишь только они обретут состояния объективной интерпретации искусства.

Я написала достаточно много. На свои средства издала три книги: *Crtice, Misterij žene* и сборник драматических произведений *Ljubezen*; затем *Iskre*, сборник словенско-хорватских новелл. Швентнер⁴⁴ в Любляне издал *Iz naših krajev*, а Грабршчек в Горице — *Odseve*. В Матице словенской вышла моя драма *Amerikanci*, которая ещё не появилась на театральной сцене. А между тем, мои одноактные пьесы уже ставились в Праге, Любляне и Белграде и один диалог — в Загребе. Отто в Праге издал *Vesnické povídky*, Гросман и Свобода — короткие рассказы о моих дочках *Vlada a Marja*, а чешские социалисты издали две мои маленькие книжечки переводов (*Povídky*): *Nada* и *Ze života záhřebské služky*⁴⁵. Я перевела по крайней мере полдюжины драм и комедий с чешского и хорватского языков для словенского театра, а также со словенского на немецкий язык — один роман Цанкара⁴⁶ и один роман Керсника⁴⁷ для пражской *Politik*, точно так же *Pavla Šegotu* Новака⁴⁸, а ещё, наверное, сотню словенских, хорватских, сербских, болгарских и чешских новелл. В загребской типографии (*Pučkoj tiskari*) только что вышел

⁴⁴ Здесь и далее даны фамилии издателей из разных городов Австро-Венгрии.

⁴⁵ В тексте Э. Кведер ошибочно дано название *Záhřebská služka*.

⁴⁶ См. сноску 8.

⁴⁷ См. сноску 9.

⁴⁸ Имеется в виду роман «Павел Шегота» (см. сноску 9).

первый номер издания *Najbolje slovenske novele* («Лучшие словенские новеллы»), произведения для которого я сама отобрала и перевела вместе с покойным Миланом Врбаничем⁴⁹. Точно так же долго, как и на литературном поприще, я работаю в журналистике. *Slovenka* в своё время опубликовала большое количество моих феминистских статей. Уже много лет я работаю в редакции *Agramer Tagblatt*, а три последних года веду субботнее приложение *Frauenzeitung*. Как раз сейчас исполняется десять лет, как я стала редактором словенской газеты *Domači prijatelj* («Друг семьи»), которая издаётся на средства фабриканта Выдры в Праге и которая схожа с некогда существовавшей газетой *Selo*.

В хорватскую литературу меня ввела ещё *Nova nada*⁵⁰. Как югославянка я ощущаю свою принадлежность как к хорватам, так и к словенцам, и с одинаковым чувством пишу «Мы словенцы», как и «Мы хорваты».

(Перевод с хорватского языка автора статьи)

⁴⁹ См. сноску 11.

⁵⁰ *Nova nada* («Новая надежда», 1896–1899) — журнал, выходивший в Загребе, редактором которого был Владимир Еловшек (1879–1934), поэт-декадент и студент медицинского факультета, будущий муж З. Кведер. — См.: *Dorovský I. Zofka Kvedrová u nás // Zofka Kvedrová (1878–1926)...* S. 20.

Н. С. Пилько

**Женские словенские периодические
издания в межвоенный период
(1920–1930-е годы)**

N. S. Pilko

**Women's Slovenian periodicals in the
interwar period (1920–1930s)**

Аннотация: Так называемые женские периодические издания как в прошлом, так и в настоящем были и остаются изданиями, имеющими гендерную специфику, что подразумевает подбор тем, которые, как принято считать, должны интересовать в большей степени женщин. Как правило, эти темы ограничиваются вопросами моды и ухода за собой, отношениями в семье и между мужчиной и женщиной, воспитанием детей, карьерой, психологией, обустройством быта. Предлагаемые читательницам темы, проблемы и стиль их подачи менялись под воздействием социального, экономического и политического развития общества. В данной статье рассматриваются основные периодические издания для женщин на словенском языке межвоенного периода.

Ключевые слова: Словения, женские периодические издания, *Slovenka*, *Jadranka*, *Žena in dom*, Алоизия Штеби.

Annotation: So-called women's periodicals, both in the past and in the present, have been and remain gender-specific publications, which implies the selection of topics that are generally considered to be of greater interest to women. As a rule, these topics are devoted to fashion and self-care, family relationships and between men and women, parenting, career, psychology, and home improvement.

The topics, problems, and presentation style offered to readers have changed under the influence of the social, economic, and political development of society. This article examines the main periodicals for women in the Slovene language of the interwar period.

Keywords: Slovenia, women's periodicals, *Slovenka*, *Jadranka*, *Zena in dom*, Aloysia Stebi.

Первое женское периодическое издание на словенском языке появилось в январе 1897 г. в Триесте, в Австро-Венгрии. Это было приложение к газете *Edinost* — *Slovenka*. Его главным редактором стала Марица Надлишек (в замужестве Бартол)¹. *Slovenka* выходила каждые две недели. То, что первое женское издание стало печататься в Триесте, не является случайностью. Триест всегда был перекрестком культур. Его неоднородный этнический состав добавлял городу оттенок обособленности. Проживающие здесь словенцы, хорваты, итальянцы, немцы, стремились сохранить свою национальную идентичность, право говорить и писать на родном языке. Первое словенское женское издание ставило перед собой цель привить и развить национальное самосознание в первую очередь у молодых словенских женщин, показать им красоту словенского языка, дать возможность почувствовать себя частью словенского народа, и не дать ему раствориться в мультинациональном обществе империи. Словенская общественность приветствовала почин, многие отмечали, что давно ждали подобного издания и выражали надежду, что оно не только станет источником любви к «национальному отечеству», но и встанет на путь защиты детей от инородного натиска. В статье «Патриотизм и наши

¹ Марица Надлишек (Бартол) (1867–1940). Родилась в Триесте в семье землемера. Получила образование учительницы. Занималась переводами с русского, сербского, немецкого. Написала роман «Мираж». В 1919 г. переехала с мужем и детьми в Любляну, где продолжила свою литературную деятельность. С 1931 по 1934 гг. работала редактором журнала *Ženski svet*. Ее сын Владимир Бартол (1903–1967) стал известным словенским писателем.

женщины» (*Rodoljubje in naše ženstvo*) автор отмечала, что возвращать и поддерживать любовь к своему народу в первую очередь должны словенские матери. «Учи своих детей родному прекрасному языку. Не забывай, что дети первыми воспринимают язык матери. На этом благозвучном языке пой и разговаривай со своим ребенком. Словенская мать, тебе вверен широкий круг задач, поле, где ты можешь сеять с уверенностью, и знать, что семя не попадет на каменистую почву»². Тема национальной идентичности, сохранения своих корней и опасности раствориться в других народах в первые годы существования журнала была лейтмотивом почти каждого номера. Так, в статье «Поможем обществу св. Кирилла и Мефодия» (*Pomagajmo družbi sv. Cirila in Metoda*) автор с негодованием указывал на факт существования немецких и итальянских национальных обществ, таких как *Schulverein* и *Lego nazionale*, которые «организуя детские сады и школы, всеми силами пытаются затащить туда словенских детей и ассимилировать их <...> Если немки и итальянки с радостью и пылом работают на благо упомянутых обществ, то с каким же превосходящим пылом будем мы, словенки, заботиться о нашем обществе, которое никому не делает зла, которое только отстаивает свое и защищает как может словенских детей от горького отступничества от своего народа»³. Риторика подобных статей порой была весьма агрессивна и патетична, и это не было случайностью. Словенцы, являясь довольно малочисленным народом, постоянно находились в состоянии страха от перспективы быть ассимилированными, особенно это касалось словенцев Приморья, так как они испытывали давление не только со стороны австро-венгерских властей, но и местного итальянского общества, которое относилось к словенцам с нескрываемым предубеждением. Итальянский и немецкий языки превалировали на этих территориях, словенский язык сохранялся только в селах, где проживало

² Slovenka. 1897. Št. 5.

³ Ibid. Št. 1.

компактное словенское население. В целом тексты приложения *Slovenka* предназначались для жительниц городов, для представительниц буржуазии, которые плохо владели своим родным языком, используя в повседневной жизни немецкий и итальянский, изучавшиеся ими с детства. Редакция журнала *Slovenka* ставила перед собой цель пробудить национальное самосознание в первую очередь в молодых женщинах, будущих матерях, которые должны были воспитывать своих детей на словенском языке, знакомить их со словенской литературой и народной культурой.

Что касается вопросов семьи, места женщины в обществе, журнал придерживался традиционных для того времени взглядов. Хотя иногда встречались статьи, в которых анализировались такие темы, как необходимость брака, чувства супругов друг к другу, место женщины на социальной лестнице и ее обязанности. В статье «Освобождение женщин и брак» (*Ženska osloboja in zakon*) автор в идилической манере призывала мужчин и женщин быть осмотрительнее в выборе спутника жизни и следовать только велению сердца. Она отмечала, что современное положение вещей далеко от идеала, большинство мужчин «вступает в брак только из-за того, что им надоело питаться в ресторанах, и они ищут себе жену-кухарку, другие же пытаются решить свои финансовые проблемы посредством брака, третьи хотят украсить свой дом и придать ему лоска <...> Женщины же выходят замуж, чтобы застраховать свое будущее»⁴. Автор приходит к выводу, что женщине нужны свобода и те же права, что и мужчине, не только для достижения своего, но для достижения общечеловеческого счастья. Но если «женщина хочет служить мужчине, то в этом нет ничего унижительного, напротив — это естественно, и пусть так и будет, при условии, что она служит ему из любви»⁵, заключает автор.

⁴ Ibid. 1898. Št. 15.

⁵ Ibidem.

Журнал стремился подчеркнуть свою приверженность традиционным в то время взглядам на место женщины в обществе. В 1899 г. стали появляться статьи, осуждающие «экзальтированную эмансипацию», когда женщины начинают вести себя эксцентрично и экстравагантно, и, по сути, они уже не женщины и не мужчины, а какой-то третий пол, который резко против брака, полагая, что в браке женщина не может самореализоваться. Автор статьи призывает женщин, в том числе эмансипированных, сохранять в себе привлекательную женскую нежность и доброту, при этом посвящая себя общественному поприщу. Автор отмечает, что женщина может реализовать себя одновременно и в браке, и в какой-то другой деятельности. «В браке или вне брака будь активной женщиной, борись за женские права, работай на благо, но при этом ты можешь быть врачом, преподавателем, экспедитором или писательницей, оставаясь женщиной по поведению, по нежности, по чувствам, в противном случае человеческое общество, перед которым у каждого из нас свои обязанности, осудит тебя и отнесет к некоему третьему полу»⁶.

С 1900 по 1902 г. *Slovenka* стала самостоятельным журналом, выходящим раз в месяц. В 1900 г. должность главного редактора занимает двадцатичетырёхлетняя уроженка Любляны Иванка Анжич Клементич⁷. Ежемесячник претерпел некоторые изменения. Он становится более прогрессивным, в нем появляются статьи о социальном и экономическом положении женщины в обществе. Помимо статей о культуре,

⁶ Ibid. 1899. Št. 2.

⁷ Иванка Анжич Клементич (Ivanka Anžič Klemenčič) (1876–1960). Родилась в Любляне, в семье владельца гостиницы. После окончания средней школы работала секретарем в адвокатской конторе. В 1899 г. стала автором в триестском журнале *Slovenka*. В 1900 г. его возглавила. В том же году вышла замуж за журналиста Франьо Клименчича. В 1908 г. работала в газете *Slovenec*. В 1919 г. вернулась к женским журналам. Писала для берлинской газеты *Die Frau*.

литературных произведений, советов по ведению хозяйства и светской хроники, количество которых к тому же было заметно сокращено, в нем стали подниматься довольно неприятные и отчасти непринятые для обсуждения в обществе темы, такие как проституция, аборт, свободная любовь, отмена запрета на замужество учительниц и т. д. Уже в первом номере была опубликована статья под провокационным заголовком «Свободная любовь и брак» (*Svobodna ljubezen in zakon*). Автор статьи задалась вопросом, а действительно ли столь аморально время, в котором они живут, как его преподносят люди старшего поколения, и стоит ли им верить. По ее мнению, тот, кто хотя бы «немного знаком с историей культуры народов, должен признать, что высказывания о морали и добродетели наших прадедов — миф, красивый сон без правдивой основы»⁸. Далее автор восхваляет истинную и бескорыстную любовь, которая должна быть основой брака. Именно ее она называет свободной. «В противном случае, когда женщина выходит замуж только для того, чтобы супруг ее кормил и одевал, но у нее нет к нему никаких чувств, в этом случае она продает свое тело, подобно тому, как это делает то несчастное существо с дороги, продающееся за деньги»⁹. Автор отмечает, что одиночество должно перестать быть пугалом, которое толкает женщин в брак, в котором все ее чувства и потребности будут проигнорированы. Подобного рода статьи находили мало сторонниц и часто вызывали негодование читателей-мужчин. Как следствие, и без того малое количество подписчиков начало сокращаться, и журнал в итоге в начале 1903 г. без объяснения причины был закрыт.

В 1913 г. в Любляне Алоизия Штеби¹⁰ начала издавать журнал *Ženski list*. Первый номер вышел в мае. Журнал

⁸ Slovenka. 1900. Št. 1.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Алоизия Штеби (Alojzija Štebi) (1883–1956). По политическим взглядам была социалисткой. Она родилась в простой семье.

издавался недолго. Из-за начавшейся мировой войны было напечатано всего лишь пять номеров. Это издание отличал особый подбор материалов и социалистическая направленность, что для своего времени было весьма смело и прогрессивно. Материалы предназначались в первую очередь для женщин-служащих и представительниц пролетариата. Задача журнала заключалась в политическом просвещении женщин, которые должны были плечом к плечу со своими мужьями бороться за свои права. В водной статье первого

Ее отец был извозчиком. Свою юность посвятила карьере учительницы, однако из-за того, что некоторое время работала в социалистической газете *Rdeči prapor* и отказывалась посещать воскресные богослужения, у нее возникали проблемы с властями. В 1912 г. она оставила государственную службу, вступила в Югославянскую социал-демократическую партию и начала работать в газете *Zarja*. Активно участвовала в социалистических митингах. Все это привело к разладу в семье, мать отказалась общаться с ней. Но и это не заставило Алоизию оставить избранный ею путь. За свою жизнь она познакомилась со многими выдающимися людьми, среди них был Иван Цанкар (1876–1918), который посвятил ей сонет «Десять лет». В 1913 г. она начала издавать ежемесячник для женщин *Ženski list*. В 1917 г. возглавила издательство Slovenska socijalna matica. В 1918 г. поступила на службу в отдел по социальной защите при Национальном правительстве в Словении. Участвовала в создании дома матери и ребенка. Она активно участвовала в деятельности Народного женского союза СХС. Была одной из первых, кто возглавил борьбу за избирательное право. В январе 1926 г. организовала Женское движение в Любляне, подобные организации она создавала по всей Югославии и в итоге объединила их в Альянс женских феминистических обществ, программу которого она же и написала. Штеби вела активную международную деятельность. В 1923 г. выступала на X международном женском конгрессе в Риме, в 1925 г. на конгрессе Международного женского союза в Вашингтоне. В 1927 г. указом короля была отправлена на пенсию, но это не остановило деятельную Алоизию. Она устроилась работать Центральное управление гигиены в Белграде, где оказывала помощь женщинам, оказавшимся в тяжелой ситуации. С 1933 по 1940 г. была секретарем в Министерстве социальной политики и народного здоровья Королевства.

номера автор отметила: «Скульптор Синдинг¹¹ создал аллегория, где женщина со связанными руками за спиной кормит ребенка. Эта аллегория лучше всего описывает положение женщины в современном мире. Связанные руки говорят об отсутствии права решать как на местном уровне, так и на государственном. А то, что она кормит ребенка — символизирует жертвенность во имя новой жизни: она его вскармливает и растит, чтобы потом его отняло общество, государство. Женщина живет для общества и государства, но ничего не получает взамен. Общество ей должно было дать возможность работать в любой профессии, государство — политические права. Мы трудимся и приносим жертвы обществу и государству, поэтому хотим иметь права, а не только обязанности. *Ženski list* вам будет объяснять, для чего нам нужно требовать политические права, и ваше понимание политических событий станет более глубоким, и вы пополните ряды сражающихся за социал-демократию, лозунг которой — единые права для женщин и мужчин»¹².

Издание было хорошо и логично структурировано, это касалось и подборки статей, и подачи материала. Лейтмотивом было знакомство женщин с социал-демократией, объяснение основных постулатов экономики, разоблачение капитализма. Особую популярность имела рубрика «Письма в редакцию», где читательницы делились своими проблемами, как правило связанными с условиями труда и карьерой. Редакция, по мере возможности, советовала, как их решить.

Первая мировая война приостановила издание всех женских журналов. Первой послевоенной газетой для женщин стала *Jadranka*, выходившая в Триесте. Ее редакто-

¹¹ Имеется в виду «Мать в неволе» (второе название — «Пленённая мать») — бронзовая скульптура норвежско-датского скульптора Стефана Абея Синдинга (1846–1922).

¹² *Ženski list*. 1913. Št. 1.

ром была Марица Грегориц Степанчич¹³. Газета выходила с 1921 по 1923 г. Ее главной темой, как и довоенного журнала *Slovenka*, была словенская национальная идентичность. С изменением границ изменилось и положение словенцев Приморья и Триеста в частности. Теперь они стали словенским национальным меньшинством Италии, которое с еще большим рвением занялось не только сохранением, но и защитой своей идентичности. Ситуация ухудшилась с приходом к власти Национальной фашистской партии. Главный редактор считала, что в условиях подъема фашизма вопрос о борьбе за политические права женщин следует несколько отодвинуть на задний план. По ее мнению, словенские женщины Юлийской крайны в первую очередь должны были бороться за укрепление национального самосознания и сохранение национальной идентичности. Хотя время от времени в издании появлялись статьи о положении женщины в обществе. Так, в одной из них главная редактор отмечала, что «женщина не должна быть игрушкой в руках мужчины, или его разумной подругой. Вместе, плечо к плечу, они должны идти по жизненному пути, вместе бороться с сорняками и шипами, вместе пить из чаши знания. Вместе ходить в храм науки. Вместе испить горькую чашу и вместе делать счастливыми друг друга, <...> речь идет не о муже и жене, а о мужчинах и женщинах в целом, о двух полах, в которых живет возвышенная душа»¹⁴.

¹³ Марица Грегориц Степанчич (Marica Gregorič Stepančič) (1874–1954) — словенская писательница, переводчик, журналист и учительница. Родилась в крестьянской семье. В семье было шестеро детей, но все они получили достойное для того времени образование. Марица выучилась на учительницу. Владела итальянским, немецким, русским, французским языками. Много путешествовала, ее заметки о поездках в Европу, северную Африку и Малую Азию печатались в различных периодических изданиях. В 1915 г. написала словенско-итальянскую грамматику для итальянцев, которая была выпущена широким тиражом в 1936 г.

¹⁴ *Skrinjar M. Naloga žene // Jadranka. 1922. Št. 6.*

Однако главной темой оставалась тема сохранения своих корней. Издание призывало женщин относиться трепетно к словенскому фольклору и в первую очередь — к народной песне, которая на самом деле «ни что иное, как национальная молитва, которая является крепким бастионом от иноземного насилия»¹⁵. В статье «Куда идем?» (Kam gredo?) девушек и женщин призывали чтить «красивые народные обычаи»¹⁶. А в статье «Наша национальная одежда»¹⁷ (Naša narodna poša) девушкам и молодым женщинам рекомендовали носить национальные костюмы на любых общественных мероприятиях, и уделять хотя бы часть своего свободного времени на их воссоздание. Также рассказывалось о словенской литературе и истории, а очерки «О славянских поселениях Европы» знакомили читательниц с традициями других славянских народов¹⁸. Много говорилось о важности сохранения и изучения словенского языка, как, например, в статье «Наш язык и мы» (Naš jezik in mi)¹⁹. Автор статьи сетует на то, что нет квалифицированных преподавателей, а те, которые есть, мало что знают. Он призывает возвести изучение словенского языка до уровня культа, поскольку только так, по его мнению, можно добиться результатов в сохранении и распространении языка.

Были статьи и по воспитанию девочек, где матерям советовали развивать ум своих детей, прививать им трудолюбие, не давать развиться лени и мечтам о богатом муже. Девочка должна расти хорошей хозяйкой и готовиться стать хорошей матерью²⁰. Газета не оставалась в стороне от политической жизни. В октябрьском номере от 1921 г. сообщалось о поджоге словенского Народного дома. Статью написала Марица

¹⁵ Jadranka. 1921. Št. 3.

¹⁶ Ibid. Št. 7.

¹⁷ Ibid. 1922. Št. 7.

¹⁸ Ibid. 1921. Št. 3.

¹⁹ Ibid. 1922. Št. 9.

²⁰ Ibid. 1921. Št. 7.

Бартол, бывшая редактор журнала *Slovenka*. Свой текст она завершила словами «придет день восстания!», что в тех условиях было весьма рискованным шагом²¹. Первые два номера 1922 г. были наполнены национальным воодушевлением и восхвалением журнала как единственного издания для женщин на словенском языке и главного рупора национальной свободы. В своей статье Мария Скриньяр²² отметила, что *Jadranka* призвана воздействовать на души словенков, взращивать молодежь, укреплять ее дух и смягчать сердца²³. «Придет время, и мы восстанем! И запоем: «Аллилуйя!» Наш крест поднят, он поднят, чтобы благословить нас после стольких страданий и долгого терпения <...>. Пусть *Jadranka* будет рупором национально угнетенных и политически брошенных <...>»²⁴.

В журнале поднимался вопрос и о женском избирательном праве, это был цикл полемических статей. Автор статьи под псевдонимом «Идриччанка» отметила, что в новом государстве (Италии. — прим. автора) женщины окончательно лишились права голоса, даже в старой Австрии у них было больше прав. Она подчеркнула, что женщина лишена права нести ответственность за свою жизнь, она не может найти полноценной, хорошо оплачиваемой работы, у нее нет никаких социальных гарантий, в большинстве случаев она плохо образована и осведомлена о том мире, в котором

²¹ Ibid. Št. 10.

²² Мария Скриньяр (Marija Skrinjar) (1857–1931) родилась в Кобариде в крестьянской семье. В 1898 г. явилась одной из учредительниц Общества св. Николая в Триесте, которое занималось социальной и нравственной защитой словенков, работавших в Триесте. В 1904 г. обратилась к издателю газеты *Slovanski svet* Францу Подгорнику, она просила его о приложении для женщин, что и было сделано. Участвовала в создании журнала *Slovenka*. Была одной из создательниц Общества Кирилла и Мефодия в 1887 г. На протяжении всей жизни занималась журналистикой.

²³ Jadranka. 1922. Št. 2.

²⁴ Ibidem.

живет. Автор другой статьи под псевдонимом «Триестинка» заметила, что словенкам в Италии бесполезно говорить об избирательном праве, поскольку это право они получают тогда, когда его получают все женщины Италии. «Поэтому сейчас нужно сосредоточиться на воспитании молодежи и самообразовании»²⁵. В статье, написанной «Горичанкой», автор соглашалась, что вопрос о женском избирательном праве весьма важен и в него нужно углубиться, чтобы не оказаться в замешательстве и неподготовленными <...>, когда появится возможность воспользоваться им»²⁶. Подытожила развернувшуюся полемику статья, написанная под псевдонимом «Лп. К.». Автор отметила, что стремление женщин к получению избирательного права естественно, она должна иметь те же права, что и мужчина, поскольку ее вклад в общественную жизнь равнозначен. Кроме того, женщины могут быть достойными борцами за национальные права. Она считала, что женщина не должна сражаться в одиночку, в этом ее должен поддерживать любой уважаемый и социально развитый человек²⁷. Скриньяр также не осталась в стороне от полемики, она поддержала точку зрения, что женщинам нужно бороться за избирательное право, по ее мнению, женщинам бояться давать право голоса, поскольку уверены, что она не позволит развязать войну, поскольку знает, насколько драгоценна каждая жизнь²⁸.

В 1923 г. характер материалов в журнале резко поменялся. Его наполнили в основном литературные и познавательные материалы, исчезли все упоминания о словенской национальной идентичности и о правах женщин. Содержание журнала стало пресным. В последнем номере редактор обратилась к подписчикам с просьбой не оставлять издание и подписываться на него, в противном случае оно перестанет

²⁵ Ibid. Št. 3.

²⁶ Ibid. Št. 4.

²⁷ Ibid. Št. 5.

²⁸ Ibid. 1923. Št. 1.

издаваться. Видимо, чуда не произошло, и журнал был вынужден объединиться с изданием *Ženski svet*, который начал издаваться в Триесте, а затем переместился в Люблян. В первом номере 1924 г. главная редактор в статье «В объединении сила» (*V jedinenju je sila*) подчеркнула, что цели журнала *Ženski svet* схожи с целями издания *Jadranka*, а именно: «просвещать и обучать наших женщин и расширять кругозор наших девушек»²⁹. По мнению редакции, журнал должен стать родным очагом для всех словенских женщин Приморья. «Мы будем говорить о том, как им стать сильными, развить ум и направить сердце к добру, чтобы они осуществляли свою великую миссию в словенском доме»³⁰. В журнале печаталось много художественных произведений, была рубрика «Знаменитые словенки», рассказывалось о жизни женщин в других странах, давались советы по воспитанию детей. Были материалы о моде, чего не было в других изданиях для женщин, и, главное новшество, он был иллюстрированным. В отличие от своих предшественников издание стало долгожителем и радовало своих читательниц с 1923 по 1941 г., сыграв важную роль в женском движении³¹. С *Ženski svet* объединилась и *Slovenka*, которая печаталась с 1922 г. в Гориции. В объединенном 11–12 номере редакция журнала *Slovenka* оповестила своих читательниц, что это последний номер. «*Slovenka* пришла к вам, дорогие читательницы, в последний раз под этим названием, но она не умирает. Она объединилась с теми, кто стремится к тем же целям, кто ходит по той же дороге. В эти тяжелые дни <...> нам светит только одна звезда, она зовет нас и приглашает к единству. <...> Вам, дорогие сестры, поздравления и хорошая новость: словенские женские журналы в Юлийской Крайне объединились; в будущем году будет издаваться

²⁹ *Ženski svet*. 1924. Št. 1.

³⁰ *Slovenka*. 1922. Št. 1.

³¹ *Jeraj M. Slovenke na prehodu v socializem*. Ljubljana, 2005. S. 35.

Ženski svet как печатный орган Женского объединения и будет совместными усилиями продолжать свой путь»³².

Таким образом *Ženski svet* объединил в себе три издания. Первым редактором стала Павла Хочевар³³. В приветственном слове читательницам редакция отметила, что из-за всех политических, экономических и мировых потрясений, из-за постоянной борьбы за национальное выживание словенские женщины значительно отстали от представительниц других стран, хотя и многое из того, в чем они преуспели, не приемлемо для словенок. Так, например, порицались «суффражистки со своими отвратительными выступлениями; вычурные соперницы в мужских сферах деятельности; защитницы “гиперсовременных” реформ жизни» — все они, по мнению автора, не могли привлечь словенских женщин и вызвать интерес к ним³⁴. Редакция ставила перед собой цель просвещения женщин, воспитания истинной словенки: «матери, жены, доброй души, которая заботится о ближних своих». Особо подчеркивалось, что женщины пока не имеют возможности заниматься политической деятельностью, по-

³² Slovenka. 1923. Št. 11–12.

³³ Павла Хочевар (Pavla Hočevar) (1889–1972). Родилась в семье сезонного рабочего в Вене. Закончила основную школу в Любляне. Получила профессию учительницы. Вела активную политическую жизнь. Некоторое время работала в словенской школе общества Кирилла и Мефодия в Триесте. Являлась одной из учредительниц Женского благотворительного общества, образованного 8 ноября 1922 г. в Триесте. Общество также боролось за право использования словенского языка. В 1923 г. стала главным редактором журнала *Ženski svet* и оставалась на этой должности до 1936 г. В 1928 г. журнал был запрещен в Триесте, и редакция переместилась в Люблян. После 1936 г. активно участвовала в женском международном движении. В годы Второй мировой войны поддерживала Освободительное движение, но выступала с его критикой. После войны в 1947 г. предстала перед судом (так называемый Нагодетев процесс) была арестована и обвинена в шпионаже. Вышла из тюрьмы в 1952 г., обвинения были сняты только в 1991 г.

³⁴ *Ženski svet*. 1923. Št. 1.

скольку осталось слишком много сорняков войны, которые сперва нужно вырвать, а уж потом сеять новое семя³⁵.

В 1923 г. Словенский христианский союз начал издавать католическую газету для женщин *Vigred: dekliški list*. Одним из первых редакторов газеты была Цецилия Крек³⁶. Газета издавалась до 1943 г. и являлась печатным органом женской молодежной гимнастической католической организации «Орлицы». Все члены организации должны были в обязательном порядке подписываться на нее³⁷.

Значительная часть материалов была посвящена деятельности организации и мероприятиям, которые она проводила. Почти все тексты издания были пронизаны религиозным духом и содержали наставления. Это касалось и публиковавшихся там художественных произведений: прозы и поэзии. Однако были и практические статьи о воспитании детей, о спорте и физическом развитии, о семейной жизни, об актуальности женского образования, о гигиене. Так, например, в статье «О важности создания школ для домохозяек» (*O važnosti gospodinjskih šol*) автор Иванка Сушник, председатель общества «Орлицы», рассуждает о прогрессе общества и его влиянии на обязанности домохозяйки, которые становятся все более сложными. Для того, чтобы правильно вести хозяйство своей семьи, нужно учиться, а для этого девочки должны посещать специальные школы домоводства.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Цецилия Крек (Cecilija Krek) (1868–1943). Родилась в семье учителя. Закончила народную школу в Селицах, затем какое-то время училась в монастырской школе в г. Шкофья Лока. Была председателем Словенского христианского женского союза (1901 г.) и соратницей Янеза Е. Крека (1865–1917), своего брата, известного словенского политика конца XIX – начала XX в. С 1919 по 1922 г. возглавляла женское гимнастическое общество «Орлицы». Активно участвовала в общественной жизни, читала лекции, писала статьи о социальном положении женщин.

³⁷ Vigred. 1924. Št. 3.

Неоднократно поднималась тема происхождения словенцев и их места в славянском мире. В статье «Славянская взаимность» (*Slovanska vzajemnost*) автор отмечает, что славяне — это члены одной семьи. Автор приходит к выводу, что, согласно христианской морали, любить нужно больше тех, кто вам ближе, а это — славяне, братья по языку и крови. Автор полагает, что если кто-то больше любит неславянские народы, то он подобен человеку, который ненавидит своих братьев и сестер³⁸.

В целом, как уже отмечалось, издание было пропитано религиозным духом, морализаторством и духовными наставлениями, поскольку, как было заявлено в первом номере, его фундаментом была католическая вера. «Вера — это тот источник, из которого черпает свои силы молодая Орлица»³⁹.

В 1930 г. появился ежемесячный журнал *Žena in dom*. Внешне он отличался от всех предшествующих яркими красками, качеством бумаги, печати и разнообразием фотографий. Несомненно, *Žena in dom* был первым словенским журналом в привычном для нас понимании. Его поочередно возглавляли Эрна Подгорник (*Erna Podgornik*), с 1932 по 1935 г. Рия Подкрайшк (*Rija Podkrajšk*), с 1935 по 1936 г. Тончка Липоглавшек (*Tončka Lipoglavšek*)⁴⁰. Редакция обозначила перечень тем: женщина, дом, хозяйство, домашний очаг, мать и дитя, воспитание, гигиена и здоровье, кухня, пошив одежды и белья, рукоделие, сад, комнатные растения и цветы, советы по птицеводству и домашнему хозяйству, женские вопросы⁴¹. Журнал был коммерческим и поэтому пытался охватить как можно больше читательниц с различными интересами и из разных слоев общества, предлагая статьи на любой вкус.

³⁸ Ibid. 1927. Št. 5.

³⁹ Ibid. 1923. Št. 1–2.

⁴⁰ *Slebinger J.* Slovenski časniki. 1797–1936. Ljubljana, 1937. S. 137.

⁴¹ *Žena in dom*. 01.1930. № 1.

Журнал отличался новаторством и стремился идти в ногу со временем и с мировыми трендами. В первом же номере был объявлен конкурс «Самая красивая словенка». Девушки должны были прислать свои фотографии, из которых специальная комиссия, в которую вошли «уважаемые мужчины», должна была отобрать фотографии наиболее симпатичных претенденток. Далее выбор делали посетители кинотеатров, где им показывали короткометражные фильмы с конкурсантками. Победительнице вручались ценные призы: Радиоприемник «УЗ», пишущая машинка «Remington», билет первого класса до Котора и обратно, усилитель звука для радиоприемника. Современные призы для современных девушек.

Журнал имел светский характер, помимо вопросов моды, семьи, здоровья, в нем затрагивались вопросы, касающиеся и положения женщин в обществе. Так, в статье «Как обстоят дела с профессиями для женщин» (*Kako je s ženskimi poklicí*)⁴² отмечалось, что в Словении для женщин очень мало профессий: модистки, швеи, продавщицы, секретарши и, если повезет, учительницы, правда, назначения приходится ждать четыре года. Условия трудоустройства несправедливы, несколько месяцев девушке приходится работать бесплатно, поскольку она стажерка. Автор отмечает, что некоторые нечистоплотные работодатели нанимают работниц с испытательным сроком без зарплаты, по истечении которого, их увольняют и берут новых снова на испытательный срок, тем самым имея постоянно бесплатных сотрудников. «Неудивительно, — пишет автор, — что столько самоубийств среди женщин». По ее мнению, несправедливым является и то, что для женщин закрыты такие профессии, где не требуются какие-то исключительные знания, например: рекламный или туристический агент, садовник, библиотекарь, начальник отдела в магазине и т. д., хотя многие женщины могли

⁴² Ibid. 02.1931. № 2.

бы реализовать себя и в качестве ученых, архитекторов, изобретателей. Автор отмечает, что подобное положение дел характерно только для словенских земель, так как во многих странах мира женщины имеют доступ к так называемым мужскими профессиям. А в статье «Почему бы домохозяйке тоже не иметь отпуск?» (Zakaj bi še gospodinja na imela ročitnic?) автор пишет, что женщинам, которые занимаются домашним хозяйством тоже нужен отпуск, хорошо отдохнув, они смогут лучше заботиться о муже и детях. По мнению автора, женщинам лучше всего отдыхать вдали от семьи и друзей, поскольку только такой отдых благотворно скажется на их настроении и здоровье⁴³.

Иногда приводились различные статистические данные, так, в сентябрьском номере 1936 г. были приведены данные о количестве женщин в Люблянском университете. В то время на философском факультете училась 221 студентка, на медицинском — 44, на юридическом — 59 и 16 на техническом. «Прекрасный прогресс словенской женской молодежи!»⁴⁴ — заключила автор, выражая надежду, что из года в год количество женщин, получивших высшее образование, будет расти.

Журнал не стоял на месте и шел в ногу со временем. Улучшалось качество иллюстративного материала, рекламы. Особый интерес представляют литературные произведения писательниц, печатавшихся на страницах журнала. Как правило, это были небольшие рассказы романтического содержания с легким нравоучительным подтекстом.

Журнал был далек от политики, в нем не было статей, посвященных политическим событиям в мире. Но нельзя сказать, что это издание существовало вне времени. Например, в октябрьском номере 1940 г. редакция обратилась к читательницам с просьбой «не поддаваться безумному страху перед будущим <...>, бороться со своей паникой и паникой

⁴³ Ibid. 07.1935. № 7.

⁴⁴ Ibid. 09.1936. № 9.

других»⁴⁵. В то время начались перебои с продуктами и многие, стремясь сделать запасы, скупали сахар, муку и другие продукты, что приводило к дефициту и росту цен. Редакция пыталась вразумить своих читательниц, призывая их думать не только о себе.

На словенском языке издавались и специализированные журналы. Так, в 1931 г. появился журнал *Gospodinjska pomočnica* для экономок и прислуги. Он издавался Союзом экономок до 1940 г. Редактором была Франья Петрич. Журнал был предназначен для девушек, собиравшихся устроиться прислужкой. Давались советы, как вести себя с работодателем, было много статей о моральных нормах прислуги, поднимались и некоторые феминистические вопросы.

Другим специализированным профессиональным изданием был журнал *Kmečka žena*. Он начал издаваться в 1937 г. Женским крестьянским союзом в Мариборе. Журнал содержал в себе статьи о ведении крестьянского хозяйства, о воспитании детей, о важности образования, были статьи о вере, о семейном счастье и о праведности крестьянского труда. Его главным редактором была Кристина Приятель.

Хотелось бы сказать несколько слов и о журнале *Женски покрет*, который издавался в Белграде. Журнал был основан в 1920 г. Тексты в нем печатались и на латинице, и на кириллице. Первым редактором была Зорка Каснар. В журнале печатались и словенские авторы на словенском языке, среди них была Алоизия Штеби. По своему содержанию журнал был феминистским, в нем поднимались острые темы, которые волновали прогрессивных женщин того времени: политические права, право на наследство, положение женщины в семье и браке, проституция, мужской и женский алкоголизм, образование и дальнейшее трудоустройство. Освещались различные мероприятия, проводимые женщинами других стран.

⁴⁵ Ibid. 10.1940. № 10.

Алоизия Штеби была довольно острым автором, в своих публикациях она называла вещи своими именами, и ее критика была обоснована. Так, в статье о положении детей-сирот, она справедливо указывала на то, что если государство не будет в достаточной мере заниматься ими, то многие из них пополнят ряды преступников и асоциальных элементов, что, несомненно, несет определенную угрозу обществу. В статье «О защите детей и молодежи» (*O zaščiti dece in mladine*)⁴⁶ она приводит статистические данные о детях-сиротах в Словении и описывает их положение. Поднимает вопрос и о детях, которые рождаются больными. Она призывает осознанно подходить к материнству и планировать рождение детей. В статье «О проблеме проституции» (*O problem prostitucije*)⁴⁷ она предлагает взглянуть на проблему шире, понять, что почти всегда на этот путь девушку толкают неблагоприятные, а порой ужасные социальные условия: отсутствие работы или низкая плата за нее, неприемлемые жилищные условия, необразованность, пьянство. Для того времени статьи подобного содержания были весьма смелыми и нередко подвергались критике.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что словенские женские периодические издания в межвоенный период имели ряд общих характерных черт. 1. Наличие материалов, которые были предназначены для повышения национального самосознания женщин. Их цель была пробудить в словенках интерес к своему языку, культуре, истории. Молодых женщин призывали растить своих детей в словенских традициях, воспитывать в них любовь к своему народу. 2. Высокий уровень морализаторства и стремление в той или иной степени оградить словенскую женщину от современных веяний. 3. Довольно сильный авторитет и влияние католической церкви. Однако дух времени, развитие общества несомненно сказывались на содержании

⁴⁶ Женски покрет. 1922. № 3–4.

⁴⁷ Ibid. № 1–2.

этих изданий, на страницах встречались статьи, касавшиеся положения женщин на словенских землях, в Югославии и в мире. Словенки не оставались в стороне от борьбы за свои права, и благодаря этим изданиям ощущали свою связь с передовыми женщинами всего мира.

Н. В. Бондарев

Женские образы в югославском кино межвоенного периода

N. V. Bondarev

Female characters in cinema of interwar Yugoslavia

Аннотация: Статья посвящена кинематографу Королевства Югославия, пионерам югославского киноискусства, в особенности тому, как интерпретируются женские образы в немногих сохранившихся югославских кинофильмах. Фильмы оцениваются в контексте развития социальной осознанности, дихотомии модерна и архаики, повседневной религиозности, делается попытка использования фрейдистско-лаканианского инструментария. В ходе исследования использовалась обширная литература на сербском, хорватском и других языках.

Ключевые слова: Королевство Югославия, кинематограф, немое кино, эмансипация женщин, Коста Новакевич, Михайло А. Попович.

Annotation: The article deals with the cinema of the Kingdom of Yugoslavia, pioneers of Yugoslav cinematography, and in particular the way in which female characters are presented in the few surviving Yugoslav films. The films are analyzed with particular attention towards development of social awareness, the dichotomy of modernity and archaism, everyday religiosity, an attempt is made to use Freudian-Lacanian methodology. Various literature in Serbian, Croatian and other languages was used.

Keywords: Kingdom of Yugoslavia, cinema, silent movies, the emancipation of women, Kosta Novakovic, Mihajlo A. Popovic.

Сербское кино интербеллума — своего рода кот Шрёдингера, который вроде бы есть, но одновременно его нет. О межвоенных фильмах написано в разы больше, чем, к примеру, о картинах 1950-х годов, есть киноведы и историки кино, которые занимаются исключительно этим периодом¹, что с позиций научной добросовестности довольно странно, поскольку за 23 межвоенных года в Сербии было снято всего пять полнометражных художественных фильмов, а сохранились из них приблизительно три (некоторые сохранились фрагментарно). Основным фактором, обуславливающим популярность темы, судя по всему, является чувство национальной гордости. Историкам кино необходимо доказать, что кинематограф в Сербии был и до прихода к власти коммунистов, причем кинематограф глубоко *национальный*, проникнутый сербским духом. Ради этого возвеличиваются фильмы, не всегда этого достойные, подправляются биографии пионеров кино, теряются и не находятся отдельные слишком откровенные сцены. Иначе и быть не может, если фактическим основателем национальной кинематографии является такой человек, как Коста Новакович. Кино-энтузиаст и патриот, с одной стороны, но, с другой стороны, очевидно склонный к сексуализации женских персонажей в своих картинах, что современниками воспринималась как рискованная, но допустимая фривольность, а сегодня выглядит как типичное «эксплуатационное кино» (*exploitation film*).

Константин Новакович родился в 1895 г. в Чачаке, он принадлежит к тому поколению, по которому кровавым катком прошли войны начала XX в. — две Балканские и Первая мировая. Новакович в качестве военного санитаря и аптекаря прошел через «Албанскую голгофу» сербской армии,

¹ *Kosanović D.* Počeci kinematografije na tlu Jugoslavije 1896–1918. Beograd, 1985; *Kosanović D.* Kinematografija i film u Kraljevini SHS/Jugoslaviji. Beograd, 2005; *Kosanović D.* Leksikon pionira filma i filmskih stvaralaca na tlu jugoslovenskih zemalja 1896–1945. Beograd, 2010; *Зечевић Б.* Српска авангарда и филм 1920–1932. Beograd, 2013 и др.

участвовал в прорыве Салоникского фронта и в 1918 г. вошел в Белград с армией победителей. После войны выучился на фармацевта и открыл в Белграде аптеку. В те годы кино- и фотопленка, как и реактивы, продавались в Сербии именно в аптеках, туда же можно было сдать пленки на проявку. Новаковича все больше начал занимать побочный бизнес, вскоре он купил фотоаппарат и камеру, и начал пытаться снимать. У него, безусловно, был талант наблюдателя-хроникёра, его любительские съемки торжеств, парадов, спортивных мероприятий охотно покупали крупные дистрибуторы для использования в кино-журналах. И деловая хватка у Новаковича тоже явно была, сначала он регистрирует юридическое лицо для продвижения своих кино-хроник, потом начинает закупать западные фильмы для перепродажи. В середине 1920-х годов он приобретает старейший белградский кино-театр «Париж» и переименовывает его в «Кино Новакович». В 1926 г. Новакович демонстрирует публике свой первый художественный фильм «Король чарльстона и прекрасные купальщицы».

Как уже отмечалось, для Новаковича художественное, постановочное кино в значительной степени являлось поводом и оправданием для показа обнаженного женского тела. Значительную часть его творческого наследия составляют фото в жанре «ню», большая подборка которых хранится в архиве Белградской Кинотеки, впервые они были опубликованы сербским историком кино Петером Волком в книге «История югославского кино» в 1986 г.² Достоверно известна как минимум одна снятая Новаковичем кинолента эротического содержания, «Читающая девушка» — она тоже хранится в архиве Белградской кинотеки, но не была включена в сборник Новаковича на DVD, изданный в 2008 г., как нам объяснили сотрудники архива, «потому что не подписана». Представляется, что удивительным было бы как раз, если

² Volk P. Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986. S. 76–77.

бы подобного рода фильм был подписан, в любом случае, он, вне всяких сомнений, снят в ателье Новаковича — обои и мебель очень узнаваемые.

Что касается «Короля чарльстона» — это картина длиной 600 метров (кино в те годы измеряли в погонных метрах, 600 метров приблизительно соответствуют 30 минутам), чисто комедийная и развлекательная. Ее герой — не первой молодости сластолюбец (артист оперетты Милан Оджич), который фланирует по белградскому пляжу, разглядывая загорающих девушек. Отметим, что Новакович всегда стремился к эстетическому совершенству, молодые женщины в его фильмах это, как правило, балерины, танцовщицы, дочери из белградских благородных семейств. Предводителем дунайскими амазонками русская артистка балета Нина Рахманова. Оператор тоже русский эмигрант, Александр Васильев. В какой-то момент расслабляющиеся девушки решают подразнить артиста оперетты и танцуют друг с другом чарльстон, в нарочито сексуализированной манере. У фильма интересная судьба — расходы на производство Новакович окупил, собственно, они были не велики, только пленка и гонорары исполнительницам. При этом легально показывать фильм в Сербии кроме самого Новаковича не решился никто, но он стал хитом подпольных показов по всему Королевству сербов, хорватов и словенцев. Фильм с таким названием упоминается в описи личной фильмотеки рейхсмаршала Германа Геринга, которая вся состояла из фильмов скабрёзного и фривольного содержания. Опись хранится в американской Библиотеке Конгресса, а вот где само собрание фильмов — науке не известно, почти наверняка пленки были вывезены в СССР, но до советских кинохранилищ не дошли. Как бы то ни было, после Второй мировой войны следы фильма теряются. Одна копия хранилась у самого Новаковича, ее же, судя по всему, использовал в своих лекциях его друг — физиолог, сексолог и сам по себе самобытный режиссёр др. Александр Костиц (сыграл роль

ученого в «Трагедии телефонистки» Душана Макавеева). Фильм, при желании, наверняка можно было бы найти. Но нужно ли? Нам представляется, что нужно, хотя бы из интереса к участвовавшим в съемках российским эмигрантам.

Главным творческим достижением Косты Новаковича стал вышедший в 1930 г. фильм «Грешница без греха», или, возможно, правильнее было бы сказать — «Безгрешная грешница». Новакович пошел ва-банк, заложив кормившую его все эти годы аптеку, чтобы снять зрелище доселе невиданное в Сербии, настоящую энциклопедию сербской жизни, как городской, так и деревенской. В центре повествования, как ясно из названия, судьба молодой девушки, приезжающей из села в югославскую столицу к жениху. Огни большого города сбивают чистую душу с пути истинного, и она бросает своего жениха ради «господина директора». Следует неизбежная расплата — под личиной «господина директора» скрывается уголовник, имеющий плотский интерес к героине фильма, но отнюдь не настроенный на брак. Впрочем, подобные «моралите» в мелодраматических фильмах межвоенной эпохи обычно кончаются хорошо. Фильм Новаковича не исключение — уголовного *in flagranti delicto* арестовывает полиция, девушку Любицу, правда, считают его любовницей и соучастницей, но отпускают под подписку. Она возвращается в село, но в королевстве Югославия газеты читают и на селе, родители героини, пара патриархальных сербских крестьян, уже в курсе, что Любица Попович пособница и любовница злодея Лайоша. Показательно то, что злодей, совращающий сербских девушек, по сценарию венгр, а играет его хорват Виктор Старчич. Оскорбленный отец отправляет дочь туда, откуда она пришла. Любица возвращается в Белград и пытается утопиться, но ее спасает чисто случайно прогуливавшийся по набережной жених Никола, который не верит «продажной» прессе и продолжает ее любить. В конце концов следствие разбирается, что к чему, и офицер полиции, отнюдь не случайно похожий

на короля Александра Карагеоргиевича, вручает девушке официальную благодарность за помощь в раскрытии преступления. На глазах у батюшки и матушки, которые все-таки решили простить любимое чадо и тоже приехали в Белград. В финале Любица и Никола венчаются в сельской церкви и уходят, держась за руки, в пышные заросли орешника, как новые Адам и Ева, искупившие грех, прощенные, возвращенные в Эдемский сад. Нам представляется уместным интерпретировать эту сцену сквозь призму повседневной религиозности, но, отметим, что здесь хорошо работает и фрейдистско-лаканианский анализ, о чем подробнее ниже.

В целом, перед нами классический мелодраматический сюжет с жизнеутверждающим патриотическим финалом. Можно предположить, что, если бы Новакович строго придерживался базовой рамочной истории, у него мог бы получиться фильм, вполне пригодный для уроков патриотического воспитания в средней школе. Но автор «Короля чарльстона» не мог удержаться от сексуализации, причем сексуализируются в фильме как отношения героев, так и отдельные части тела. Студента Николу агрессивно домогается (иначе не скажешь) его квартирная хозяйка, дама в годах, сменившая многих мужей. Примечательно, что это единственная роль в кино Жанки Стокич, легенды сербского театра, под которую Бранислав Нушич писал свою «Госпожу министершу». Новакович, нимало не смущаясь возрастом и комплекцией гранд-дамы, навязчиво демонстрирует зрителям, как она поправляет свои чулки. Вообще, в этом фильме нет, пожалуй, ни одного женского персонажа, которого вуайеристская камера Новаковича не подловила бы за подтягиванием чулок. Даже главную мысль фильма, о городской жизни, развращающей женскую душу, Новакович иллюстрирует при помощи поправляемых чулок. Здесь мы вынуждены прибегнуть к вербальному описанию монтажной сцены: в кадре женские ноги в черных чулках, демонстрируемые целиком и полностью, включая подвязки; затем появляется

интертитр «Большой город превратил целомудренную Любицу в современную девушку»; далее в кадре те же ноги, но уже в белых чулках и со значительно более выразительными подвязками, ноги даже пытаются танцевать чарльстон. У современного зрителя эта сцена, скорее всего, вызовет недоумение. Не столько даже своей неуместностью — чулки с подвязками как иллюстрация целомудрия или отсутствия оного, это, мягко говоря, *не бесспорная* метафора. Сколько непонятностью самого этого противопоставления: почему черные чулки более целомудренны, чем белые? С определенной долей вероятности черные непрозрачные фильдеперсовы чулки больше похожи на традиционные сербские чарапе, которые носят деревенские жительницы. А белые или телесные шелковые чулки — символ городской развращенной жизни. Такие чулки носят квартирная хозяйка Николы, квартирная хозяйка Любицы, все девушки на танцах, проститутки в тюремной камере, куда попадает Любица. А в конце фильма, когда Любица и Никола возвращаются в шумадийский Эдем, на девушке опанки (кожаная обувь с закругленными носами) и черные чарапе.

Здесь допустима религиозная интерпретация, социальная дихотомия город — деревня, допустима и попытка описать фильм и конкретно образ Любицы во фрейдистско-лаканинских терминах. Процитируем Кристиана Метца: «благодаря фетишу, который скрывает рану и сам становится эрогенным, объект целиком снова становится желаемым, не вызывая чрезмерного страха»³. Здесь «объект» — Любица, увиденная глазами жениха Николы, собственно любим «мужским взглядом» (*male gaze*) со смесью вожделения и страха; «рана» — это травматичный городской опыт Любицы; «фетиш» для Новаковича в данном случае — традиционная сербская одежда, которая «становится эрогенной», заменив собой другой фетиш — городскую одежду, в особенности

³ Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб., 2013. С. 108.

пресловутые чулки («фетиш всегда материален»). В любом случае, на протяжении всего фильма Любица остается именно «объектом», а не «субъектом», она раскрывается только через взгляд на нее других персонажей, полностью лишена собственной воли и права на самостоятельный выбор. Решение уехать в город за Любицу принимает жених Никола, в отношении с коварным Лайошем ее втягивает квартирная хозяйка и т. д. Любица дважды пытается проявить собственную волю, оба раза неудачно — первый раз, когда она возвращается в деревню, а родители отсылают ее назад, только для того, чтобы через десять минут экранного времени приехать в город и попросить Любицу вернуться, но уже по собственной инициативе, а не в соответствии с ее изначальной интенцией. Второй раз, когда девушка пытается утопиться, но ее спасает жених Никола — даже в смерти Любица лишена субъектности.

Отдельно необходимо упомянуть аморального Лайоша. Актер Виктор Старич воплощает этот образ в предельно гротескной манере, а гример фильма очевидно злоупотребляет «зловещим» макияжем, получается какой-то инфернальный клоун, похожий на Гуинплена из популярной на момент выхода фильма Новаковича голливудской экранизации «Человека, который смеется»⁴. Но это отдельная тема, заслуживающая самостоятельной статьи. Здесь же мы отметим хищнические повадки «господина директора» — когда он навещается с визитом к домовладелице, у которой снимает комнату Любица, для начала Лайош набрасывается на горничную, буквально впивается ей в шею, та подобострастно хихикает. Затем, во время разговора с квартирной хозяйкой, он роняет цилиндр и, поднимая его, ухитряется погладить ей ногу, на которой, разумеется, надет белый шелковый чулок. Квартирная хозяйка восклицает — «Ах, какой вы шармёр, господин директор! Какой проказник!». После чего

⁴ «The Man who Laughs», реж. Пауль Лени, 1928 г. В роли Гуинплена — легенда немецкого экспрессионистского кино Конрад Фейдт.

без зазрения совести отпускает свою постоялицу с Лайошем на танцы. То есть для города подобная развязная манера является не просто нормой, а элементом хорошего тона. Констатируем, что в Сербии, остававшейся в начале 1930-х годов прошлого века преимущественно аграрной, очень консервативной страной, такое поведение никак не могло быть нормативным, Новакович очевидно сгущает краски, противопоставляя город и деревню, создавая из Белграда некий новый Вавилон. Два года спустя это же попытается сделать, значительно более убедительно, писатель и кино-критик Бошко Токин («Филмус») в своем романе «Теразије»⁵.

Что касается самого Косты Новаковича, то ему «высокохудожественный» фильм, на котором он выступил одновременно режиссером, оператором, сценаристом и продюсером, не принес ничего, кроме убытков. Аптеку и кинотеатр пришлось продать, Новакович стал кинороботником по найму. В 1939 г. дела его, вроде бы, пошли на лад, Новакович подписал контракт с комитетом по празднованию 550-летия Косовской битвы. Военный парад на Косовом поле Новакович и его операторы (среди них опять Александр Васильев) сняли прекрасно, как уже было сказано, Новакович обладал и цепким до деталей глазом, и интуитивным пониманием наиболее выигрышного ракурса для съемки. Но бывший аптекарь опять замахнулся на задачу, непосильную для его любительского уровня. В данном случае Новакович поставил себе целью снять костюмированную реконструкцию Косовского боя. Получилось следующее: князь Лазарь в картонной короне с бородой в пол, похожий на волхва из рождественского вертепа, сербские средневековые воины в доломанах венгерских гусар со шнурами и ментиком, все едут к месту битвы мимо полей кукурузы, у кого-то за спиной мелькают ружья. И с точки зрения режиссуры, и с точки зрения исторической достоверности, это не просто плохой

⁵ Токин Б. Теразије. Београд, 1932.

фильм — это национальный позор. По счастью, «Косовскую битву» Новаковича в наши дни мало кто видел.

Второй из трех сохранившихся художественных фильмов, снятых в межвоенной Сербии — «Счастье шахтера» сербского чеха Йосипа Новака (1929 г.). Фильм не будет предметом рассмотрения в этом тексте, при том, что он мастерски и даже новаторски снят, претензии в любительстве, аматеризме, которые часто предъявляют Косте Новаковичу, здесь были бы неуместны. Но сербские киноведы лукавят, называя эту работу художественным фильмом. Картина на 90 % состоит из документальных съемок строительства и начала эксплуатации рудника Ерма в Восточной Сербии. Изначально в фильме планировалась и сюжетная часть, но исполнительница главной женской роли, молодая актриса Буба Велькович, влюбилась в своего партнера по съемкам, местного землемера Чеду Пенчича, и бежала с ним со съемок в неизвестном направлении, поскольку была обручена с исполнителем роли злодея, актером и режиссером Милутином Николичем. В итоге получился документальный фильм с редкими и довольно бессмысленными игровыми вставками. В которых мы видим такую же «Любицу», лишенную собственной воли, до предела объективизированную молодую женщину, которая не может ни признаться в любви своему воздыхателю, «хорошему парню», ни дать отпор местным аморальным «Лайошам».

Третий полностью сохранившийся художественный фильм, который вполне заслуженно считается главным фильмом межвоенной Сербии, это эпическое полотно Михайло Поповича «С верой в Бога» (1932 г.). Фильм настолько мощный и самодостаточный, что упоминать через запятую с ним работы того же Косты Новаковича кажется не вполне уместным. Ругать эту ленту не получалось даже у киноведов социалистической Югославии, фильм сначала обходили молчанием, а в 1970-е годы начали вспоминать и осторожно хвалить (Петар Волк, Деян Косанович). При том, что кар-

тина снята любителем, не имевшим практически никакого кинематографического опыта, но, по-видимому, обладавшим интуитивным пониманием природы кино и талантом к созданию мощных визуальных образов. Такой человек как Попович, с большой долей вероятности, не остался бы без работы в Голливуде или на европейских студиях, хотя не факт, что реализовался бы именно в качестве режиссера — здесь уместно провести параллель с самым известным сербом в Голливуде, чрезвычайно востребованным постановщиком комбинированных съемок Славко Воркапичем⁶. В Сербии же Михайло А. Попович произвел единственный фильм, взяв кредит под залог родительского дома, фильм не окупился, режиссер был признан банкротом и больше ничего не снимал. К Поповичу (но не к его фильму) оказались на удивление благосклонны коммунистические власти, он сполна реализовался в 1950–1960-х годах как кинооператор, и даже срежиссировал несколько коротких фильмов о природе (с однотипными названиями типа «Зимняя импрессия» и «Осенняя элегия»). Попович вообще чуть ли не единственный кинодеятель из довоенной эпохи, оказавшийся востребованным и при новом режиме, осуществлявший, так сказать, смычку двух эпох.

Так чем же конкретно замечателен фильм Поповича? Поэтическим, образным киноязыком, причем поэзию Попович находит в абсолютно ничем на первый взгляд не примечательных интерьерах и ландшафтах. Трепетным, хочется сказать — бережным отношением автора к своим героям, простым сербским крестьянам. Сознательным отсутствием шоковых и эксплуатационных моментов, что удивительно и

⁶ Воркапич Славолуб-Славко (1894–1976) — голливудский специалист по спецэффектам, работал на таких картинах, как «Вива Вилья!» (1934 г.), «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939 г.), «Доктор Джекилл и мистер Хайд» (1941 г.). Совместно с Робертом Флоре снял авангардный короткометражный фильм «Жизнь и смерть 9413, голливудского статиста» (1928 г.). В ранней юности был дружен с будущими сербскими футуристами и «зенитистами».

невероятно для фильма про ужасы Первой мировой войны. Автор, правда, несколько излишне увлечен визуальными метафорами. Скажем, в сцене смерти матери главного героя пожилой крестьянке сначала видится ее сын среди дыма и взрывов, а потом — распятый на кресте Иисус (причем его изображает режиссер фильма Михайло Попович). А заканчиваться фильм, по изначальной задумке режиссера, должен был кадрами сербской свиньи, уплетающей помой из трофейной австрийской каски «Берндорфер». Но прокатчики убедили Поповича снять не локально сербский, а более интегрально-югославистский финал, тот, в итоге, придумал трех мальчиков лет пяти, в сербской, хорватской и словенской национальной одежде, стоящих на фоне развевающегося югославского флага.

В контексте этой статьи наиболее интересна открывающая фильм сцена пробуждения главной героини, молодой крестьянки. Если без иносказаний, в этой сцене режиссер демонстрирует как луч солнца движется по груди молодой спящей женщины, освещая попутно сербский православный крест, таким образом, зрителю дают понять, что наступило утро. Крестьянской жене пора приниматься за работу, но перед этим она, конечно же, умывается колодезной водой. Эту сцену, задающую тон всему фильму, можно рассматривать как китч. Но нам такой поход не кажется правильным. Термин «китч» происходит от немецкого «kitsch» — халтура, дешевка, и подразумевает в своей основе примитивизацию, упрощение. В открывающей фильм «С верой в Бога» сцене, как нам представляется, есть пасторальная наивность, но нет упрощения и нет халтуры. Безусловно, Михайло Попович оперирует яркими, плакатными образами, пытаясь создать некую квинтэссенцию Родины в понимании крестьянина, которому завтра предстоит отправиться на войну. И здесь одинаково значимыми оказываются крест, за право носить который сербы без малого четыреста лет боролись с турками и (тут мы вынуждены перейти на язык биологии) вторич-

ные половые признаки молодой жены. Причем Поповича сложно обвинить в избыточной сексуализации героини так же однозначно, как мы это делаем в случае Новаковича, поскольку у крестьянской пары имеется новорожденный сын, нуждающийся в грудном вскармливании. Стены родительского дома, пресловутый луч южного солнца, разбудивший героиню, живность на дворе — куры, козы, свиньи, корова, пчелы, кролики. Поле, виноградник, рожица плодовых деревьев. Для сербского крестьянина Родина, за которую ему предстоит воевать и, возможно, умереть — не абстракция, а совокупность всех этих предельно конкретных бытовых элементов. Здесь всё логично и уместно, нет ничего приносного и нарочитого, как у Косты Новаковича.

При этом судьба Смильи, героини картины, незавидна. Раздавая щедрые комплименты визуальному ряду фильма Михайло Поповича, его пацифизму и нежеланию нагнетать трагизм путем показа «окопной правды», мы должны отметить, что у женщины в этом фильме две функции — быть воплощением Родины (женою и матерью), а затем героически умереть. Парадоксальным образом, Любица в фильме Новаковича, при всей объективации ее образа всё-таки была реальным человеком, существующим в сфере интеллектуального и эмоционального, Любица думает, чувствует, влюбляется, танцует, читает книги, даже пытается свести счеты с жизнью. Крестьянская жена Смильи из фильма Поповича существует исключительно в сфере физического, на протяжении фильма она: просыпается, кормит ребёнка (которого до этого произвела на свет), заботится о крестьянской живности, кормит свёкра и свекровь, обнимает на прощание мужа, умирает от рук оккупантов. Всё это — чисто телесные функции, не требующие ни интеллекта, ни даже эмоциональной вовлеченности. Смильи, с одной стороны, является воплощением Родины, но как человека автор не наделяет ее уникальными свойствами, она есть чистая функциональность и чистая телесность.

В заключение констатируем, что смена идеологических установок после прихода к власти коммунистов не привела к каким-то существенным изменениям в интерпретации женских образов в югославской кинопродукции. В фильмах 1940-х – начала 1950-х гг. женские персонажи это или боевые подруги, которые должны выполнять приказы командира и, в итоге, героически погибнуть («Славица», «Бессмертная молодость» и т. д.). Или матери, благословляющие своих сыновей на борьбу с врагами («Майка Катина», «Фросина» и т. д.). С середины 1950-х годов в экранизациях югославской литературной классики появляются роковые соблазнительницы, также довольно шаблонные, лишённые субъектности («Цыганка» — экранизация драмы «Кошгана» Бориса Станковича). Для того, чтобы это изменилось, понадобилась не смена политического строя, а смена кинематографических поколений и кинематографического языка.

Ж. Осем

Словенские учёные и постдокторантская подготовка – Ана Майер-Кански, Алма Содник, Людмила Долар-Мантуани и Бибиана Чуйец

Ž. Oset

Slovenian Scientists and Postdoctoral Training – Ana Mayer Kansky, Alma Sodnik, Ljudmila Dolar Mantuani, and Bibijana Cujec

Аннотация: Тема постдокторантской подготовки привлекла значительное внимание исследователей за последние два десятилетия. Исследования сосредоточены на исторической эволюции, современных практиках и вызовах, с которыми сталкиваются постдокторанты. Это направление можно разделить на три основные темы: историческое развитие, институциональные структуры, а также социально-политические и экономические факторы, влияющие на возможности постдокторантской подготовки. Поскольку данная область остается относительно малоизученной, в статье представлен исторический обзор постдокторантской подготовки в мире и в Словении, а также четыре примера из биографий словенских женщин-учёных. Роль постдокторантской подготовки в научном развитии определяет её влияние на дальнейшую академическую карьеру. В статье также уделено внимание положению женщин в словенском академическом сообществе и вопросу поиска баланса между академической карьерой и семейной жизнью.

Ключевые слова: постдокторантская подготовка, женщины-учёные, наука, мобильность, Словения, XX век, баланс между академической карьерой и семейной жизнью.

Annotation: The paper explores postdoctoral training, a topic that has garnered significant attention from researchers over the past two decades. Existing studies examine its historical evolution, contemporary practices, and the challenges faced by postdoctoral researchers. This field can be categorized into three key themes: historical development, institutional structures, and the socio-political and economic factors shaping postdoctoral training opportunities. Given that this area remains relatively underexplored, the article offers a historical overview of postdoctoral training both globally and in Slovenia, supplemented by four case studies from the biographies of Slovenian women scientists. It analyzes the role of postdoctoral training in scientific development and its impact on academic careers. Furthermore, it discusses the position of women in the Slovenian academic community and the challenges of balancing academic careers with family life.

Keywords: postdoctoral training, women scientists, science, mobility, Slovenia, 20th century, work-life balance in academia.

Историческое развитие постдокторантской подготовки в Европе и Америке

Исследования, посвященные происхождению и развитию постдокторантской подготовки, относят её истоки к XIX в., в большей степени это касается Европы и Северной Америки. Такие исследователи, как Р. Л. Гейгер¹ и Б. Р. Кларк², описывают переход от неформальных практик наставничества к структурированным системам постдокторантской подготовки. Формализация этих систем значительно усилилась в середине XX в. благодаря увеличению финан-

¹ Geiger R. L. To Advance Knowledge: The Growth of American Research Universities, 1900–1940. New York, 1986.

² Clark B. R. The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective. Berkeley, 2006.

сирования научных исследований после Второй мировой войны. Национальные программы, такие как программа Фулбрайта в США³ и DAAD (Германская служба академических обменов) в Германии⁴, сыграли ключевую роль в продвижении международной академической мобильности.

Некоторые исследователи проводят параллели между постдокторантской подготовкой и более ранними традициями, такими как *grand tour* — длительное образовательное путешествие молодых европейских аристократов (главным образом в XVII–XIX вв.) по странам Европы, особенно по Франции и Италии, с целью расширения кругозора и завершения образования⁵.

Институционализация постдокторантской подготовки

Институционализация постдокторантской подготовки является важной темой исследований. Работы М. Нерада и Дж. Черни анализируют роль финансовых агентств — таких как государственные научные фонды, университетские программы, частные и международные организации, предоставляющие гранты и стипендии, — наставничества и карьерных инициатив в формировании опыта постдокторантов. Исследования выявляют отличия между дисциплинами, подчёркивая различные ожидания, ресурсы и результаты в естественных, социальных и гуманитарных науках⁶.

³ *Ruther N. L.* Barely There, Powerfully Present: Thirty Years of U.S. Policy on International Higher Education. London, 2002.

⁴ *Puschmann U.* DAAD: 80 Jahre im Dienst der akademischen Zusammenarbeit. Bonn, 2007.

⁵ *Edward C.* The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations Since the Renaissance. London, 2000; The Letters of Count Ignaz Maria von Attems-Heiligenkreuz to his Father (1734–1738): Digital Edition / eds. M. Kokole, G. Haug-Moritz. Ljubljana-Vienna, 2020.

⁶ *Nerad M., Cerny J.* Postdoctoral Patterns, Career Advancement, and Problems // Science and Engineering Careers in the United States:

Социально-политические и экономические факторы оказывают значительное влияние на постдокторантскую подготовку. Такие исследователи, как Б. Кэнтвелл и Дж. Дж. Ли и С. Линдтнер, изучают влияние финансового неравенства, глобальной академической мобильности и утечки мозгов на перспективы постдокторантов по всему миру. Эти исследования подчёркивают различия между хорошо финансируемыми академическими системами и ограниченными в ресурсах, например, такими как в Словении⁷.

Ключевые темы в исследованиях постдокторантской подготовки

1. Международная мобильность

Мобильность является центральным элементом постдокторантской подготовки, поскольку она способствует обмену знаниями и глобальному сотрудничеству, но в то же время создаёт вызовы, такие как утечка мозгов. К. Трамбле⁸ и Л. Акерс⁹ изучают, как модели мобильности влияют на академические карьеры и возможности в странах-донорах и странах-реципиентах.

2. Гендерное неравенство

Гендерные аспекты постдокторантской подготовки являются предметом широких исследований. Исследования

An Analysis of Markets and Employment / eds. R. B. Freeman, D. L. Goroff. Chicago, 1999. P. 127–154.

⁷ *Cantwell B., Lee J. J.* Unseen Workers in the Academic Factory: Perceptions of Neoliberalism and Its Impact on Academic Researchers in the United States and the United Kingdom // *Harvard Educational Review*. 2010 (80). № 4. P. 490–517; *Paula S. E.* How Economics Shapes Science. Cambridge (MA), 2012.

⁸ *Tremblay K.* Academic Mobility and Immigration // *Journal of Studies in International Education*. 2005 (9). № 3. P. 191–195.

⁹ *Ackers L.* International Mobility and Academic Careers: The Experiences of Early Career Researchers. Cheltenham, 2008.

С. Дж. Чечи и В. М. Уильямса¹⁰, а также М. А. Мэйсона¹¹ анализируют препятствия, с которыми сталкиваются женщины в стремлении к академическому успеху¹².

3. Развитие карьеры

Такие исследователи, как Х. Зауэрман и М. Роуч¹³, изучают влияние постдокторантской подготовки на дальнейшую как академическую, так и неакадемическую карьеру¹⁴.

4. Сравнительный анализ

Сравнительные исследования выявляют разнообразие систем постдокторантской подготовки в разных странах. Так, например, М. Квек¹⁵ подчёркивает важность контекстуальных факторов, формирующих возможности и результаты, и демонстрирует разнообразие моделей постдокторантской подготовки.

Постдокторантская подготовка в Словении

Хотя исследований по постдокторантской подготовке в Словении немного, в существующих работах эта тема рас-

¹⁰ *Ceci S. J., Williams W. M. Understanding Current Causes of Women's Underrepresentation in Science // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011 (108). № 8. P. 3157–3162.*

¹¹ *Mason M. A., Goulden M. Do Babies Matter? The Effect of Family Formation on the Lifelong Career of Academic Men and Women // Academe. 2002. Vol. 88. № 6. P. 21–27.*

¹² *Oset Ž. The Life Trajectories of Maks Samec, Fran Ramovš, and Ljudmila Dolar Mantuani, and the Impact of World War II on Their Careers // Práce z dějin Akademie věd 11. 2019. № 2. P. 1–22.*

¹³ *Sauermann H., Roach M. Science PhD Career Preferences: Levels, Changes, and Advisor Encouragement // PLoS ONE. 2012. Vol. 7. № 5. P. e 36307.*

¹⁴ *Oset Ž. The Life Trajectories... P. 15–19; Trowler P. R. Academics Responding to Change: New Higher Education Frameworks and Academic Cultures. Philadelphia, 1998.*

¹⁵ *Kwiek M. Academic Generations and Academic Work: Patterns of Attitudes, Behaviors, and Research Productivity of Polish Academics after 1989 // Studies in Higher Education. 2015 (40). № 8. P. 1354–1376.*

сма­три­ва­ет­ся в бо­лее ши­ро­ком тер­ри­то­ри­аль­ном и ис­то­ри­че­ском кон­тек­сте. Опыт сло­вен­ских пост­док­то­ран­тов от­ра­жа­ет со­ци­аль­но-по­ли­ти­че­ские и э­ко­но­ми­че­ские из­ме­не­ния в XX в., осо­бен­но в пе­ри­од со­ци­а­ли­зма и по­сле об­ре­те­ния не­за­ви­си­мо­сти.

Мои пре­ды­ду­щие ис­сле­до­ва­ния ака­де­ми­че­ских кар­ье­р сло­вен­ских учё­ных да­ют пред­став­ле­ние о мо­биль­но­сти, на­уч­ной по­ли­ти­ке и ме­ж­ду­на­род­ных свя­зях, что в свою оче­редь по­ка­зы­ва­ет про­цесс ин­те­гра­ции Сло­ве­нии в гло­баль­ные ака­де­ми­че­ские си­сте­мы. Мож­но за­клю­чить, что сло­вен­ские ис­сле­до­ва­те­ли пре­одо­ле­ва­ли ог­ра­ни­че­ния и ис­поль­зо­ва­ли воз­мож­но­сти для раз­ви­тия сво­их на­уч­ных ис­сле­до­ва­ний че­рез ре­ги­о­наль­ные и ме­ж­ду­на­род­ные ин­тел­лек­ту­аль­ные се­ти учё­ных (как про­фес­со­ров, так и кол­лег), ко­то­рые по­стро­е­ны на ре­ко­мен­да­циях, лич­ных кон­так­тах и про­фес­си­о­наль­ном со­труд­ни­че­стве¹⁶.

В су­ще­ст­вую­щих ис­сле­до­ва­ниях уде­ля­ет­ся не­до­статоч­но вни­ма­ния фор­ми­ру­ю­щей ро­ли пост­док­то­рант­ской под­го­тов­ки для ака­де­ми­че­ско­го раз­ви­тия уче­но­го и его лич­но­ст­но­го роста. В дан­ной ра­бо­те я стре­млюсь по­ка­зать но­вое на­прав­ле­ние в ис­сле­до­ва­ниях: ака­де­ми­че­ский путь жен­щин-учё­ных, ко­то­рые про­шли пост­док­то­рант­скую под­го­тов­ку. Для сло­вен­ских ис­сле­до­ва­те­лей это озна­ча­ло прак­ти­че­ски ис­клю­чи­тель­но обу­че­ние за ру­бе­жом, так как лишь немно­гие во вре­мена Ю­го­сла­вии (1918–1991 гг.) про­хо­ди­ли пост­док­то­рант­скую под­го­тов­ку в За­гре­бе или Бел­гра­де.

Ис­то­ри­че­ские эта­пы пост­док­то­рант­ской под­го­тов­ки в Сло­ве­нии (1919–1999 гг.)

Раз­ви­тие пост­док­то­рант­ской под­го­тов­ки в Сло­ве­нии мож­но раз­де­лить на не­сколь­ко эта­пов:

- 1. 1919–1940 гг.** Ме­ж­во­ен­ный пе­ри­од ха­рак­те­ри­зу­ет­ся ос­но­ва­ни­ем Люб­лян­ско­го уни­вер­си­те­та, ог­ра­ни­

¹⁶ *Oset Ž. The Life Trajectories... P. 15–19.*

ченными государственными ресурсами и нехваткой квалифицированных специалистов.

2. **1941–1945 гг.** Прекращение академической деятельности во время Второй мировой войны и адаптация стратегий выживания.
3. **1945–1964 гг.** Ограниченная мобильность и акцент на политически значимых дисциплинах в ранний коммунистический период.
4. **1964–1980-е гг.** Рост мобильности благодаря открытию Югославии Западу и заключению двусторонних соглашений.
5. **1986–1999 гг.** Создание структурированных программ для поддержки обучения за рубежом и реинтеграции исследователей в местную академическую систему.

Исторические и системные факторы, такие как ограниченные ресурсы, политические ограничения и отсутствие структурированной политики, оказали значительное влияние на постдокторантскую подготовку в Словении. Эти вызовы часто приводили к утечке мозгов, поскольку исследователи искали возможности для самореализации за границей, но при этом сталкивались с трудностями реинтеграции¹⁷.

Гендерные и социально-политические факторы дополнительно влияли на доступ к постдокторантской подготовке, что усугубляло существующие неравенства. Отсутствие систематической документации и материалов о международном опыте словенских учёных подчёркивает необходимость дальнейших исследований. Понимание долгосрочных последствий постдокторантской подготовки может значительно способствовать более широкому осмыслению её роли в раз-

¹⁷ *Valentinčič D., Pehar Senekovič A., Zagorc B., Filipovska B., Toplak K., Gostič M., Vižintin M., Ajša Vižintin M., Lukšič Hacin M., Sirk M., Vah Jevšnik M.* Mitigating the consequences of brain drain and strengthening the mechanism of brain circulation. Ljubljana, 2021.

витии исследований, передачи знаний и инноваций как в Словении, так и за её пределами¹⁸.

С учётом текущего состояния исследований я представлю четыре примера постдокторантской подготовки в период от основания Люблянского университета до середины 1960-х годов. В 1964 г. было подписано соглашение между Югославией и США о научном сотрудничестве. Этот договор фактически заложил основу для реализации программы Фулбрайта, которая сегодня является ведущей программой в области постдокторантской подготовки. Получатели этих стипендий внесли значительный вклад в развитие югославского академического сообщества¹⁹.

В то же время данный период характеризуется постепенным утверждением женщин в словенской академической среде. В те годы постдокторантская подготовка за границей ещё не являлась формальным требованием для получения более высокого академического звания, однако она служила важным подтверждением осведомлённости о мировых тенденциях в соответствующих научных дисциплинах, научного превосходства и владения иностранными языками²⁰.

Постдокторантская подготовка в этот период выступала связующим звеном между локальным и глобальным академическим сообществом и существенно способствовала распространению научных инноваций и международных сетей, которые были ключевыми для развития академических институтов в Югославии. Исключением стал период после Второй мировой войны, когда академическая мобильность была сильно ограничена, в первую очередь, по политическим

¹⁸ *Oset Ž. Univerza v Novi Gorici in slovenska akademska skupnost. Nova Gorica, 2020. S. 7–14.*

¹⁹ Digitalni arhiv Fulbrajtovog programa u Srbiji/Jugoslaviji. URL: <https://arhiv.fulbright.org.rs/fulbrajtov-program-u-jugoslaviji/> (дата обращения: 30.1.2025).

²⁰ *Grafenauer B. Življenje univerze od 1945 do 1969 // Petdeset let slovenske univerze v Ljubljani / ur. R. Modic. Ljubljana, 1969. S. 143–168.*

причинам, а также из-за экономических и чисто практических транспортных трудностей²¹.

Ана Майер-Кански (1895–1962)

Ана Майер-Кански родилась в 1895 г. в Ложях близ Випавы. В 1914 г., в возрасте девятнадцати лет, она поступила на философский факультет Венского университета в на очное отделение по специальности химия, но изучала также физику в качестве дополнительного предмета. Учёба не представляла для неё большой трудности, что позволяло ей активно участвовать в студенческой жизни Вены²². Однако завершить обучение в Вене ей не удалось: после окончания Первой мировой войны наблюдался огромный наплыв студентов, возвращавшихся с фронта и стремившихся наверстать упущенное время. В связи с этим австрийское правительство ограничило количество студентов не немецкого происхождения или тех, кто не хотел себя идентифицировать подобным образом²³.

Свое обучение она продолжила в только что основанном Люблянском университете, где, будучи вольнослушательницей, помогала в оснащении Института химии. Параллельно преподавала в Женской гимназии в Любляне. 25 февраля 1920 г. она была официально назначена помощницей ассистента, что потребовало принятия университетской администрацией нового положения о выплатах. Её стипендия

²¹ *Gabrič A.* Znanstvena politika v Sloveniji po drugi svetovni vojni in vloga Antona Peterlina. Anton Peterlin 1908–1993: življenje in delo / ur. V. Bukošek, T. Peterlin Neumaier, J. Strnad, S. Svetina. Ljubljana, 2008. S. 300–312.

²² *Benedetič A.* Portret dr. Anke Mayer-Kansky // Dnevnik. Sobotna priloga. 4.7.1992. S. 13.

²³ *Oset Ž.* Zgodovina Slovenske akademije znanosti in umetnosti: Prizadevanje za ustanovitev Akademije, ustanovitev in njena prva leta. Ljubljana, 2013. S. 42–45.

составляла 600 крон в месяц, что равнялось четверти базовой зарплаты штатного профессора²⁴.

Несмотря на непрофессиональные или неподобающие условия — первым лабораторным столом служили деревянные ящики — под руководством Макса Самеца она за несколько месяцев подготовила докторскую диссертацию «О влиянии формальдегида на крахмал». После публичной защиты, состоявшейся в июне 1920 г., она 15 июля 1920 г. была торжественно удостоена степени доктора философии. Результаты её исследований были опубликованы в авторитетном научном журнале *Kolloidchemische Beihefte* в Дрездене²⁵.

Постдокторантская подготовка как условие академической карьеры

26 октября 1920 г. она была официально назначена ассистенткой в Институте химии Люблянского университета. Руководитель института Макс Самец поставил перед ней условие — для продолжения академической карьеры она должна пройти постдокторантскую стажировку за границей, в престижном институте в Копенгагене, специализирующемся на коллоидной химии. Согласно архивным данным, речь шла о девятимесячной стажировке в Дании, однако принимающий институт неизвестен — возможно, это был либо Институт химии Копенгагенского университета, либо Институт химии Технического университета Дании.

Самец ожидал, что Майер-Кански привезёт с собой новые знания и методы работы, что позволит ей стать самостоятельной, но при этом надёжной сотрудницей института. Исследования в области коллоидной химии были значимыми

²⁴ Arhivsko-muzejska služba Univerza v Ljubljani (AMSU). IV-Splošni spisi, š. 119. Zapisnik seje univerzitetne uprave (26.10.1920).

²⁵ AMSU. IV-Rektorat. Promocijski protokol Univerze v Ljubljani; *Peterlin Neumaier T. Življenjepis Maksa Samca // Maks Samec (1881–1964) Življenje in delo / ur. B. Stanovnik et al. Ljubljana, 2015. S. 37–38.*

как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения их практического применения в пищевой промышленности. Самец стремился к тому, чтобы институт выполнял исследования для внешних заказчиков, включая государственные учреждения и коммерческие компании²⁶.

Отказ от стажировки и академический конфликт

Первоначально Майер-Кански согласилась на стажировку в Дании, поскольку в июне 1921 г. университетская администрация утвердила для неё неоплачиваемый учебный отпуск на 1921/1922 учебный год, а также финансовую поддержку в размере её ассистентской зарплаты. Взамен она должна была взять на себя обязательство работать в Люблянском университете в течение пяти лет после возвращения. Этот пункт был необычным, поскольку к мужчинам-кандидатам такие требования не предъявлялись — они могли получать финансовую поддержку для научных стажировок без обязательств по дальнейшей работе в университете²⁷.

Майер-Кански не приняла предложенных условий, поскольку была против неоплачиваемого отпуска. Тем не менее, она не подала заявление об увольнении и не была официально уволена. Однако из-за отказа от стажировки Самец нанял новую ассистентку, что привело к административному конфликту. В это время Майер-Кански, которая в конце 1921 г. вышла замуж за коллегу Евгения Канского, русского химика на Медицинском факультете, по состоянию здоровья не выходила на работу²⁸.

Попытку разрешить ситуацию предпринял Медицинский факультет, который в феврале 1922 г. предложил перевести Майер-Кански с Технического факультета. Однако Макс

²⁶ *Peterlin Neumaier T. Življenjepis... S. 37–38.*

²⁷ AMSU. IV-Splošni spisi, š. 119. Zapisnik seje univerzitetne uprave (junij 1921).

²⁸ *Ibid.* Zapisnik seje univerzitetne uprave (11, 12.10.1921).

Самец выступил против этого решения, настаивая на том, что она уже потеряла свою должность ассистентки. В результате Медицинский факультет отозвал своё предложение²⁹.

Формально она всё ещё числилась в штате Люблянско-го университета, однако 29 марта 1922 г. университетская администрация получила уведомление о её больничном. 2 июня 1922 г. университет подтвердил её отказ от должности ассистентки. В тот же день был назначен её преемник, что ознаменовало формальное завершение конфликта между Майер-Кански и Максом Самецем³⁰.

Разрыв с академической карьерой и предпринимательская деятельность

Вначале Майер-Кански считалась одной из ключевых сотрудниц Макса Самеца, однако отказ от постдокторантской подготовки из-за неприемлемых для неё условий привёл к конфликту с руководителем института. Самец требовал её увольнения, но она отказалась. После нескольких месяцев неопределённости, официально находясь на больничном, она решила уйти с работы, что фактически означало завершение её академической карьеры.

Вместе с мужем Евгением Канским она основала собственную компанию, специализирующуюся на производстве химической продукции³¹. Таким образом, её академический путь завершился, однако она продолжала работать в области химии, хотя и вне университетских структур. Её случай является важным примером так называемых системных препятствий, с которыми сталкивались женщины-исследователи в начале XX в., а также позволяет взглянуть на более

²⁹ Ibid. Zapisnik seje univerzitetne uprave (10.2.1922).

³⁰ Ibid. Zapisnik seje univerzitetne uprave (2.6.1922).

³¹ *Milenković M.* Ana Mayer Kansky (1895–1962) // *Pozabljena polovica: Portreti žensk 19. in 20. stoletja na Slovenskem / ur. A. Šelih et al.* Ljubljana, 2007. S. 303–307.

широкий контекст развития постдокторантской подготовки в Словении и Югославии.

Альма Содник (1896–1965)

Альма Содник была пионером словенской философии, развивая свою академическую карьеру в один из самых бурных периодов XX в. Родилась в 1896 г. и принадлежала к поколению женщин, которые начали бросать вызов социальным нормам, поступая в высшие учебные заведения и работая в профессиональных сферах, которые традиционно контролировались мужчинами. Её академическая карьера отражает как её интеллектуальный потенциал, так и препятствия, с которыми женщины сталкивались в научном мире того времени³².

Решение изучать философию в недавно основанном Люблянском университете было вызвано личной трагедией — тяжёлое ранение её мужа во время Первой мировой войны и, как следствие, его тяжелое психическое состояние, а также новыми возможностями, которые открыло появление высшего образования в её родном городе. Уже в студенческие годы она стала ассистенткой, а в 1923 г. защитила докторскую диссертацию «Психологический анализ акцента». При подготовке диссертации она неоднократно посещала Австрийскую национальную библиотеку в Вене, что свидетельствует о её склонности к междисциплинарным исследованиям.

На собственные средства она решила поехать в Венский университет, где под руководством Генриха Гомперца (1873–1942), Роберта Райнингера (1869–1955) и Фридриха Кайнца (1897–1977) изучала эстетику. Венская академическая среда оказала значительное влияние на её интеллектуальное развитие и сформировала её методологическую

³² *Žalec B.* Alma Sodnik (1896–1965) // *Pozabljena polovica: Portreti žensk 19. in 20. stoletja na Slovenskem* / ur. A. Šelih et al. Ljubljana, 2007. S. 313.

базу. По возвращении в Люблян у в 1928 г. она опубликовала свою первую научную монографию «Историческое развитие эстетических проблем». Это было фундаментальное исследование о становлении эстетики как философской дисциплины, в котором она анализировала ключевые эстетические концепции от античной Греции до современной философии, а также рассматривала, как эстетические теории отражали более широкие интеллектуальные, социальные и культурные условия различных эпох³³.

В её монографии ясно прослеживается влияние венских наставников. Генрих Гомперц привнёс в её работу исторический подход, подчеркивая роль культурных и социальных факторов в формировании философских идей. Роберт Райнингер способствовал её более глубокому пониманию субъективных переживаний и ценностей, что заметно в её анализе взаимодействия между индивидуальным восприятием и универсальными концепциями эстетики. Фридрих Кайнц, акцентировавший внимание на феноменологии искусства и психологических аспектах эстетических переживаний, повлиял на её исследование исторических и философских течений, формирующих эстетический опыт³⁴.

Постдокторантское обучение и карьера

После подачи заявки на хабилизацию в 1931 г. ей пришлось более года ждать решения о создании комиссии. Когда комиссия наконец была сформирована, ей также была присуждена престижная стипендия Фонда Тёрнера для зарубежного обучения по истории философии в Вене, что стало позитивным сигналом в контексте хабилизации³⁵.

³³ *Markič O.* Alma Sodnik: Filozofinja in žensko vprašanje // Alma Sodnik in njeno filozofsko delo / ur. O. Markič. Ljubljana, 2022. S. 11–16.

³⁴ Ibid.

³⁵ *Oset Ž.* Slovenske znanstvenice in njihove možnosti za akademsko kariero v obdobju Kraljevine SHS/Jugoslavije // *Žensko delo* / ur.

В заявке на стипендию Фонда Тёрнера в мае 1932 г. она запланировала изучение философских источников в библиотеках Берлина и Базеля в зимний семестр, а в весенний семестр — исследование материалов в Париже и Риме (Ватикане). В июне 1932 г. университетская администрация одобрила её учебный план и указала, что стипендия предоставляется ей для «совершенствования знаний в области истории философии и получения за границей той общей и социальной образованности, которая является признаком культурного и образованного человека». В качестве обоснования стипендии было отмечено, что «Философский факультет заинтересован в специалисте с глубокими знаниями в области истории философии». Таким образом, ей дали понять, что после завершения годичного обучения за границей на неё рассчитывают, однако никаких гарантий академического будущего ей не предоставили³⁶.

В январе 1933 г. было вынесено решение о присвоении Альме Содник звания приват-доцента. Руководитель философского отдела Франце Вебер, чтобы иметь возможность сосредоточиться на собственных исследованиях, передал ей значительную часть педагогической нагрузки, что также позволило ей увеличить свой доход, поскольку приват-доценты получали оплату исключительно за проведённые занятия. До лета 1945 г. она оставалась ассистенткой. Возможность для карьерного роста появилась, когда после политической чистки был отправлен на пенсию заведующий философским отделом Франце Вебер. Единственным оставшимся сотрудником отдела стала Альма Содник, и она была назначена его руководителем³⁷.

В 1946 г. она была избрана на должность доцента, в 1951 г. — профессора, а в 1952/53 учебном году заняла пост декана Философского факультета в Любляне. В сборнике к

М. Šorn. Ljubljana, 2015. S. 205.

³⁶ AMSU. IV-Turnerjeva ustanova, š. 190. Št. 367/32.

³⁷ Oset Ž. Slovenske znanstvenice... S. 205–206.

50-летию Люблянского университета в 1969 г. отмечалось, что она «как женщина с трудом прокладывала свою научную карьеру».

Влияние постдокторантской подготовки

Постдокторантская подготовка положительно сказалась на её методологии, широте кругозора, изучении литературы и установлении личных контактов с ведущими исследователями в области истории философии и эстетики. Однако это не сразу повлияло на её академическое продвижение. Ее первые шаги на пути образования, которое она оплачивала из собственных средств, позволили ей опубликовать первую научную монографию и повысить шансы на получение будущих стипендий для поездок и исследований. И лишь годовая стажировка на средства престижной стипендии, предоставленной Люблянским университетом, дала ей возможность сформировать перспективы академической карьеры. Политическое вмешательство в жизнь Люблянского университета летом 1945 г. обеспечило ей формальное продвижение, однако оно также потребовало от неё освоения новых философских направлений³⁸.

В характеристике Содник, составленной в мае 1949 г., отмечалось: «Она занимается изучением источников по общей и специальной истории философии. По этой теме ею опубликован ряд статей и монографий. Если раньше её исследования основывались на идеалистических принципах, то теперь она прилагает серьёзные усилия, чтобы излагать материал своих лекций, которые отличаются высокой системностью и тщательной подготовкой, с диалектической точки зрения. В этой связи она знакомится со всей доступной советской литературой. В послевоенные годы она значительно продвинулась в овладении марксистской теорией. По отношению к студентам достаточно требовательна, но при

³⁸ Arhiv Republike Slovenije (ARS). AS 1931, serija II, št. 26. S. 50195-6.

этом всегда готова оказать им поддержку в учебном процессе — как в рамках семинаров, так и в ходе индивидуальных консультаций. <...> Современную социальную реальность оценивает положительно и стремится корректно следовать нашей линии»³⁹.

После того как она наконец получила академическую должность, ей пришлось адаптировать свои методы и внедрять новые методологические подходы, в то время как методы, освоенные в рамках постдокторантской подготовки, стала использовать реже.

Людмила Долар-Мантуани (1906–1988)

Людмила Долар, в замужестве Мантуани, изучала геологию в Люблянском университете, где в июне 1929 г. получила диплом, а в 1935 г. успешно защитила докторскую диссертацию. Сразу после окончания учебы она отправилась на стажировку в Рим, где обучалась в престижной Королевской инженерной школе (Regia Scuola di Ingegneria). Это образование сыграло ключевую роль в углублении её профессиональных знаний в области геологии и инженерных наук и подготовило её к выдающейся карьере⁴⁰.

Во время пребывания в Риме она специализировалась на инженерной геологии, сосредоточившись на практическом применении геологических принципов в строительных и инфраструктурных проектах. Итальянская геологическая и инженерная традиция, которая в то время была высоко ценима в Европе, позволила ей получить ценные знания в таких ключевых областях, как гидроэнергетика, горное дело и городская инфраструктура. Кроме того, она нала-

³⁹ ARS. AS 1589, IV, š. 4483, Sodnik Alma.

⁴⁰ Oset Ž. Slovenske znanstvenice... S. 206–211; Brenčič M. Dr. Ljudmila Dolar Mantuani: Geologinja, paleontologinja, svetovno znana strokovnjakinja za petrologijo betonov // Nepozabljena Klasična gimnazija Maribor / H. Pušnik, A. Šelih et al. Maribor, 2023. S. 310–311.

дила профессиональные связи с ведущими итальянскими геологами и инженерами, что существенно повлияло на её дальнейшую работу⁴¹.

На выбор места стажировки повлиял её муж Йозеф Мантуани, итальянский гражданин и представитель австрийских компаний в Любляне, за которого она вышла замуж в июле 1930 г. После нескольких месяцев в Риме она вернулась в Люблян и стала преподавателем в средней школе. Однако в июне 1932 г. она потеряла работу и полностью посвятила себя подготовке докторской диссертации. Она стала неофициальной «частной ассистенткой» русского профессора Василия Васильевича Никитина (1867–1942), заведующего Минералого-петрографическим институтом Люблянского университета⁴².

Начало научной карьеры в Словении

Ещё до защиты докторской диссертации «Соотношение между тоналитами и аплитами Похорского массива» в мае 1935 г. Долар-Мантуани подала заявку на стипендию Тёрнера, но не получила её. В заявке она выразила желание специализироваться на исследовании минералов с использованием рентгеновских лучей у профессора Уильяма Брэгга (1862–1942) в Манчестере и изучать метаморфические породы Похорского массива у профессора Поля Ниггли (1888–1953) в Цюрихе⁴³.

После защиты диссертации она недолго работала на Техническом факультете Люблянского университета, но её зарплата была очень скромной. В марте 1937 г. Мини-

⁴¹ *Duhovnik J.* Dolar Mantuani, Ljudmila // Enciklopedija Slovenije: 2 / ur. M. Javornik. Ljubljana, 1988. S. 284; *Brenčič M.* Ljubljanska geološka šola. Zgodovina poučevanja geologije na Univerze v Ljubljani. Ljubljana, 2019. S. 230–236.

⁴² *Oset Ž.* Slovenske znanstvenice... S. 207–208.

⁴³ AMSU. VII-78, Dr. Mantuani-Dolar Ljudmila, št. 19.

стерство просвещения назначило её приват-доцентом при кафедре инженерной геологии, минералогии и петрографии в Люблянском университете. Её материальное положение улучшилось только в мае 1940 г., когда она была назначена доцентом, получив постоянную работу, экономическую независимость и условия для научных исследований⁴⁴.

Это назначение существенно повлияло на её личную жизнь, поскольку в том же месяце она рассталась с мужем. В официальном заявлении, в котором она просила выплату личного пособия, причиной были указаны «семейные разногласия», однако подробности неизвестны. Тем не менее, спустя несколько месяцев они воссоединились, и в декабре 1941 г. у них родился сын Марко⁴⁵.

Весной 1945 г. из-за слухов о том, что её муж сотрудничал с итальянскими разведслужбами, она решила покинуть Словению вместе с сыном. Она подала прошение о трёхмесячном отпуске по болезни, который должен был быть утверждён ректором Люблянского университета и одобрен немецкими оккупационными властями. Официальный ответ неизвестен, но факт остаётся фактом: через Италию и Швейцарию она направилась в Канаду⁴⁶.

В Канаду Людмила Долар-Мантуани привезла с собой богатый багаж знаний, полученный во время многолетнего обучения в Европе. Её стажировка в Риме и ранний профессиональный опыт в Словении позволили ей внести значительный вклад в развитие инженерной геологии своей новой родины. Она специализировалась на оценке геологических условий для инфраструктурных проектов, включая горнодобывающую промышленность, гидроэлектростанции и городское строительство. Особое значение имели её геологи-

⁴⁴ Ibid. IV-Rektorat, mapa 10/149, št. 54/40 pr in 170/40 pr.

⁴⁵ Ibid. IV-Rektorat, mapa 10/149, ovoj Fil. fak., št. 2977.

⁴⁶ Ibid. IV-Rektorat, mapa 10/149, št. 274-1/45.

ческие оценки стабильности грунтов и пород, которые играли ключевую роль в проектировании и реализации крупных инфраструктурных проектов. Её работа в гидроэнергетических проектах оказалась во многом революционной. Её знания в области механики горных пород и классификации грунтов обеспечили стабильность и долговечность дамб и других гидротехнических сооружений⁴⁷.

Она сотрудничала с ведущими инженерными компаниями и государственными агентствами, где зарекомендовала себя в качестве высокоточного и знающего специалиста. Помимо консультирования, активно занималась наставничеством молодых геологов и инженеров, подчёркивая важность образования: «Будущее геологии в руках тех, кого мы сегодня вдохновляем». Как женщина в сфере точных наук, где в основном доминировали мужчины, она сталкивалась с трудностями, но благодаря упорству и профессионализму добилась признания. «В науке говорят результаты, а не пол исследователя», — подчёркивала она.

Её научные публикации и доклады на международных конференциях способствовали развитию методологии инженерной геологии, особенно в области классификации грунтов и оценки геологических рисков⁴⁸.

Людмила Долар-Мантуани оставила неизгладимый след в развитии инженерной геологии. Её работа сыграла ключевую роль в строительстве крупных инфраструктурных проектов, а также в теоретическом развитии дисциплины. Она говорила: «Ответственность геолога — сделать так, чтобы прогресс не шёл в ущерб стабильности — как почвы, так и общества»⁴⁹.

Хотя Долар-Мантуани не проходила классической пост-докторантской подготовки, её переезд из Любляны и начало

⁴⁷ *Duhovnik J.* Dolar-Mantuani, Ljudmila... S. 284.

⁴⁸ *Dolar-Mantuani L.* Handbook of concrete aggregates, a petrographic and technological evaluation. Park Ridge, 1983. P. 7–9.

⁴⁹ *Ibid.*

академической карьеры в Канаде можно рассматривать как новый этап научной карьеры. Её быстрая адаптация в новой академической среде стала возможной благодаря её исключительной профессиональной подготовке и открытому исследовательскому климату канадских университетов.

Бибиана Чуйец (1926–2022)

Бибиана Чуйец (1926–2022) после окончания средней школы осенью 1945 г. поступила на факультет философии Люблянского университета, где изучала математику и физику, получив диплом в 1950 г. Она выбрала этот путь, поскольку профессия преподавателя была более доступной для выпускниц, чем академическая карьера, а также обеспечивала лучшие перспективы трудоустройства и меньший идеологический и политический контроль со стороны властей по сравнению с гуманитарными науками⁵⁰.

После окончания университета по приглашению профессора Антона Петерлина, заведующего Физическим институтом Словенской академии наук и искусств (с 1952 г. — Институт Йозефа Штефана, с 1954 по 1991 г. — Ядерный институт Йозефа Штефана, с 1991 г. — Институт Йозефа Штефана), она устроилась на работу в институт в качестве библиотекаря и исследовательницы, занимавшейся фотонуклеарными реакциями. В соответствии с политикой Петерлина, который настаивал на обязательной стажировке за пределами Югославии, в 1954 г. Чуйец отправилась на шестимесячное обучение в Лундский университет (Швеция), где изучала методику ядерных эмульсий. Петерлин, обладая обширными связями с учеными Европы, специализирующимися по ядерной физике, сумел организовать ей стипендию⁵¹.

⁵⁰ *Oset Ž. Bibijana Čujec. Slovenska biografija.* URL: <https://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi1021810/> (дата обращения: 30.1.2025).

⁵¹ *Čujec B. Spomini na prva leta Instituta // Pripovedi o IJS. Ob 50-letnici Instituta »Jožef Stefan« / ur. M. Osredkar. Ljubljana, 2000.*

В Лундском университете она занималась исследованиями элементарных частиц в космических лучах и фотоядерных реакций с использованием ускорителя-бетатрона. По возвращении в Люблян у она продолжила исследования в Институте Йожефа Штефана, где в 1954 г. был установлен бетатрон, создававший гамма-кванты с максимальной энергией 32 МэВ. Чуйец сначала анализировала разрушение ядер углерода и кислорода, содержащихся в самой эмульсии. Она обнаружила характерные трёхлучевые звёзды, возникающие при распаде углерода на три α -частицы, что позволило определить кинетическую энергию частиц и вычислить энергию фотонов, вызвавших реакцию. Аналогично она анализировала четырёхлучевые звёзды, характерные для распада кислородных ядер на четыре α -частицы⁵².

На основе работы в Лунде и Любляне она опубликовала два научных труда: «Comparison of the Methods for Mass Determination Based on the Range-Ionization Measurement»⁵³ и «On the Angular Distribution of the Particles of Photodesintegrated Carbon»⁵⁴.

Докторская степень и начало международной карьеры

После возвращения в Люблян у в 1956 г. Чуйец вышла замуж и продолжила исследовать фотоядерные реакции, сосредоточившись на изучении взаимодействия фотонов с бериллием в эмульсиях. Осенью 1959 г. она защитила

S. 84–86.

⁵² *Čujec B.* Beyond. Life of a nuclear physicist, wife and mother. Victoria, 2012. P. 60–69.

⁵³ *Čujec B.* Comparison of the Methods for Mass Determination Based on the Range-Ionization Measurement // Reports J. Stefan Institute Ljubljana. 1955. Br. 2. P. 39–45.

⁵⁴ *Čujec B., Havliček F. I.* On the Angular Distribution of the Particles of Photodesintegrated Carbon // Reports J. Stefan Institute Ljubljana. 1955. Br. 2. P. 73–76.

докторскую диссертацию «Фотоядерные реакции с особым акцентом на модель Уилкинсона», в которой исследовала реакции $^{12}\text{C}(\gamma, 3\alpha)$, инициируемые тормозным излучением. В своей работе она подтвердила гипотезу Уилкинсона, согласно которой фотон взаимодействует с одним из протонов в ядре, переводя его на более высокий энергетический уровень, откуда он либо испускается, либо вступает в дальнейшее взаимодействие с ядром⁵⁵.

В 1959 г. Институт Йозефа Штефана столкнулся с кадровыми и финансовыми изменениями, связанными с сокращением финансирования от Федеральной комиссии по ядерной энергии и отъездом Антона Петерлина в Германию, а затем в США. Новое руководство института ориентировало научную деятельность на прикладные исследования и сотрудничество с промышленностью, предлагая учёным искать финансирование в частных компаниях и заниматься преподавательской деятельностью в Люблянском университете⁵⁶.

Чуйец подала заявку на получение должности доцента в университете, но ответа не последовало. Из-за переезда её мужа в Западную Германию и его решения не возвращаться в Югославию она вместе с двумя детьми эмигрировала к нему в 1961 г. В том же году она получила стипендию для проведения исследований в Лаборатории радиации Питтсбургского университета (1961–1963 гг.)⁵⁷.

Постдокторантская подготовка в Питтсбурге

В 1960-х годах Питтсбургский университет был ведущим центром ядерных исследований, отражая глобальный интерес к ядерной энергии и её применению в медицине⁵⁸. В

⁵⁵ Ibid. P. 65–69.

⁵⁶ Ibid. P. 69.

⁵⁷ Ibid. P. 89–90.

⁵⁸ *Oset Ž. Bibijana Čujec...* (см. сноску 50).

этот период Чуйец опубликовала три статьи в престижном журнале *Physical Review* (Нью-Йорк).

После завершения постдокторантской подготовки она планировала вернуться в Югославию, где жили её родители, однако её муж отказался возвращаться. В 1963 г. Чуйец приняла предложение продолжить научную карьеру в Канаде, став сотрудницей Университета Альберты (Эдмонтон). В 1964 г. она получила профессорскую должность в Университете Лавала (Квебек), где работала до выхода на пенсию в 1993 г.⁵⁹

Помимо преподавания, Чуйец продолжала заниматься научной работой, сотрудничая с Келлоговской радиационной лабораторией Калифорнийского технологического института и ЦЕРН (Европейский центр ядерных исследований), что способствовало росту её международного авторитета. Исследования Чуйец оказали значительное влияние на развитие учебных программ в Университете Лавала и на поощрение женщин заниматься профессионально естественными науками⁶⁰.

Из её биографии ясно, что решение о постдокторантском обучении за границей было связано не только с научными амбициями, но и с желанием совместить карьеру и семейную жизнь. Из-за политических и личных обстоятельств Чуйец продолжила работу за границей, добившись международного признания, став примером для будущих поколений женщин-учёных в области астрофизики и ядерной физики.

Заключение

Постдокторантская подготовка является ключевым этапом в академическом развитии каждого ученого, поскольку

⁵⁹ *Čujec B., Havlíček F. I. On the Angular Distribution of the Particles of Photodesintegrated Carbon... P. 89–146.*

⁶⁰ *Oset Ž. Bibijana Čujec... (см. сноску 50).*

она способствует профессиональному развитию, приобретению новых навыков, знакомству с последними научными достижениями и работе в меритократической среде.

Представленные примеры иллюстрируют разнообразие жизненных путей женщин-учёных. В случае Аны Майер-Кански отказ от постдокторантской подготовки привёл к конфликту с руководителем Химического института и, по сути, положил конец её академической карьере. Вероятно, Макс Самец предоставил Майер-Кански уникальную возможность, однако, не получив её согласия, разочаровался и прекратил с ней профессиональные отношения. Сама Майер-Кански предпочла академическим амбициям стабильную личную жизнь, посвятила себя семье и основала успешное предприятие.

У Алмы Содник заметно исключительное стремление к академической карьере, поскольку она была готова самостоятельно финансировать длительное пребывание в Вене. Получение стипендии Тёрнера на продолжительную постдокторантскую подготовку указывало на реальную возможность ее академического будущего. Однако полностью реализовать себя она смогла после политической трансформации Люблянского университета в 1945 г. В этот момент она осознала, что её знания, полученные в ходе постдокторантской подготовки, не совсем соответствовали новым социально-политическим ожиданиям, поэтому ей пришлось начать изучать литературу классиков марксизма-ленинизма.

Людмила Долар-Мантуани начала новую академическую карьеру за границей после того, как в апреле 1945 г. покинула Люблян по соображениям безопасности. Ее опыт показывает, что постдокторантская подготовка может быть также частью вынужденной академической мобильности. Подобная ситуация была у Бибианы Чуйец, которая после защиты докторской диссертации не получила гарантий дальнейшего развития своей академической карьеры, хотя могла остаться работать в Ядерном институте имени Йозефа

Штефана. Она решила переехать к мужу за границу, чтобы сохранить семейную жизнь. После завершения постдокторантской подготовки в Питтсбурге ей пришлось искать новое академическое учреждение, и она выбрала Канаду, где, как и Долар-Мантуани, добилась академического успеха.

Эти четыре примера показывают, что постдокторантская подготовка за границей не обязательно гарантировала научную карьеру в словенской академической среде, но предоставила учёным возможность интеллектуального и культурного обогащения. Семейная жизнь значительно влияла на их решения о постдокторантской подготовке, причем до Второй мировой войны часто приходилось выбирать между академической карьерой и семьей. После войны эти модели начали меняться, причем за границей быстрее, чем в Югославии. Стремление к академической карьере было чем-то исключительным, поэтому некоторые учёные, такие как Содник и Долар-Мантуани, были готовы самостоятельно финансировать свою постдокторантскую подготовку и терпеливо ждать назначения на профессорскую должность.

Ю. А. Созина

Тютчевский образ женщины в словенских поэтических переводах

Yu. A. Sozina

Tyutchev's image of a woman in Slovenian poetic translations

Аннотация: В Словении наследие Ф. И. Тютчева было особо значимо в период подъема идеи взаимности славянских народов и их культур, на рубеже XIX–XX вв. Первое упоминание его имени в словенской периодике относится к 1871 г. В 1893 г. опубликованы первые поэтические строки Тютчева внутри повести Иво Трошта «Среди волн жизни». Для словенцев Тютчев остается в первую очередь певцом природы, натурфилософом, представителем «чистого» искусства, предвестником русского символизма. То, что именно ему принадлежат едва ли не первые в истории русской лирики психологически выверенные образы женщин с чутким отношением к их живому психологическому «я», не привлекло пристального внимания словенских литераторов. О нем писали И. Лах, И. Приятель, Й. Видмар, Я. Лаврин, Н. Зайц и др. Выборочно его переводили А. Ашкерц, И. Приятель, Й. Видмар, Р. Робич. Возможно, его наследие еще ждет своего более полного словенского воплощения; но также возможно и то, что словенская литература уже выбрала из него для себя то важное и сокровенное, что поддержало её в ходе развития. «Мировая душа» Тютчева в свое время оказалась словенцам ближе, чем его образы живых женщин и любовь как «поединок роковой». Трижды на словенский язык переведена «Весенняя гроза» — классическое стихотворение, дарящее легкость, радость и свежесть восприятия, где упоминается лишь Геба, богиня цветущей юности.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, мировая душа, образ женщины, словенская литература, восприятие поэзии Золотого века Словении.

Annotation: In Slovenia, Fyodor Tyutchev's legacy was particularly significant during the rise of the idea of reciprocity between Slavic peoples and their cultures, at the turn of the 19th and 20th centuries. The first mention of his name in Slovenian periodicals dates back to 1871. In 1893, Tyutchev's first poetic lines were published inside Ivo Trosht's novella "Among the Waves of Life". For Slovenes, Tyutchev remains primarily a singer of nature, a natural philosopher, a representative of "pure" art, and a harbinger of Russian symbolism. The fact that he is the author of perhaps the first psychologically verified images of women in the history of Russian poetry with a sensitive attitude to their living psychological selves did not attract the close attention of Slovenian writers. I. Lakh, I. Prijatelj, J. Vidmar, J. Lavrin, N. Zaits and others wrote about him. He was selectively translated by A. Ashkerts, I. Pal, J. Vidmar, R. Robich. Perhaps his legacy is still waiting for its more complete Slovenian incarnation; but it is also possible that Slovenian literature has already chosen for itself that important and intimate thing that supported it in the course of its development. Tyutchev's "world soul" at one time turned out to be closer to Slovenes than his images of living women and love as a "fatal duel". "Spring Thunderstorm" has been translated three times into Slovenian, a classic poem that gives lightness, joy and freshness of perception, where only Hebe, the goddess of blooming youth, is mentioned.

Keywords: F. I. Tyutchev, the world soul, the image of a woman, Slovenian literature, the perception of poetry of the Golden Age in Slovenia.

Федор Иванович Тютчев (1803–1873), оставивший сравнительно небольшое поэтическое наследие, тем не менее считается одной из первых величин русской поэзии, одним из наиболее значительных представителей ее Золотого века. Публикации его стихов А. С. Пушкиным и И. С. Тургеневым, положительные отклики А. П. Майкова, Н. А. Некрасова, В. С. Соловьева, А. А. Блока, В. Я. Брюсо-

ва и других вывели его имя на российский литературный Парнас, хотя сам он не слишком заботился о том, что принято называть поэтической славой. Оба его прижизненных сборника (1854 г. и 1868 г.) были собраны и подготовлены без его непосредственного участия.

Н. А. Добролюбов в статье «Темное царство» (1859 г.) отмечал, что Тютчеву доступны «и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни». М. П. Погодин в своем «Воспоминании о Ф. И. Тютчеве» (1873 г.) писал: «...имев случаи познакомиться короче с его задушевными мыслями, услышав его мнения, я удостоверился, что никто в России не понимает так ясно, не убежден так твердо, не верит так искренно в ее всемирное, общечеловеческое призвание, как он». Современники отмечали в нем верный взгляд, ясную мысль, живое чувство, разнообразные, обширные познания.

Зарубежные славяне, в том числе и словенцы, пристально следившие за культурной жизнью России, знали Тютчева и любили его творчество. В Словении его наследие было особо значимо в период подъема идеи взаимности славянских народов и их культур, на рубеже XIX–XX вв. Первое упоминание его имени в словенской периодике относится к 1871 г.¹ В 1893 г. внутри повести Иво Трошта «Среди волн жизни» появляются первые поэтические строки Тютчева на словенском — начало стихотворения «Не то, что мните вы, природа...», опубликованного Александром Пушкиным в своем «Современнике» в 1836 г.² В 1901 г. семь его стихотворений в переводах Антона Ашкерца (1856–1912) и Ива-

¹ См.: *Созина Ю. А.* Встречи с Тютчевым. По страницам словенской периодической печати XIX века // Роль России в распространении знаний о славянстве. М., 2019. С. 263–273.

² *Dovravec.* Med valovi žibljenja // Dom in svet. L. VI. 1893. Št. 8. S. 357.

на Приятеля (1875–1937) включены в «Русскую антологию в словенских переводах».

Вместе с тем опубликованных переводов лирики Тютчева на словенский язык существует немного. Кое-что в периодике (зачастую отдельные фрагменты, используемые как цитаты) и всего два поэтических сборника (оба опубликованы в Любляне). В 1951 г. в «Государственном издательстве Словении» (*Državna založba Slovenije*) отдельной книгой под незатейливым названием «Стихи»³ вышли 66 переводов Йосипа Видмара (1895–1992). Через полвека, к 200-летию юбилею русского поэта, в 2003 г., самиздатом — еще 25 переводов Руди Робича под названием «Лирические стихи» (параллельно на двух языках).

Антология 1901 г. и оба сборника обходят вниманием гражданскую лирику поэта, в том числе и касающуюся славянского вопроса. Тем не менее и эта сторона творчества русского поэта присутствует в словенской литературе и впервые туда была введена писателем Иваном Лахом (1881–1938), опубликовавшем большую юбилейную статью «Тютчев и Хомяков. К столетию двух русско-славянских поэтов» в журнале *Dom in svet* (1904)⁴, которая содержит обильные цитаты из стихотворений обоих⁵. Статья Лаха, как, впрочем, и дру-

³ Широко освещавшийся в периодике, этот труд претерпел и конструктивную критику одного из знаменитых словенских поэтов Тоне Павчека (1928–2011): *Pavček T. Poezija v prevodih // Beseda: revija za književnost in kulturo. Ljubljana, 1953. Št. 53. S. 23–29*. В частности, Павчек пишет: «По переводам Видмара видно, что они — продукт не поэта, у которого, однако есть солидные знания о поэтической технике, и который даже весьма точен в содержательном плане переводов, но в них нет настоящей силы, чтобы прожить оригинал и это переживание перенести в равные по силе словенские стихи. Его слова без жизни и стихи без огня».

⁴ *Lah I. Tjutčev in Homjakov // Dom in svet. L. 17. 1904. Št. 5. S. 273–279; Št. 6. S. 360–366*.

⁵ Подробнее см.: *Созина Ю. А. Встречи с Тютчевым...; Созина Ю. А. Поэтическое и духовное наследие А. С. Хомякова в словенской периодике второй половины XIX – первой половины XX в. // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 275–287*.

гие публикации подтверждают, что произведения Тютчева были хорошо известны в Словении, хотя и не переводились. Словенские интеллектуалы могли познакомиться с ними и в переводах на другие европейские языки, и в оригинале.

В частности, поэт Алойз Градник (1882–1967) рассказывал в интервью (беседах), данных литературоведу Марье Боршник (1906–1982), что его друг историк и юрист Богумил Вошняк (1882–1955) из своих путешествий зачастую приводил ему книги:

«Так он мне привез, например, из России Тютчева и Лермонтова — первые поэты, которых я мог читать в русском оригинале.

— Лермонтов вам сильно прикипел к сердцу?

— Еще в большей степени Тютчев своею простосердечностью.

<...>

Русских авторов я читал в словенских и немецких переводах. В оригинального Тютчева я так углубился, что уже тогда кое-что даже перевел, только переводы эти мною утеряны»⁶.

Нет уверенности, что на основании этих воспоминаний Градника можно отнести к числу переводчиков Тютчева, однако сам факт примечательный.

На сегодняшний день в государственных библиотеках Словении хранятся экземпляры 15 изданий поэтических сборников Тютчева, начиная с 1921 г.

В своих литературоведческих и критических работах Тютчева упоминают такие видные словенские писатели, как Фран Левстик (1831–1887), Эвген Лампе (1874–1918), Борис Патерну (1926–2021) и многие другие. Специальные научные исследования Тютчеву посвятили Иван Приятель, Янко Лаврин (1887–1986), Йосип Видмар, Нежа Зайц (р. 1979).

Наряду с тончайшими изображениями природы, философскими размышлениями и общественно-политическими

⁶ *Boršnik M. Pogovori s pesnikom Gradnikom. Človek in družba // Nova obzorja. L. VI. Maribor, 1953. Št. 10. S. 567–586.*

высказываниями, Тютчев оставил яркие образцы любовной лирики, в том числе признанные шедевры («О, как убийственно мы любим...», «Я встретил вас и все былое...»). На словенский язык переведена лишь часть из них. Даже знаменитый так называемый «Денисьевский цикл» переведен лишь частично. Если же сузить тему исследования до тютчевских стихотворений, где появляется образ женщины, то таких оказывается еще меньше.

В «Русской антологии в словенских переводах» только два из семи стихотворения, оба в переводе Приятеля. Видмар в свой сборник включает всего девять таких переводов. Больше всего к женской теме тяготеет Робич, у которого в шестнадцати из двадцати пяти произведений появляется дама.

Полный список этих произведений (в алфавитном порядке) таков:

- «15 Июля 1865 г.» (1951 г.),
- «Cache-cache» (1951 г.),
- «Весь день она лежала в забытьи...» (1901 г., 2003 г.),
- «Двум сестрам» (2003 г.),
- «День вечереет, ночь близка...» (1951 г.),
- «Есть и в моем страдальческом застое...» (1951 г.),
- «Еще томлюсь тоской желаний...» (1951 г., 2003 г.),
- «K N. N.» (2003 г.),
- «К. Б.» («Я встретил Вас и все былое...») (2003 г.),
- «Накануне годовщины 4 Августа 1864 г.» (1951 г., 2003 г.),
- «Не верь, не верь поэту, дева...» (2003 г.),
- «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1951 г., 2003 г.),
- «Не раз ты слышала признание...» (2003 г.),
- «О, не тревожь меня укорой справедливой!..» (1951 г.),
- «О, этот юг! О, эта Ницца!..» (1951 г.),
- «Она сидела на полу...» (1901 г., 1953 г.⁷, 2003 г.),

⁷ В 1953 г. «Словенска Матица» во втором томе «Избранных эссе и исследований Ивана Приятеля» поместила его статью «Тютчев», содержащую несколько иную версию перевода этого

- «Последняя любовь» (2003 г.),
«Русской женщине» (2003 г.),
«Сегодня, друг, 15 лет минуло...» (2003 г.),
«Сей день, я помню, для меня...» (2003 г.),
«Сижу задумчив и один...» (1951 г.),
«Сияет солнце, воды блещут...» (2003 г.).

Наибольший интерес вызывают несколько стихотворений, которые оказались переведены дважды, а именно: «Еще томлюсь тоской желаний...» (1848 г.; Видмар, Робич); «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1851 г.; Видмар, Робич); «Она сидела на полу...» (1858 г.; Приятель — две версии, Робич); «Весь день она лежала в забытьи...» (1864 г.; Приятель, Робич); «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (1865 г.; Видмар, Робич). Все принадлежат к зрелому периоду творчества Тютчева, когда он уже вернулся в Петербург. Приводим эти переводы (с оригиналами — для сравнения) в качестве приложения к настоящей статье.

При внимательном взгляде на выборку переводов и даты их публикаций создается устойчивое впечатление, что женские образы в поэзии Тютчева не особо вдохновляли словенских литераторов конца XIX — середины XX в. Подлинное понимание яркости и глубины этих образов приходит позже. Даже в появлении двух версий стихотворения «Она сидела на полу...» у Ивана Приятеля наглядно демонстрирует специфическое отношение к роли женщины в словенском обществе на рубеже XIX и XX столетий. Кроме некоторых незначительных замен (!/) и перестановок (в начале 4-й строфы), главным и принципиальным отличием версий стало самое начало стихотворения. В варианте, опубликованном в 1901 г., женщина не могла сидеть на полу, поэтому в антологии под редакцией Антона Ашкерца она сидит за столом (ср.: *Pri mizi mrak jo je objel / Na tleh jo mrak je bil objel*).

стихотворения. К сожалению, в настоящее время мы не можем идентифицировать дату создания этой работы, появившейся, естественно, до 1937 г. — года кончины литератора.

Вспомним, что еще совсем недавно в Любляне на площади был сожжен почти весь тираж поэтического сборника Ивана Цанкара (1876–1918) «Эротика», впервые вышедший в 1899 г. и переизданный с некоторыми изменениями в 1902 г. — для великого словенского поэта «эта публикация была одновременно и политическим жестом, и прощанием с лирикой»⁸.

В своей статье о Тютчеве, однако, Иван Приятель удивляется, что «у такого нежного лирика так мало эротических стихотворений. Возможно, они не дошли до нас <...>. Все, что можно выбрать из сохранившихся для нас любовных стихотворений, только то, что ему его юношеские симпатии к женщине приносили только муки и потери»⁹. И дальше приводит начало стихотворения «О, как убийственно мы любим...»: *O kako ubijalsko mi ljubimo, kako v besni slepoti strasti sigurno pogubljamó to, kar je našemu srcu najmilejšé*. Здесь же словенский литературовед упоминает о «знаменитом и волшебном» чувстве русского поэта, приводя в подстрочнике начало и в поэтическом переводе начало и самый финал стихотворения «Последняя любовь» («О как на склоне наших лет...»): *O kako na zatónu naših let mi ljubimo nežneje in skrbneje, sijaj, sijaj svetloba slovesa, ljubezni poslednje, zarje večerne* — и:

*Kako v zatónu naših dni
bolj nežna je ljubav, bolj lahkoverna,
le sveti poslovilni sij,
ljubezni zadnje zarja ti večerna.
O ti ljubezen poznih let,
vir blaženstva si in obupa!*

⁸ Созина Ю. А. Словенский классик Иван Цанкар // Материалы для виртуального музея славянских культур. Выпуск 1. М., 2020. С. 268–274. — https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_cankar.pdf.

⁹ *Prijatelj I. Tjutčev* // *Izbrani eseji in razprave Ivana Prijatelja*. Knj. II. Ljubljana, 1953. S. 160.

В переводе Руди Робича (2003 г.) эти же строки звучать так:

*O, še kako na stare dni
bolj nežno ljubimo in praznoverno...
Naj traja poslovilni svet
ljubezni zadnje, svetlega večera!
<...>
O ti, šepet ljubezenski!
Ti si brezupna – blaženost.*

Примечательно то, что классическое стихотворение Тютчева «О, как убийственно мы любим...» у словенцев так и осталось непереуведенным.

Правда, в 1979 г. в десятой главе «Фёдор Тютчев» книги «Панорама русской литературы» Янко Лаврин, говоря об этом стихотворении как о вершине любовной лирики поэта, вновь приводит в подстрочнике небольшой отрывок начала стихотворения¹⁰: *Oh, kako ubijalsko ljubimo! Kako v brezobzirni slepi strasti zanesljivo rušimo vse, kar je dragega našemu srcu!* — Вполне возможно, что Лаврин не был знаком с работой Приятеля, а возможно, намеренно «уточняет» его подстрочник. Остальные цитаты Лаврин последовательно приводит в переводах Видмара.

Отметим также и то, что первоначально монография вышла в 1973 г. на английском языке¹¹, поскольку Лаврин большую часть жизни провел за границей. Уехав в 1907 г. из Словении (Австро-Венгрии), он с 1908 г. живет в России, но после Октябрьской революции переселяется Великобританию и с 1921 г. обосновывается в Ноттингемском университете, где преподает русский язык и литературу. Научных и литературных связей с родиной Лаврин не терял, в 1957 г. ему присуждают звание члена-корреспондента Словенской

¹⁰ *Lavrin J.* Panorama ruske literature. Ljubljana, 1979. S. 120.

¹¹ *Lavrin J.* A Panorama of Russian Literature. London, 1973. P. 325.

академии наук и искусств. Однако на него слишком повлияли и Россия, и англоязычный мир, чтобы было возможным говорить о сохранении исконной словенской идентичности этого исследователя.

Пожалуй, именно Янко Лаврин по-настоящему открывает словенскому читателю великую «последнюю любовь» Федора Ивановича Тютчева, подарившую великолепные образцы лирической поэзии. В упомянутой десятой главе (параграф 4) целиком приводятся стихотворения «День вечереет, ночь близка...» (1851 г.), «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1852 г.), а также 1-я, 2-я и 5-я строфы (из семи) «Есть и в моем страдальческом застое...» (1865 г.).

Появление сборника переводов, выполненных Руди Робичем, в своем роде было неизбежным, ведь именно любовной лирике и образу женщины переводчик-составитель уделил особое внимание.

И все-таки на словенский язык переведено далеко не всё, что действительно достойно перевода. Это и большая часть «Денисьевского цикла», и стихи дочери «Не знаю я, коснется ль благодать...», и «космического» звучания «Я знал ее еще тогда...»¹² (1861 г.), и многое другое. Опять же легкость слога переводов и их соответствие поэтической глубине подлинника иногда вызывают сомнения (впрочем, это тема для отдельного исследования).

Федор Иванович Тютчев для словенцев остается в первую очередь певцом природы, натурфилософом, представителем «чистого» искусства, предвестником русского символизма. То, что именно ему принадлежат едва ли не первые в исто-

¹² «Космическое» звучание этого стихотворения подчеркивал Д. С. Дарский, в частности, писавший: «Среди русских поэтов нет другого, кто бы с одинаковой полнотой испытал те верховные состояния, которые выше были обозначены именем космического чувства», — при этом имея в виду, что «она» — это «мировая душа» (Дарский Д. С. Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. М., 1914. С. VIII).

рии русской лирики психологически выверенные образы женщин¹³ с чутким отношением к их живому психологическому «я», не привлекло пристального внимания словенских литераторов. Впрочем, еще в 1901 г. Иван Приятель своим выбором на перевод двух именно такого рода стихотворений («Весь день она лежала в забытьи...» и «Она сидела на полу...») интуитивно выделил на эту особенность зрелой поэзии русского гения. Возможно, его наследие еще ждет своего более полного словенского воплощения; но также возможно и то, что словенская литература уже выбрала из него для себя то важное и сокровенное, что поддержало её в ходе развития. «Мировая душа» Тютчева в свое время оказалась словенцам ближе, чем его образы живых женщин и любовь как «поединок роковой» («Предопределение»). Именно поэтому и в «Русской антологии в словенских переводах», и у Йосипа Видмара, и у Руди Робича представлена «Весенняя гроза» (*Pomladna nevihta / Spomladansko neurje*) — классическое стихотворение, дарящее легкость, радость и свежесть восприятия, где упоминается лишь Геба, богиня цветущей юности.

Приложение

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,

¹³ Предшествовал им только пушкинский образ Татьяны, раскрывающийся в ее письме, из романа «Евгений Онегин».

Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848 г.

* * *

Še muči želj me bolečina,
še v duši k tebi hrepenim
in v mraku svojega spomina
podobo tvojo še lovim,
podobo nepozavno, nežno...
Pred sabo jo imam vse dni,
večno enako, nedosežno
kot zvezda, ki z neba žari.

[Vidmar]

* * *

Še muči me otožna želja,
še duša k tebi hrepeni –
v somraku sanjskega veselja
še vedno ljubljena si ti...
Obraz tvoj mili nepozabni,
pred mano venomer stoji,
nedosegljiv, še vedno isti,
kot daljna zvezda sred noči...

[Robič]

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я страдаю, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1851 г.

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
 Мной, как и прежде, дорожит...
 О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
 Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
 То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
 Увлечена, в душе уязвлена,
 Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
 Но эта жизнь!.. О, как горька она!
 Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
 Не мерят так и лютому врагу...
 Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
 Могу дышать, но жить уж не могу.

1851 г.

* * *

* * *

Ne trdi, da me ljubi kakor
 dni nekdanje,
 da ima me rad kot prejšnje
 dni...
 Ne, ne, to nečloveško je
 uničevanje,
 čeprav vem, da nož v roki
 mu drhti.
 Zdaj v srdi, zdaj v solzàh,
 v ogorčenju zdaj topem,
 zaljubljena, a ranjena hudo
 trpim in, ne živeč, le v njem
 živim in sopem,
 a to življenje... o, je to pridkó!
 On meri zrak rako štedljivo
 mi in bedno,
 kot ne bi ga sovražniku nihče...
 Oh, diham z muko in boljó,
 diham še vedno,
 to morem še, toda živeti ne.

Ne reči: on me, kot nekdam,
 še vedno ljubi,
 kot nekdam zame trepetá...
 O ne! življenje moje bliža
 se pogubi,
 celo nož, v roki vidim, drgeta.
 V solzah in v trpkem gnevu,
 z žaljstjo, in jezo,
 v omami tej sem z dušo
 ranjeno,
 trpim in ne živim... z njim
 čutim živo zvezo —
 življenje pa!.. oh, bridko
 je zelo!
 Odmerja zrak mi on pazljivo
 in pa bomo...
 Še vragu krutemu se daje
 več...
 Oh, težko diham jaz, bolešno
 in okorno,
 le diham še, življenje pa
 je preč.

[Vidmar]

[Robič]

* * *

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

1858 г.

* * *

Pri mizi mrak jo je objel,
ko pisem sklad je prebiral,
kot hladen, mrtev je pepel
jemala jih in proč metala.
Pred njo je ležal mnog spomin,
tak čudno v liste je strmela,
kot duše gledajo z višin
na trupla svoja osamela.
Ah koliko življenja tu
pretekle stasti in prežite,
goresti bridke in medú
ljubezni, radosti ubite!
Molčé na strani jaz sem stal
in noge so se mi šibile —
in bridek strah me je navdal
kot od prisotne sence mile.

[Priatelj – 1]

* * *

Na tleh jo mrak je bil objel,
ko pisem sklad je prebirala,
kot hladen, mrtev je pepel
jemala jih in proč metala.
Pred njo je ležal mnog spomin,
tak čudno v liste je strmela,
kot duše gledajo z višín
na trupla svoja osamela.
Ah koliko življenja tu
pretekle stasti in prežite,
goresti bridke in medú
ljubezni, radosti ubite.
Jaz sem molče na strani stal
in noge so se mi šibile —
in bridek strah me je navdal
kot od prisotne sence mile.

[Priatelj – 2]

* * *

Sedela ona je na tleh,
in s kipa pisma prebirála
in kot že ohlajen pepel
jemala jih in stran metala.
Jemala liste je v roko,
jih čudno gledala, z nemirom,
kot duša gleda na telo,
ki ga zavrgla je s prezirom...
Kipelo je življeje tu,
ki ni ga več in se ne vrne!
In bridkih koliko minut,
ljubezni, sreče zdaj zamrele!..
Ob strani stal sem tam molče
in skoraj padel na kolena, —
in strah mi stisnil je srce,
kot da bi senca me objela.

[Robič]

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
 И всю ее уж тени покрывали.
 Лил теплый летний дождь — его струи
 По листьям весело звучали.
 И медленно опомнилась она,
 И начала прислушиваться к шуму,
 И долго слушала — увлечена,
 Погружена в сознательную думу...
 И вот, как бы беседа с собой,
 Сознательно она проговорила
 (Я был при ней, убитый, но живой):
 «О, как все это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить —
 Нет, никому еще не удавалось!
 О господи!.. и это пережить...
 И сердце на клочки не разорвалось...

1864 г.

* * *

Ves dan v pozábljenju ležala je
 in vso so bile sence že objele;
 lil je poletni topli dež in kapljice
 po listju bodro so polzele.
 In vzdramila se je polagoma nato,
 šumljanje poslušala je prelestno;
 in dolgo verno in zamišljeno
 topila v misel se zavestno.
 In glej, kot bi menila se seboj,
 premišljeno je izpregovorila:
 (jaz mrtev bil sem, dasi živ, za njo)
 »Kako, ah, vse to sem ljubila!«
 Ljubila si, in kakor ljubiš ti,
 ne, ne, tako še živo bilje ni ljubilo.
 O, Bože!... Tudi to se preživí!
 In srce v kosce ni se razdrobilo?

[Priatelj]

* * *

Ležala tiho je omamljena ves dan
in sence so jo že povsem prekrile,
poletni dež je bil zveneč, glasan,
njegove kaplje so po listih lile.
Počase se zavedla je iz sna,
poslušala deževno zvenketanje,
prisluškovala — vsa očarana,
zavestno potopljena v svoje sanje...
In kakor da bi slišala izziv,
zavestno je potem spregovorila
(bil sem ob njej, ubit, ampak še živ):
»Kako vse to sem jaz ljubila!«

Ljubila si, ljubiti kakor ti —
so zdaj nihče ni mogel še tako!
Da mi srce ne počí, razleti,
Gospod, povej — kako prestati to...

[Robič]

Накануне годовщины
4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865 г.

* * *

Tavam po cesarski cesti, blodim
v tihi vgašajoči luči dne,
bridko mi je, truden komaj hodim!
Mila moja, gledaš ti na mé?
Zemlja je že čisto potemnela...
Zadnji pobledel odblesk je dne...
To je svet, kjer skupaj sva živela,
angel moj, saj gledaš ti na mé?
Jutri je molitve dan in bóli
in spomin strahotnega je dne;
naj že duše bivajo kjerkoli,
angel moj, saj gledaš ti na mé?

[Vidmar]

Na predvečer obletnice
4. avgusta 1864

Glej, jaz brodim ob veliki cesti,
ko uglaša dneva medli svit...
Noge mro, začele so se tresti...
Moj prijatelj, vidiš li me ti?
Vse bolj temno, temno je pred mano —
dneva zadnji soj v noč odleti...
Glaj ta svet, kjer sva živela sama,
angel dragi, vidiš li me ti?
Jutri bo dan žalosti in slave,
jutri bo spomin usodnih dni...
Angel moj, kjerkoli duša plava,
angel dragi, vidiš li me ti?

[Robič]

Н. Н. Старикова

**Женщина и эпоха: история СФРЮ сквозь
призму личного нарратива в романе
М. Кресе «Страшно ли мне?»**

N. N. Starikova

**Woman and Era: History of the SFRY through
the prism of personal narrative in M. Krese's
novel "Me, Scared?"**

Аннотация: В статье на примере романа М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012 г.), действие которого охватывает семь десятилетий словенской истории XX века, рассматривается одна из актуальных тенденций репрезентации прошлого через воплощение индивидуального переживания реальных событий: в частной судьбе отдельно взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи. В романе нашли отражение все важнейшие этапы жизни Словении: события Второй мировой войны (фашистская оккупация, народно-освободительная борьба и гражданская война), провозглашение социалистической Югославии (1945 г.), ее существование и крах, наконец, появление на карте Европы суверенного государства Республика Словения (1991 г.) и первые десятилетия его независимого пути. Реконструируя несколько десятилетий жизни своей семьи, Кресе опирается как на лично пережитое, так и на воспоминания отца и матери, которые интерпретирует весьма субъективно, часто делая акцент на этическом звучании поступка в условиях политического контекста эпохи. Таким образом, принцип достоверности сочетается с субъективным авторским прочтением конкретных эпизодов истории.

Ключевые слова: современный словенский роман, «личная» история, вербализация памяти, повествовательные стратегии.

Annotation: The article on the example of M. Krese's novel "Da me je strah?" ("Me, Scared?", 2012), which covers seven decades of Slovenian history of the 20th century, considers one of the current literary trends in representation the past using the embodiment of an individual experiencing of real events: the private story of a separate Slovenian family is reflected the chronicle of the whole era. The novel reflects all the most important stages in the resent Slovenian history: the events of World War II (fascist occupation, liberation struggle and civil war), the proclamation of socialist Yugoslavia (1945), its existence and collapse, and finally the appearance on the map of Europe sovereign state the Republic of Slovenia (1991) and the first decades of its independence. Reconstructing several decades of her family's life, Krese relies both on personally experiences and on the memories of her parents, which she interprets very subjectively, often focusing on the ethical sound of the act in the political context of the era. Thus, the principle of reliability is combined with subjective author's reading of specific historical events and episodes.

Keywords: contemporary Slovenian novel, "personal" history, memory verbalization, narrative strategies.

*Память приводит прошлое в настоящее, однако
окрашивает его в свои особые цвета и оттенки*

Патрик Хаттон¹

Тенденции переосмысления прошлого — личного и исторического — активно развиваются в современном мире, воплощаясь в самых различных формах. В «эпоху всемирного торжества памяти», как замечает Пьер Нора, «мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным

¹ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 15.

сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»². В этом возвращении к прошлому реализуется естественная потребность человека сохранить тождественность самому себе, поскольку «не будь у нас памяти, мы совсем не имели бы представления о причинности, а, следовательно, и о той цепи причин и действий, из которых состоит наше я, или наша личность»³. Одним из способов функционирования этого механизма является «нарративная идентичность», «сохранение преемственности самосознания посредством “рассказывания историй”»⁴, при этом рассказчик не просто передает события прошлого, а наделяет их смыслом и самоопределяется в процессе разворачивания рассказа. Современная словенская проза здесь не исключение — повествовательные стратегии, связанные с нарративом памяти, используют в своих романах писатели разных поколений и стилистических пристрастий: Д. Янчар «Этой ночью я ее видел» (2010 г.), «И любовь тоже» (2017 г.), Г. Войнович «Югославия, моя страна» (2011 г.), «Инжир» (2016 г.), З. Симчич «Последние десятые братья» (2012 г.), М. Кошута «Моряк на козе» (2015 г.), В. Мёдернорфер «Другое прошлое» (2017 г.), Д. Шаротар «Звёздная карта» (2022 г.), А. Штегер «Огонь» (2025 г.) и др. Важное место в этом ряду занимает книга М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012 г.), посвященная судьбе партизанского поколения и одна из лучших на эту тему, вышедших в Словении в минувшее десятилетие.

Маруша Кресе (1947–2013)⁵, литератор, журналистка, общественный деятель, получила широкое признание в Ев-

² Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 02.09.2025).

³ Юм Д. Сочинения в 2 тт. М., 1965. Т. 1. С. 40.

⁴ Спиридонов Д.В. Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1–2. С. 154.

⁵ О биографии М. Кресе см. подробнее: Старикова Н.Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018.

ропе за свою гуманитарную миротворческую деятельность и борьбу за права человека в период военного конфликта в Югославии 1991–1995 гг. (награждена Почетным знаком Президента ФРГ «За заслуги», 1996 г.). Она родилась в Любляне в семье героев национально-освободительной борьбы Франца Кресе-Чобана (1919–1980) и Людмилы Кресе (1922–1999). Получила разностороннее образование: изучала историю искусств, сравнительное литературоведение и психодинамическую терапию в Словении, США, Великобритании, Нидерландах, пробовала себя в качестве психотерапевта. С 1990 г. Кресе жила и работала в Берлине, Граце, Тюбингене, как независимый журналист писала для немецких и австрийских журналов, газет и радиостанций. В 2012 г. вернулась в Словению.

На родине читатель впервые познакомился с прозой Кресе в 2006 г., когда крупное национальное издательство «Mladinska knjiga» опубликовало сборник ее автобиографических рассказов «Все мои Рождественские праздники», в том же году удостоенный престижной премии Фабула за малую прозу. Книга, проблематика которой связана с осмыслением роли женщины в современном мире, вызвала интерес и имела в Словении резонанс благодаря стилистическому изяществу авторского нарратива, удачному соединению в нем юмора и «серьеза», снижающему ложный пафос и безапелляционность воинствующего феминизма. Более трагическая интонация присуща сюжетам следующего сборника рассказов «Все мои войны» (2009 г.), где писательница сквозь призму личного восприятия конкретных событий, начиная с войны во Вьетнаме и заканчивая осадой Сараева рассуждает о своем времени как об эпохе постоянных вооруженных конфликтов. Военная тема становится центральной и в романе «Страшно ли мне?», его действие охватывает более семи десятилетий, с 1941 по 2012 г., по сути, все важнейшие

этапы словенской истории второй половины XX в., среди которых фашистская оккупация, народно-освободительная борьба и гражданская война, создание социалистической Югославии, ее существование и распад, появление на карте Европы суверенного государства Республика Словения и первые десятилетия его независимого пути. Повествование ведется от лица героя и героини, участников партизанского антифашистского сопротивления и послевоенного социалистического строительства, затем в него вплетается голос их дочери, представительницы югославской студенческой молодежи, которая в 1960-е годы под музыку The Beatles и The Rolling Stones критиковала общественные институты, выступала с политическими требованиями, искала новые способы самореализации. Все три главных персонажа безымянны, маркированы личными местоимениями третьего лица «он», «она». Писательница, однако, не скрывала, что прототипами героев послужили ее отец, мать и она сама: «В детстве я наслушалась рассказов о том, кто что пережил во время войны, в каких краях все происходило <...>. Вот почему этот сюжет рассказывают мужчина, женщина и ребенок, рассказывают с достоверными биографическими деталями»⁶.

В романе разворачивается история любви двух молодых партизан, которая выдерживает испытание голодом, холодом, болью, страхом во время войны, помогает героям выжить в условиях коммунистической диктатуры. В этой, казалось бы, частной судьбе отдельно взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи, что дает автору возможность затронуть ряд болезненных, до сих пор «неудобных» для граждан Словении и других, возникших на обломках СФРЮ независимых государств вопросов: раскол общества во время оккупации, обесценивание идеалов национально-освободительной борьбы и беззакония властей в годы социализма, разжигание и обострение межнациональных

⁶ Cvetka Bevc z Marušo Kreše // *Sodobnost*. 2011. Let. 75. № 12. S. 1557.

противоречий после 1980 г. и в постъюгославский период. Все эти выражи югославской и словенской истории воспроизводятся через монологи героев, в которых они воссоздают в памяти и заново проживают случаи из своей прошлой жизни. В последнем интервью Кресе призналась, что одним из импульсов, побудивших ее обратиться к истории своей семьи, стал именно распад Югославии: «Когда я начала ездить в Сараево во время войны в Боснии и Герцеговине, мне не было страшно, хотя я видела и пережила ужасные вещи. Тогда я начала задумываться о молодых людях, какими были мой отец и мать, когда они ушли в партизаны. Отец еще в течение тридцати лет после окончания войны по-своему переживал тогдашние травмы. И я поняла, что бывают моменты, состояния, когда ты просто не замечаешь страха. Только так можно пережить столь тяжкие времена. Без сараевского опыта я бы этого не осознала»⁷.

Композиционно текст разделен на три части и эпилог, в каждой из частей представлен конкретный отрезок времени: с 1941 по 1952 г., с 1952 по 1968 г., с 1968 до середины 1990-х годов, в эпилоге действие происходит в 2012 г. Сюжет вкратце таков: парень и девушка встречаются в партизанском отряде, вскоре он становится командиром, она комиссаром. Со своей бригадой оба проходят тяжелейший путь, хорошо известный военным историкам, но в романе представлен пунктирно: форсирование реки Колпы, госпиталь в Кочевском Роге⁸, переговоры на острове Вис⁹. В одном из

⁷ Кресе М. Страшно ли мне? [перевод Надежды Стариковой под редакцией Елены Сагалович] // Авторский постскриптум. Фрагменты интервью. М., 2017. С. 173. Далее в статье цитируется это же издание.

⁸ Кочевский Рог — гористая местность на юге Словении. С 1942 г. там находился главный штаб словенского партизанского движения и партизанские госпитали.

⁹ Вис — остров в Адриатическом море возле далматинского побережья. В 1944 г. там находилась «пещера Тито», командный пункт, откуда он руководил антифашистским сопротивлением.

боев герой получает тяжелое ранение, чудом остается в живых, но теряет ногу. Военная судьба сводит молодую пару с Й. Б. Тито и другими лидерами партизанского движения: женой Эдварда Карделя¹⁰ Пепщей, Матией Мачеком¹¹. После войны молодые люди получают от новой власти реквизированную у «контрреволюционных элементов» квартиру, героя выбирают депутатом республиканской скупщины, героиня осваивает специальность «художник-реставратор» и занимается спасением пострадавших во время войны национальных культурных ценностей. Супруги попадают в число избранных, «проверенных» кадров социалистической элиты, их регулярно приглашают на правительственные приемы в резиденции Тито. Между тем старшая дочь, поехав автостопом по Европе в конце 1960-х годов, после неудачного замужества уезжает сначала в Америку, а потом, к ужасу отца, в Германию, которая навсегда останется для него вражеским государством. В 1980 г. пара присутствует на похоронах Тито. Финал третьей части посвящен командировке дочерей героев, ставших журналистками, в воюющую Боснию. В эпилоге многочисленные потомки героической партизанской четы — их дети, внуки и правнуки отправляются в морское путешествие по следам отца главного героя, в 1930-е годы уехавшего на заработки в Южную Америку и пропавшего там без вести.

Структура повествования в романе Кресе связана с вербализацией памяти посредством нарратива. Реконструируя несколько десятилетий жизни своей семьи, писательница опирается как на лично пережитое, так и на воспоминания своих родителей, которые интерпретирует весьма субъектив-

¹⁰ Кардель Эдвард (1910–1979) — словенский политик и публицист, соратник Й. Б. Тито, идеолог КПЮ, занимал ряд высших должностей в СФРЮ.

¹¹ Мачек Матия (1908–1993) — в период НОБ начальник главного штаба партизанских бригад, занимал должности в силовых структурах и правительстве РС.

но, часто делая акцент на этическом звучании поступка в условиях историко-политического контекста эпохи. Принцип достоверности писательница сочетает с правом на субъективное прочтение конкретных страниц истории. Авторским становится и выбор ключевых исторических эпизодов, и определение их смысловой нагрузки. При воссоздании атмосферы военного времени и титовской эпохи писательнице не удалось избежать и некоторых стереотипов так называемой протезированной памяти (*prosthetic memory* — термин Элисон Ландсберг¹² — культурной памяти поколений), сформированной благодаря соединению широко доступных и распространяемых средствами массовой информации фактов, легенд, мифов (например, восприятие словенцами Триеста, в 1954 г. отошедшего Италии, как этнически «своего», по праву принадлежащего Словении города). Субъективное видение прошлого, а также гендерно-эмоциональная (в зависимости от того, от чьего лица — мужчины или женщины идет рассказ) подача отдельных фактов значительно усложняют положение читателя, далекого от политических реалий описываемой эпохи. Отнюдь не каждому словенскому читателю понятно, о каких обстоятельствах и личностях идет речь. На это, в частности, обращает внимание автор предисловия к роману С. Храстель¹³. Историко-документальная канва описываемых событий такова: Вторая мировая война на территории Югославии началась 6 апреля 1941 г., в течение нескольких дней территория Словении была оккупирована и разделена между Италией, Венгрией и Германией, которой отошла бóльшая часть словенских земель. В июле 1941 г. Освободительный фронт словенского народа активизировал партизанское движение, начался вооруженный отпор

¹² *Landsberg A. Prosthetic Memory. The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York, 2004. P. 3.*

¹³ *Hrastelj S. Partizanski prapori in Antigona // Krese M. Da me je strah? Novo Mesto, 2012. S. 193.*

оккупантам. Однако лидеры ряда политических партий открыто встали на сторону новых властей. В 1943 г. на занятых Германией территориях для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии Югославии были организованы добровольческие вооруженные подразделения словенцев, получившие название домобранцы, которые находились в подчинении Вермахта. Словенское общество раскололось, что повлекло за собой гражданскую войну. Одной из самых трагических страниц начала нового социалистического этапа национальной истории стала расправа народной власти над участниками воинских соединений, воевавших на стороне ее противников. Находившиеся на довоенной границе с Австрией в районе Блайбурга и Ветриня десятки тысяч военнопленных были в конце мая 1945 г. переданы английскими военными Югославской Народной Армии, а затем массово расстреляны без суда. 29 ноября 1945 г. в Белграде была принята декларация о ликвидации монархии и провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ), в которую на правах республики вошла Словения. Первые годы коммунистического правления шли по советскому сценарию, затем многонациональное государство сделало попытку найти свой аутентичный путь. Сорок с лишним лет, вплоть до провозглашения в 1991 г. независимого государства, политическое, экономическое и культурное развитие Словении в целом было подчинено общегославскому идеологическому курсу с его партийными чистками и сфабрикованными судебными процессами, противостоянием Тито и Сталина (события 1948 г.¹⁴), слежкой за гражданами спецслужб и партийным контролем в сфере образования и культуры, с одной стороны, и подлинным интер-

¹⁴ Резолюция Коминформбюро, опиравшаяся на доклад А.А. Жданова «О положении в Коммунистической партии Югославии», опубликованная 29 июня 1948 г., привела к открытому разрыву КПЮ с другими коммунистическими партиями, а затем и политической конфронтации Югославии с СССР. Все сторонники Сталина были исключены из КПЮ и подвергнуты репрессиям.

национализмом, взаимопомощью и дружбой между народами и республиками, энтузиазмом созидания и практическим воплощением в жизнь партизанского лозунга «Братство — единство», созданием особого — югославского — культурного пространства — с другой. После распада империи Тито последние иллюзии были разрушены, героические идеалы партизанской борьбы «вышли из моды», попав под общее развенчание тоталитаризма, патриотические приоритеты изменились — настоящими спасителями отечества вдруг оказались те, кто когда-то перешел на сторону захватчиков.

Важные моменты национальной истории репродуцируются в романе через воспроизведение их восприятия и переживания очевидцами — именно таким образом автор вводит в текст значимую для нее историко-культурную проблематику. Так, братоубийственное противостояние словенских красных и белых периода оккупации выразительно представлено в нескольких небольших сценах первой части романа.

«Вчера взяли в плен несколько наших деревенских. В детстве мы все время болтались вместе. Смотрю, как они перепуганные сидят на земле и ждут. Ждут. Воплощенное несчастье. Останавливаюсь перед Миланом. Когда-то я была в него чуть-чуть влюблена. Чуть-чуть. Впрочем, может, и нет, не знаю.

“Милан, что на тебя нашло, ты чего прибился к фашистам? Зачем? Почему не ушел с нами?”

Милан отводит глаза.

“Мы вместе с дядей и двоюродным братом записались. А дядя еще сказал, чтобы и мой отец, его брат, присоединился к белогвардейцам. Правда-то на их стороне. Да и священник его благословил”¹⁵.

В этом эпизоде есть существенная для понимания менталитета словенского крестьянина подробность — роль в его

¹⁵ *Кресе М.* Страшно ли мне?... С. 17.

жизни католических священников, большинство которых в период оккупации открыто поддерживало словенских домобранцев¹⁶. Использование итальянскими оккупантами католической церкви в качестве рычага давления на население являлось одной из особенностей оккупационной системы в Оперативной зоне Адриатического побережья¹⁷.

Тема Блайбургской бойни — массового уничтожения бойцами ЮНА пленных домобранцев и участников других воинских соединений, воевавших на стороне Вермахта, поднимается в романе опосредованно, упоминаются лишь действия англичан, которые «отправили спасавшихся бегством белогвардейцев и усташей назад в Югославию»¹⁸. А вот событиям 1948 г. и их последствиям уделено пристальное внимание. Кресе воспроизводит эти страницы национальной истории, опираясь на свидетельства отца и матери, членов КПЮ, которые в момент «лобового столкновения» Москвы и Белграда оказались к этой пропагандистской войне абсолютно не готовы. Нарочитый гротеск эпизода с партсобранием (трудовой коллектив журнала «Младина» должен публично отрестить от сталинского курса, на верность которому еще вчера присягал) подчеркивает зловещую абсурдность происходящего:

«В дверях меня подстерегает Цирил. Грубо притягивает к себе и шепчет:

“Ты не за Сталина. Ты — против. Он наш враг”.

Тупо на него смотрю.

“Разве Сталин? Ты ошибаешься. Еще сегодня утром он был нашим другом”, — шарахаюсь от него в смятении.

¹⁶ Одним из идеологов Словенской домобранской лиги был люблянский епископ Г. Рожман.

¹⁷ Оперативная зона Адриатического побережья (нем. Operationszone Adriatisches Küstenland, OZAK), итал. Zona di Operazioni Litorale Adriatico) — район оккупации нацистской Германии на Адриатическом побережье на территории современных Италии, Словении и Хорватии в период Второй мировой войны.

¹⁸ Кресе М. Страшно ли мне?... С. 70.

“Ты против Сталина. Думай, что будешь говорить”.

“Ты имеешь в виду англичан?”

“Нет, русских. Англичане все еще союзники. Теперь еще больше. И американцы. Запомни. Друзья”.

“Господи, помоги”, — думаю я.

Сидим за круглым столом. Цирил и двое других, которых не знаю, задают нам вопросы. Строго по очереди. Как в школе.

“Сталин наш враг”.

“Мы готовы защищать наши границы от Красной Армии. Мы должны. Так, как мы защищали их от Гитлера”. <...>

“Сталин нам не друг”, — повторяю, как попугай.

“С нами англичане, американцы. Весь западный мир”.

Про китайцев спрашивать не осмеливаюсь.

На очереди Катя.

“Тито, Сталин! Тито, Сталин!” — выкрикивает она.

Так, как все мы делали еще вчера. Собственно говоря, еще сегодня утром. Катя извлекает на свет божий еще Ленина, и Маркса с Энгельсом. Толкаю ее локтем и шепчу:

“Сталин больше нам не друг”.

Катя не сдается. Я должна что-то сделать. Трогаю ее лоб рукой и быстро встаю.

“У Кати высокая температура. Мне кажется, она бредит. Я отведу ее домой”.

Поднимаю ее со стула, закутываю в свое пальто, прижимаю к себе. Уходя, с гневом смотрю Цирилу прямо в глаза¹⁹.

Дома супруги начинают лихорадочно избавляться от всего, «что связано с Советским Союзом и напоминает о вчера еще братском народе»²⁰. Среди самого дорогого — медаль «Золотая звезда» (знак отличия Героя Советского Союза), присланная из Москвы в 1943 г., маленький советский флаг, русские книги: Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Тема 1948 г. продолжит развиваться во второй части романа, здесь

¹⁹ Там же. С. 104–105.

²⁰ Там же. С. 106.

к двум взрослым рассказчикам присоединяется третий — ребенок, а недавние трагические события проецируются на детское мировосприятие: «Еще вчера папа и мамин брат разговаривали о каких-то процессах. О врагах народа. О преследовании классовых врагов. Когда они заметили, что я в комнате, то замолчали. Не знаю, почему»²¹. В начале 1950-х репрессированные начинают возвращаться из лагерей, пытаются жить заново. Беседуя с одним из них, бывший командир партизанского отряда вдруг осознает, что его былая уверенность в законности титовских судилищ поколеблена, что пострадать во время антисталинской кампании мог любой. Герои начинают испытывать душевный дискомфорт — радость победы, надежда на лучшую жизнь, успешная самореализация омрачаются чувством страха, неуверенностью в завтрашнем дне, смятением, подчас несогласием с тем, что происходит вокруг. Эти внутренние противоречия ярко раскрывает, на первый взгляд, невинный эпизод, связанный с работой VII конгресса СКЮ, состоявшегося в Любляне весной 1958 г. Героиня искренне радуется такому большому событию: «Наконец, мы дождались — в Любляне пройдет съезд коммунистической партии Югославии <...>. Наконец, и мы стали центром мира <...>. Слушаю, слушаю о пути нашей партии, единственно правильном, о том, кто мы, и чего еще достигнем. Говорят о красоте нашей страны и достоинстве нашего народа»²². Вдруг по громкой связи ее просят на выход. Оцепенев от ужаса — в президиуме сидит сам Тито — женщина выходит из зала, краем глаза замечая, как муж, бледнея, поднимается со своего места в почетном первом ряду. Счастливая развязка этой ситуации — все дело в оставшейся дома грудной дочке, которая отказывается от бутылочки и требует маму — только подчеркивает, каким уязвимыми в условиях политической диктатуры могут быть даже те, кто, казалось бы, облечен ее доверием.

²¹ Там же. С. 120.

²² Там же. С. 133.

Партийная власть стремится поощрять патриотизм граждан молодого государства, и вот уже участие в рядах антифашистского сопротивления становится пропуском в мир льгот: всем, «кто был в партизанах, или подполье, или помогал Освободительному фронту, при расчете стажа для пенсии эти годы будут учитываться вдвойне»²³. Оказавшись в особой комиссии «год за два», героиня сталкивается с потоком людей, стремящихся нажиться на былой трагедии, приписывающих себе чужие заслуги. Номенклатурные блага, спецраспределители, спецпайки привлекают в ряды коммунистов все больше проходимцев, многие из тех, кто, сражаясь за свободу родины, прошел войну «от звонка до звонка», рисковал жизнью, потерял здоровье, оказываются не у дел. Обесценивание идеалов партизанского братства ведет героев к разочарованию в достигнутом, внешне благополучная жизнь, успешная карьера не делают их счастливыми. Единственно, чего оба по-настоящему хотят — чтобы у их детей все сложилось. Однако сыновья и дочери героического партизанского поколения на волне вольных 1960-х требуют перемен, свободы, открыто протестуют. В этом конфликте с властью некоторые «отцы», по мнению Кресе, были на стороне бунтующей молодежи. Не случайно о студенческих волнениях, летом 1968 г. прокатившихся по университетским городам СФРЮ, в романе рассказывает не дочь героев, их участница, а ее отец, высокопоставленный функционер, лично знакомый с главным «охотником» за студенческими головами, шефом госбезопасности республики. Только благодаря вмешательству отца, которого уважает сам Тито, дочь и ее друзей-студентов оставляют в покое. Через двенадцать лет бывший партизан и народный вождь встретятся в последний раз — на гражданской панихиде в здании Скупщины Югославии. Похороны Тито, состоявшиеся 8 мая 1980 г. в Белграде, показаны глазами героини, вместе с мужем получившей

²³ Там же. С. 127.

персональное приглашение на траурное мероприятие. Для обоих это прощание символизирует конец великой эпохи:

«Народные герои, те, кто еще остался, шагали за гробом Тито. Так как он уже почти не может ходить, его усадили на почетную трибуну. Смотрю на решительный шаг героев, несущих награды Тито, смотрю на него, прислушиваюсь к себе. Во мне что-то умирает, что-то, как мне казалось, давно умершее <...>. Решимость, борьба за лучшую жизнь, воодушевление, которое не позволяло нам сдаваться, наше товарищество <...>. Маленькая надежда. Теперь она умирает. Герои. Он. Я. Это их лебединая песня? Это его лебединая песня? Это моя лебединая песня?»²⁴.

С распадом многонациональной Югославии время народных героев окончательно уйдет в небытие. Эпоха, ставшая для них судьбой, «укладывается» в романе в промежуток между двумя днями: октябрьским днем 1944 г. и августовским днем 1992 г. Между днем освобождения Белграда, о котором восторженно, в духе интернационализма рассказывает в письме своему комиссару ее боевая подруга Мария, и одним из дней осады Сараево, куда с миротворческой миссией отправились дочери этого комиссара, прошла вся жизнь военного поколения. Узнав, что девочки поехали в Боснию, бывшая партизанка Мария, когда-то воевавшая за ее освобождение, звонит из Белграда в Люблян, чтобы предупредить о страшной угрозе «боснийской пропаганды», которой подвергаются все оказавшиеся на этой, теперь «вражеской» территории. И мать этих девочек, несгибаемый комиссар 4-ой словенской народно-освободительной бригады, вдруг отчетливо осознает: «...разваливается все. Наша страна. Наша дружба. Наша история. Наши жизни»²⁵.

Лишенный идеализации, но исполненный глубокого уважения к совершенному в годы войны человеческому подвигу портрет поколения бойцов с фашизмом в романе Кресе

²⁴ Там же. С. 157.

²⁵ Там же. С. 165.

— дань памяти эпохе и людям, воспоминания о которых нужно сохранить именно теперь, «когда мир, построенный ими, рухнул»²⁶. В финале автор детально реконструирует фрагмент своего реального путешествия по местам боевой славы родителей: добравшись до лесной чащи, где когда-то была сформирована их партизанская бригада, дочь при виде покосившейся «маленькой стыдливой красной звезды» склоняется «в благоговейном молчании»²⁷. И повторяет не по-детски горькую фразу сына-тинейджера: «Я еду из родной страны, где вдруг стало стыдно, что твой отец был народным героем, в Германию, где я могу с гордостью об этом сказать»²⁸.

Воссоздавая эпоху, ставшую судьбой для целого поколения, Кресе использует рассказ от первого лица, разворачивающийся в настоящем времени, тем самым максимально приближая события прошлого, снимая временной разрыв между историей и сегодняшним днем, существующий в читательском сознании. Она, как писал Б. Эйхенбаум, «берет время под руку»²⁹, добиваясь эффекта присутствия: прошлое начинает «совершаться» на наших глазах. В то же время, выстраивая свою картину эпохи, наделяя реальные исторические события личностным смыслом, Кресе демонстрирует избирательность (услужливость) реминисцентного механизма, иногда подсознательную пристрастность в интерпретации прошлого, а также определенную внутреннюю референциальность (т. е. ориентацию на собственное субъективное видение) нарративной стратегии³⁰.

²⁶ Cvetka Bevč z Marušo Krese... S. 1558.

²⁷ *Кресе М.* Страшно ли мне?... С. 169.

²⁸ Там же. С. 170.

²⁹ Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским. Вступительная заметка, публикация и комментарии О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 201.

³⁰ *Koron A.* Avtobiografija in naratologija: sodobne pripovednoteoretske kategorije v raziskavah avtobiografaskih pripovedi // Jezik in slovstvo. 2008. Let. 53. № 3–4. S. 11.

Д. А. Сорокин

Первая женщина-президент Республики Северная Македония: позиционирование в медиа

D. A. Sorokin

The First Woman-President at the Republic of North Macedonia: Positioning in Media

Аннотация: Статья посвящена теме позиционирования в материалах медиа президента Республики Северная Македония. Весной 2024 г. страну впервые за всю историю возглавила женщина — Гордана Силяновска-Давкова. Её заявления цитируются как местными, так и зарубежными изданиями, интерес которых после избрания её на пост существенно возрос. Мониторинг и анализ журналистских материалов способствовали определению нескольких направлений позиционирования президента Македонии. Это: политик-патриот, выступающий за продолжение курса евроинтеграции, но не в ущерб национальному самосознанию македонского народа, не отказываясь от истории страны и её культуры, а с учётом национальных интересов; ученый-интеллектуал, в СМИ часто упоминается, что Силяновска-Давкова — профессор-правовед, исследующий становление и развитие македонской политико-правовой системы; а также женщина-управленец, «идущая в ногу со временем», о чем свидетельствуют отчасти формализованные, но «живые» аккаунты в популярных социальных сетях.

Подобный анализ в отношении персоны президента Македонии проводится в нашей стране впервые и мог бы внести некоторый вклад как в развитие отечественной македонистики, так и в

исследования вопросов позиционирования в медиа политических лидеров.

Ключевые слова: Республика Северная Македония, президент, женщина-президент, Гордана Силjanовска-Давкова, медиа, СМИ, позиционирование.

Annotation: The article is devoted to the topic of positioning of the President of the Republic of North Macedonia in media materials. In the spring of 2024, the country was headed by a woman for the first time in its history — Gordana Siljanovska-Davkova. Her statements are quoted by both local and foreign publications, whose interest has increased significantly since her election to office. The monitoring and analysis of journalistic materials contributed to the identification of several tracks of the Macedonian president's positioning. These are a patriotic politician who favours the continuation of the course of European integration, but not to the detriment of the national identity of the Macedonian people, not abandoning the history of the country and its culture, but taking into account the national interests; a scholar-intellectual, with the media often mentioning that Siljanovska-Davkova is a professor of law who researches the formation and development of the Macedonian political and legal system, and a woman-manager who “keeps up with the times”, as evidenced by her partly formalized but “live” accounts on popular social networks. Such an analysis of the Macedonian president's persona was conducted in our country for the first time and could make some contribution both to the development of domestic Macedonian studies and to the research on the positioning of political leaders in the media.

Keywords: Republic of North Macedonia, president, female president, Gordana Siljanovska-Davkova, media, mass media, positioning.

Согласно данным Межпарламентского Союза (международной неправительственной организации) процент женщин, принимающих участие в управлении государством, с каждым политическим циклом увеличивается, но «они по-прежнему составляют меньшинство среди глав

*государств и правительств»*¹. Стоит отметить, что только в 11 % стран (по состоянию на 1 января 2023 г.) женщины являются руководителями государства.

Вероятно, с этим связано такое пристальное внимание общества к персонам женщин-политиков. Специфично даже само определение. К примеру, в отношении политика мужчины в средствах массовой информации, в деловых и научных кругах, обиходе и др. не принято указывать его гендерную идентичность. «Мужчина-политик» в сегменте русскоязычных СМИ — определение редкое. Когда же речь идет о политике — женщине, ее гендерный статус выделяется особо.

Современное информационное пространство наполнено официальными высказываниями женщин-политиков, их комментариями и интервью, видео и фотографиями деловых встреч и созданных для этого образов, где журналистами подмечаются все детали (один из ярких кейсов — «броши Набиуллиной»). Аудитории знакомы их имена, что подтверждается проводимыми в разное время в России и мире опросами. Лишь несколько примеров: королева Великобритании — Елизавета II, премьер — Маргарет Тэтчер, глава индийского правительства — Индира Ганди, канцлер Германии — Ангела Меркель, глава Совета Федерации России — Валентина Матвиенко и др.

Специфика работы женщины-политика и ее позиционирование в информационном пространстве — это тема не одного научного исследования. В аналитических статьях и монографиях ученые задаются вопросами о роли женщин в формировании современного общества и их управленческих подходах, анализируют результаты публичной деятельности и др. В контексте темы российские исследователи уделяют внимание и зарубежному опыту. Так, проводится анализ

¹ Women in power in 2023: New data shows progress but wide regional gaps [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://www.ipu.org/news/press-releases/2023-03/women-in-power-in-2023-new-data-shows-progress-wide-regional-gaps> (дата обращения: 10.07.2024).

внешнего облика, речи и приемов воздействия на аудиторию, типов женского политического лидерства, позиционирования в государствах постсоветского пространства, Северной и Латинской Америки, арабского мира, в Европе и др.²

Стоит отметить, что по материалам уже названного Межпарламентского Союза — «Woman in Politics: 2023», наибольшее количество женщин задействовано в управлении европейскими государствами. Юг Европы, Балканы не являются исключением³.

Напомним несколько имен, фигурировавших в разные годы в российской прессе. Амра Бабич, ставшая в 2012 г. главой боснийского города Високо и названная в СМИ «первым в истории Европы мэром в хиджабе». Колинда Грабар-Китарович — президент Хорватии в период с 2015 по 2020 г., запомнившаяся российским телезрителям как яркая болельщица в матче Чемпионата мира по футболу, проходившего в России. Ана Брнабич — первая женщина, занявшая пост премьер-министра Сербии в период с 2017 по 2024 г., а ныне председатель высшего законодательного органа страны — Скупщины⁴. Список можно дополнить менее известными в

² Чикалова И. Р. Женщины в органах государственной власти и управления Республики Беларусь (1991–2008 гг.) // Беларусь: этапы становления дзяржаўнасці: Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск. Мінск, 2009. С. 533–541; Хушкадамова Х. Женщины в политике и управлении Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 8. С. 99–105; Курганова Е. Б. Имидж европейской женщины-политика: соотношение слагаемых // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4(28). С. 111–114; Коновалова К. А. Женское политическое лидерство в современной Латинской Америке: контекст и специфика // Русская политология. 2018. № 3(8). С. 45–50; Коваль А. А. Стереотип женщины-политика в американском массмедийном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 5. С. 1559–1564.

³ Women in power in 2023...

⁴ Премьер-министр Сербии Ана Брнабич. Досье [Electronic resource]. Electronic data. URL: https://aif.ru/dontknows/file/premer-ministr_serbii_ana_brnabich_dose (дата обращения: 10.01.2025).

России фамилиями, среди которых: президент Республики Сербской — Желька Цвиянович (2018–2022 гг.), президент Словении — Наташа Пирц-Мусар (2022 – по наст. вр.) и занявшая весной 2024 г. пост руководителя Северной Македонии — Гордана Силяновска-Давкова. Она стала первой в истории страны женщиной-президентом и шестым по счету главой независимой Македонии, опередив во втором туре своего конкурента, действующего (к моменту выборов) президента Стево Пендаровски (2019–2024 гг.).

В рамках данного материала сфокусируем внимание на формировании образа Г. Силяновской-Давковой в текстах СМИ (представленных в том числе в сети Интернет), интерес которых к ее персоне (согласно статистике Google) с момента избрания возрос более чем в семь раз. О кандидате в президенты и уже избранном главе македонского государства периодически сообщают мировые, российские, европейские и балканские СМИ, среди которых *Associated Press*, *Bloomberg*, *The Washington Times*, *TACC*, *РИА Новости*, *Коммерсант* и многие др.

Отдельный блок составляют македонские медиа: *Слободен печат*, *Фактор*, *Дневник*, *Независен Весник*, *Нова Македонија*, *Макфакс*, этот ряд можно и продолжить, принимая во внимание то, что по результатам одного из последних мониторингов, медиа система страны насчитывает более полусотни радиоканалов и порядка 80 телевизионных, несколько десятков печатных изданий и от 150 до 200 цифровых средств массовой информации⁵.

Мониторинг обозначенных и многих других периодических изданий, а также социальных сетей даст возможность выявить определенные паттерны, формируемые журналистами у аудитории в отношении первой в истории Республики Македония женщины-президента. Думается, что данный

⁵ *Trpevska S.* Monitoring media pluralism in the digital era. Country report: The Republic of North Macedonia / S. Trpevska, I. Micevski. Florence, 2021.

аналитический обзор внесет некоторый вклад как в развитие отечественной македонистики, так и в целом в сферу исследований, посвященных процессам конструирования медиареальности вокруг политических фигур, учитывая тот факт, что позиционирование в медиа Горданы Силяновской-Давковой анализируется в нашей стране впервые. По крайней мере, автору во время подготовки данного материала подобных публикаций не встречалось.

Гордана Силяновска-Давкова — юрист по образованию, профессор юридического факультета Университета Святых Кирилла и Мефодия в Скопье (считающегося главным высшем учебным заведением страны) и автор более двух сотен работ в области политики и права. Активная научно-исследовательская деятельность привела её в политическую систему, где в разные годы Силяновска-Давкова состояла в македонской парламентской конституционной комиссии, входила в состав кабинета министров одного из первых правительств страны, была членом и экспертом различных государственных и международных групп, среди которых Совет европейского движения Македонии (основатель), Европейская комиссия за демократию через право, Международная конференция по бывшей Югославии и др.⁶

Официальные македонские источники о первой женщине-президенте Силяновской-Давковой сообщают немного, учитывая то, что сама она фигура в политической системе страны не новая и для прессы всегда была открыта. Это подтверждается ее интервью газетам, на радио и телевидении и многочисленным интернет-ресурсам, а также активным присутствием в социальных сетях. Анализ македонских и региональных медиа, освещающих деятельность Силяновской-Давковой как в период перед выборами, так и после их успешного для нее завершения, обнаружил некоторые

⁶ Претседателка. Биографија [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://pretsedatel.mk/biografija-na-pretsedatelot/> (дата обращения: 13.05.2024).

используемые в её отношении номинативные способы позиционирования и восприятия журналистским сообществом. Думается, что определенную, весьма существенную роль в этом сыграл политический (вернее даже, историко-политический) контекст.

Македония — государство на юге Европы, имеющее свою историю, небольшую территорию и порядка 2 млн населения⁷. Современная история Македонии начинает отсчет со дня выхода ее из состава Югославии и провозглашения независимости соответственно 8 и 17 сентября 1991 г.

Республика Северная Македония — так страна называется с 2019 г., когда в результате проведенного (неоднозначного с точки зрения его итогов⁸) референдума политическая элита приняла решение о переименовании Бывшей югославской Республики Македонии (это «имя» как временное было дано стране в 1991 г. после провозглашения независимости) в Республику Северная Македония. Причиной смены топонима стал продолжающийся длительное время спор с Грецией, которая видела в наименовании Македонии предпосылки для активации территориального спора, ставшего во внешнеполитическом контуре Республики камнем

⁷ См.: *Ристовски Б.* Историја на македонската нација. Скопје, 1999.

⁸ Предполагалось, что референдум будет считаться состоявшимся, если в нем примут участие более половины зарегистрированных избирателей. По официальным данным, в ходе назначенного на 30 сентября 2018 г. референдума, 91 % граждан, пришедших на избирательные участки, на поставленный в бюллетене вопрос ответили утвердительно. Однако референдум был признан несостоявшимся, явка составила чуть меньше 37 %. Не принимая во внимание итоги голосования, действующий в то время премьер-министр Заев, внес на рассмотрение в парламент поправки в Конституцию и призвал представителей всех партий поддержать изменения, в противном случае депутатам корпусу грозил роспуск, назначение новых выборов и принятие поправок уже вновь избранным законодательным собранием. См.: *Сорокин Д. А.* Репрезентация переименования страны в аудиовизуальных СМИ Македонии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3(74). С. 201–208.

преткновения как в развитии добрососедских отношений с самой Грецией, так и в реализации идеи интеграции в европейские структуры.

Стоит особо отметить, что современная Македония граничит с Сербией и частично признанным Косово (Россия поддерживает позицию Сербии о ее целостности и не признает независимость Косова⁹), Болгарией, Грецией и Албанией и с каждой из обозначенных четырех стран имеет «непростые отношения».

Определенные политические силы и аффилированные ими общественные деятели Афин, Белграда, Софии и Тираны с момента обретения Македонией независимости ставят на повестку дня вопросы, связанные с македонской идентичностью и территорией страны.

Греция (как уже было отмечено) длительное время выступала против официального названия страны и под этим предлогом блокировала ее членство в НАТО. Этот сложный вопрос удалось разрешить только после того, как Македония была переименована в Северную Македонию, и в результате, в марте 2020 г. она стала 30-м членом Североатлантического Альянса.

Албанское население Македонии, по разным подсчетам составляющее до 25 % от общей численности, периодически (и не безуспешно), в том числе и при поддержке политических сил, связанных с Албанией, борется за расширение своих прав и признание вторым титульным народом.

Сербская православная церковь (СПЦ) на протяжении длительного периода времени отрицала существование македонской церковной автокефалии, которая была учреждена решением III церковно-народного Собора в г. Охрид в 1967 г.

⁹ *Борисов А.* Позиция РФ: Основа косовского урегулирования — Резолюция Совбеза ООН 1244 // Российская газета [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://rg.ru/turbo/rg.ru/s/2020/05/11/poziciia-rf-osnova-kosovskogo-uregulirovaniia-rezoliuciia-sovbeza-oon-1244.html> (дата обращения: 2.10.2024).

Ситуация изменилась лишь спустя полвека, когда СПЦ признала автокефальность Македонской православной церкви — Охридской архиепископии, продемонстрировав, таким образом, признание специфической славяно-македонской национальной идентичности¹⁰.

Болгария и её академическое сообщество отказываются официально признавать существование македонского языка, считая его диалектом болгарского, и, в связи с этим, налаживают вето на вступление последней в Европейский союз¹¹.

Идеи евроинтеграции (вступление в НАТО и ЕС) стали единственными и базовыми задачами во внешнеполитической деятельности македонского политического эстеблешмента, представленного (фактически) двумя крупными акторами: Внутренней македонской революционной организацией — Демократической партией за македонское национальное единство (ВМРО-ДПМНЕ) и Социал-демократическим союзом Македонии (СДСМ).

СДСМ — является партией гражданско-социальной ориентации, провозглашающей своей целью трансформацию республики в гражданское демократическое государство. СДСМ с 1990-х годов взял курс на строительство свободного, справедливого и благополучного общества равноправных граждан в независимости от национальности, базирующегося на политическом плюрализме, создании нормативной базы рыночной экономики, снижении уровня безработицы и др.

ВМРО-ДПМНЕ является самой крупной партией и ставит своей целью создание национального македонского государства и достижение духовного, политического, экономического и этнического единства македонского народа.

¹⁰ См.: *Понамарева А. М.* Церковный раскол в Республике Северная Македония: внешнеполитическое измерение. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 43–62.

¹¹ *Сорокин Д. А.* Македонский язык как объект межгосударственного спора (по материалам СМИ) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 4. С. 79–86.

Наметившаяся в первое десятилетие существования независимой Македонии тенденция на сменяемость у руля власти партий ВМРО-ДПМНЕ и СДСМ в зависимости от того, какая из них объединится с партией, представляющей албанское меньшинство, лишь укрепляется¹². Подтверждение тому — избирательная кампания 2024 г., когда оппозиционная коалиция во главе с ВМРО-ДПМНЕ завоевала в три раза больше голосов избирателей, чем коалиция правящей к тому времени СДСМ. Аналогичная ситуация наблюдалась и в кампании по выборам президента, когда уже в первом туре стал очевиден выбор граждан страны. Силиановска-Давкова, *de jure* являясь независимым кандидатом, а *de facto* представляя интересы ВМРО-ДПМНЕ, одержала победу (получив почти 40 % голосов) над представителем СДСМ — Стево Пендаровски (получившим лишь 20 % голосов избирателей).

12 мая 2024 г., вступая в должность, Гордана Силиановска-Давкова определила политический курс Македонии на ближайшие 5 лет. Выступая перед парламентариями и приглашенными гостями церемонии, новоизбранный президент заявила, что будет «...соблюдать конституцию и законы, защищать суверенитет, территориальную целостность и независимость Македонии»¹³. Именовав возглавляемую страну привычным названием, без появившейся в 2019 г. приставки «Северная», Силиановска-Давкова спровоцировала волнения как в политических кругах, так и во внешнем окружении.

Подтверждение тому заголовки статей информационных агентств — «North Macedonia's new president reignites a spat with Greece at her inauguration ceremony», «Row over North Macedonia's name flares up again», «North Macedonian

¹² Сорокин Д. А. Маятник македонской партийной системы // Власть. 2011. № 9. С. 155–159.

¹³ Инаугурација на новоизбраната претседателка Гордана Силиановска Давкова [Electronic resource]. Electronic data. URL: https://pretsedatel.mk/inauguracija_12052024/ (дата обращения: 13.05.2024).

president's inauguration revives name dispute with Greece», «North Macedonia president stokes controversy at inauguration» и др. В журналистских сообщениях *The Washington Times*, *BBC*, *Radio France Internationale*, *TACC*, *Известий* и др. и материалах со ссылкой на *Associated Press* и *Reuters* обозначается, что «спор вокруг названия Македонии разгорается снова», своим высказыванием новый президент Северной Македонии обострила отношения с Грецией.

В одном из журналистских материалов указывается, что инаугурационная речь Силяновской-Давковой вынудила посла Греции покинуть торжественную церемонию, а спустя некоторое время сделать официальное заявление. Согласно ему, именование страны Македонией «...является вопиющим нарушением Преспанского соглашения¹⁴ и Конституции...», а возможность дальнейших добрососедских отношений с Грецией ставится под угрозу. При этом в официальном заявлении греческого МИД особо подчеркивалось, что прогресс в процессе интеграции в евроструктуры «зависит от полного выполнения Преспанского соглашения и, в первую очередь, от использования конституционного названия страны»¹⁵. Кроме того, по сообщениям прессы, негативно к высказываниям-Силяновской-Давковой отнеслась и глава (в то время) Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен. В социальной сети X (ранее Twitter) (Роскомнадзор ограничил доступ к сайту Twitter на территории России) она также заявила, что путь Македонии в ЕС связан с соблюдением положений

¹⁴ Полное название: Окончательное соглашение об урегулировании разногласий, как описано в резолюциях 817 (1993) и 845 (1993) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, о прекращении действия Временного соглашения 1995 года и установлении стратегического партнерства между Сторонами.

¹⁵ Announcement by the Ministry of Foreign Affairs on the swearing-in ceremony of the President of North Macedonia (12.05.2024) [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://www.mfa.gr/en/announcement-by-the-ministry-of-foreign-affairs-on-the-swearing-in-ceremony-of-the-president-of-north-macedonia-12052024/> (дата обращения: 13.05.2024).

Преспанского соглашения. Схожие позиции занял и председатель (в то время) Европейского совета Шарль Мишель.

Стоит отметить, что Преспанское соглашение 2018 г., на которое ссылались европейские лидеры, было подписано лево-ориентированным (представителем СДСМ) премьер-министром Македонии Зораном Заевым и его греческим коллегой Алексисом Ципрасом и получило название по месту его подписания — на берегах озера Преспа. Договором урегулировался спор о названии страны и утверждалось ее переименование в Республику Северная Македония с последующим одобрением граждан Македонии (на уже упомянутом референдуме) и дальнейшим вступлением в НАТО¹⁶.

Учитывая изложенное, встает вопрос — стало ли сказанное президентом проявлением политической позиции или оговоркой. Однозначный ответ на этот вопрос возможно получить, лишь задав его лично, однако и фигурирующие в информационном пространстве данные помогут прояснить ситуацию.

Силяновска-Давкова не поддерживает Преспанское соглашение, а, следовательно, и переименование страны. Об этом она не раз говорила в прессе, в том числе и в интервью, опубликованном македонским изданием *Независен Весник*, где подчеркивает, что все преобразования с целью интеграции в европейские структуры привели к дезинтеграции македонского общества, к утрате им национальной идентичности, решив один спорный вопрос, соглашение породило множество других разногласий¹⁷.

Смену названия страны и подписание Преспанского соглашения не поддерживали и представители ВМРО-

¹⁶ Сорокин Д. А. Репрезентация переименования страны...

¹⁷ Interview with opposition presidential candidate Gordana Siljanovska-Davkova [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://nezavisen.mk/ibna-interview-with-opposition-presidential-candidate-gordana-siljanovska-davkova/> (дата обращения: 21.10.2024).

ДПМНЕ, инициировавшей выдвижение Силяновской-Давковой на пост президента. Однако даже находящийся в то время (время подписания договора) во главе государства ориентированный на силы ВМРО-ДПМНЕ Георгий Иванов против Соглашения не высказывался. Это было бы контрпродуктивно с точки зрения внешнеполитической доктрины македонского государства, выработанной еще в 90-х годах XX в., один из пунктов которой — вступление в НАТО. (Очевидно, что это понимает и нынешняя глава государства.)

Дополнить изложенное можно и еще одной примечательной деталью. Текст официального обращения Силяновской-Давковой содержал официальное название страны — Республика Северная Македония, по крайней мере, такой информацией с общественностью поделился репортер *Agence France-Presse*¹⁸.

Обозначенный кейс демонстрирует стремление Силяновской-Давковой с первых дней ее руководства страной (как на высшем внутригосударственном уровне, так и во внешней политике) отстаивать национальные интересы, сохранять македонскую идентичность.

Можно предположить, что политические позиции Силяновской-Давковой складывались и под влиянием ее научной деятельности как правоведа. Стоит отметить, что с 1978 г., с момента окончания юридического факультета в Университете в Скопье, началась ее преподавательская работа в должности ассистента, доцента, а затем профессора и заведующего кафедрой конституционного права и политических систем. Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье является первым государственным и крупнейшим научным центром Македонии, он был основан в 1949 г. и состоял из трёх факультетов. Спустя три года Постановлением Прави-

¹⁸ North Macedonia president stokes controversy at inauguration [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://www.gmanetwork.com/news/topstories/world/906552/north-macedonia-president-stokes-controversy-at-inauguration/story/> (дата обращения: 13.05.2024).

тельства Республики Македония от 3 ноября 1951 г. было учреждено так называемое правовое направление, которое в 1956 г. стало полноценным факультетом. По случаю 50-летия его основания, в 2001 г., он был переименован в юридический факультет имени Юстиниана I — *Facultas Iuridica Iustinianus Primus*.

Мониторинг мировых, крупных региональных и македонских изданий обнаружил, что в некоторых материалах, связанных с персоной Силяновской-Давковой журналисты особо подчеркивают ее ученое звание — профессор.

Один из примеров — интервью международному англоязычному новостному каналу *TRT World*. В тексте и корреспондент, и сама Силяновска-Давкова, рассуждая о проблеме наименования Македонии, идентифицирует себя именно как научный сотрудник — профессор в области права. В ответе на вопрос журналиста в контексте темы наименования Македонии, она акцентирует внимание на том, что гимн, герб и флаг символизируют так называемые принципы самоопределения. Они олицетворяют национальную идентичность, самобытность македонского народа, его дух. И, вспоминая библейскую историю о битве Давида и Голиафа, метафорически определяет Македонию как Давида, а Грецию как Голиафа, и указывает на безвыходность ситуации с применением «силы Голиафа» в сложном споре Македонии и Греции¹⁹.

В научных трудах Силяновской-Давковой, которых более двухсот, данная метафора используется неоднократно. Один из примеров — коллективная монография, изданная в Белграде и посвященная развитию парламентаризма в государствах бывшей Югославии. Силяновска-Давкова в

¹⁹ *Gjevari E.* Interview with North Macedonia's presidential hopeful Gordana Siljanovska [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/interview-with-north-macedonia-s-presidential-hopeful-gordana-siljanovska-26000> (дата обращения: 21.10.2024).

соавторстве с коллегой анализируют взаимоотношения македонских парламента и правительства и факторы, влияющие на их совместную работу, и определяют роль Голиафа за правительством и Давида — за парламентом²⁰.

Среди научных интересов действующего президента Македонии: политическая система государства, процессы демократизации, формирование конституционных основ, становление парламентаризма и политической демократии, особенности местного самоуправления и другие темы, связанные с теоретизированием и научным анализом ситуации, складывающейся в молодой балканской стране, которые близки ей как политику, управленцу.

Особо отметим, что Силяновска-Давкова, став первой женщиной-президентом, отнюдь не первый глава государства, имеющий тесную связь с научным сообществом. В данном контексте вспоминается так называемое правительство экспертов, сформированное первым президентом независимой Македонии К. Глигоровым. Его воззрения (с одной стороны, опытного партийного работника, а с другой, либерально-экономического реформатора) и демократические идеи легли в основу Декларации о независимости и Конституции Республики. Приглашение же в кабинет министров в качестве премьера экономиста Николы Ключева, а вице-премьера — ученого филолога Блаже Ристовского, а также многих других деятелей науки не дало результатов. Груз проблем, среди которых социальные вопросы, гиперинфляция, отделение национальной экономики от экономики союзного государства, формирование собственной армии, развитие сельского хозяйства, промышленности и т. д., оказался для правительства экспертов неподъемным²¹. При этом идеи македонской государственности, сформулированные Глиго-

²⁰ *Siljanovska-Davkova G., Treneska-Deskoska R. Macedonian (Un) democratic Saga: David (Parliament) vs Goliath (Government) // Iskusenja parlamentarizma. Beograd, 2013. P. 75–89.*

²¹ *Глигоров К. Македонија е се што имаме. Скопје, 2002. С. 175–176.*

ровым и интеллектуалами о «...Македонии как государстве всех его граждан без различия по принадлежности к национальности, вероисповеданию и политическим пристрастиям» легли в основу и политической программы нынешнего президента страны — Сияяновской-Давковой. С одним лишь дополнением, указанием на особую роль женщины.

Как и во время предвыборной кампании, так в своей инаугурационной речи этой теме было уделено особое внимание. Многие журналисты, освещавшие торжественную церемонию вступления в должность президента, в новостных заметках подчеркивают, что именно женщина, по мнению Сияяновской-Давковой, сможет изменить ситуацию на Балканах, найти решение спорных региональных вопросов, «феминизировать» и «европеизировать» Македонию, позиционировать её «...как умную, сильную, достойную женщину» («...како умна, стамена, достоинствена жена» — макед. яз.) потому как сама природа македонской государственности — женская — «...држава е во женски род, политика е во женски род, демократија е во женски род, Македонија е во женски род» / «...страна женского рода, политика женского рода, демократия женского рода, Македония женского рода». А свою роль Сияяновска-Давкова определяет как вдохновителя / вдохновительницу других женщин принимать активное участие в общественной и политической жизни страны, изменяя её к лучшему²².

Об этом она не раз заявляла публично с университетской кафедры в рамках читаемого в начале 2000-х годов курса, связанного с гендерными исследованиями — «Женщины и политика»; в научных кругах: на конференциях (к примеру, «Женщины-лидеры и их участие в политике: на пути к равенству», г. Скопье, 2017 г.) и открытых лекциях; на страницах своих социальных сетей.

²² Инаугурација на новоизбраната претседателка Гордана Сияяновска...

Контент последних, естественно, модифицировался, что связано с изменением статуса Сияляновской-Давковой, ставшей президентом страны. С весны 2024 г. основные фотографии и видео посвящены государственным делам, официальным выступлениям, заявлениям, приемам, встречам и т. п. Так, только за декабрь 2024 г. в аккаунте Instagram²³ было опубликовано порядка 60 постов о деятельности президента, здесь и встречи с политическими партиями, общественными деятелями, молодежью, военными, представителями научного сообщества, в том числе и с профессорско-преподавательским составом факультета права, с послами зарубежных стран и др.

Публикации сопровождаются краткими подписями «от первого лица», однако, очевидно, что страницы в соцсетях ведет пресс-служба президента. На это указывает, с одной стороны, тот факт, что контент в Facebook²⁴, Instagram²⁵ идентичен, а с другой, сам статус автора. При этом примечательно, что до вступления в высокую должность, к примеру, свою личную страницу в соцсетях Сияляновска-Давкова вела самостоятельно²⁶. Рассказывала друзьям и подписчикам о жизни, делилась мыслями, призывала к обсуждению волнующих тем, позиционируя себя именно как женщина — жена, мать

²³ Деятельность относящихся к компании Meta Platforms, Facebook и Instagram, признана в России экстремистской и запрещена.

²⁴ См.: Официальный аккаунт — Gordana Siljanovska Davkova <https://www.facebook.com/siljanovskadavkova>. Деятельность относящихся к компании Meta Platforms, Facebook и Instagram, признана в России экстремистской и запрещена.

²⁵ См.: Официальный аккаунт — Gordana Siljanovska Davkova https://www.instagram.com/gordana_siljanovska_davkov. Деятельность относящихся к компании Meta Platforms, Facebook и Instagram, признана в России экстремистской и запрещена.

²⁶ См.: Аккаунт — Gordana Siljanovska Davkova <https://www.facebook.com/gordana.siljanovska.71>. Деятельность относящихся к компании Meta Platforms, Facebook и Instagram, признана в России экстремистской и запрещена.

двоих детей, активистка, профессор, именно в таком порядке обозначены статусы Силяновской-Давковой в профиле.

Медиа портрет формируют многочисленные фото-, видео- и текстовые высказывания, каждое из них так или иначе отражает восприятие мира. Приведем лишь несколько примеров: пост, посвященный празднованию 1 Мая — на фотографиях Силяновска-Давкова с мужем и дочерью с краткой подписью, где она подчеркивает значимость Дня труда для их семьи, указывая, что «труд любого человека должен цениться»; еще один пост — на фотографии она в объятиях сестры на матче футбольного клуба «Вардар»; видеофрагмент ее занятий йогой на берегу Охридского озера в окружении других тренирующихся; пост с фотографией, сделанной в одном из кафе на берегу озера, где Силяновска-Давкова с фужером красного вина высказывается о необходимости коммуникации в соцсетях; лаконичное поздравление со светлым праздником Воскресения Христова; или же философские размышления на тему Дня Земли со ссылкой на слова Л. Н. Толстого о проявлении счастья как сохранения связи человека и природы и др. Подобный контент аудитория воспринимает позитивно, многие посты набирают значительное количество условно положительных реакций, пользователи социальных сетей в комментариях высказывают свою позицию, поддерживают.

Описанные в настоящей статье некоторые кейсы отражают специфику медиа позиционирования первой женщины-президента Республики Северная Македония.

Вероятнее всего, указанная специфика была выработана на протяжении длительного времени и базировалась на её собственных воззрениях и близких ей политических сил. Исходя из изложенного, можно предположить, что идеологический образ Силяновской-Давковой формируется по трём основным направлениям. Условно обозначим их так: политик-патриот, ученый-интеллектуал и женщина-управленец, «идущая в ногу со временем». Думается, что обозначенная

триада и ее идеологическая понятность и близость к традиционному, но в некоторой степени европеизированному македонскому обществу способствовали росту популярности кандидата в президенты Силяновской-Давковой и, в конечном итоге, её победе на выборах весной 2024 г.

Сведения об авторах

Бондарев Никита Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения Российской академии наук.

Грдина Игор — сотрудник Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (г. Любляна, Словения).

Керимова Мариям Мустафаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время, сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Института славяноведения Российской академии наук.

Лобачева Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук.

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения Российской академии наук.

Осет Желько — доктор исторических наук (PhD), сотрудник Американско-словенского образовательного центра (г. Любляна, Словения).

Пилько Надежда Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук.

Секулович Елена — консультант Этнографического музея г. Белграда.

Созина Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения Российской академии наук.

Сорокин Данила Алексеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и телевизионных технологий Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина.

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, зав. Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения Российской академии наук, профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Чепелевская Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения Российской академии наук.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA VI

ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ
НА ЮГОСЛАВСКОМ И ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Утверждено к печати

Ученым советом Института славяноведения РАН

(Протокол № 7 заседания Ученого совета

ФГБУН Института славяноведения РАН от 30.09.2025)

Главный редактор

К. В. Никифоров

Ответственные редакторы

Н. С. Пилько, Ю. В. Лобачева

Компьютерная верстка

Русский научный институт в Белграде

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inслав@inслав.ru

Фотографии на обложке
(слева направо)
Песьяк Луиза
Надежда Петрович
Вера Николаевна Харузина
Ана Майер-Кански
Зофка Кведер
Катарина Богданович
Алма Содник
Люба Преннер
Людмила Долар-Мантуани
Бибиана Чуйец
Маруша Кресе
Светлана Макарович
Гордана Силяновска-Давкова

Фотографии взяты из открытых источников.

Подписано в печать 25.10.2025. Формат 60×841/16.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 18,5 печ. л.

Заказ №

Тираж 100 экз.